

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

197

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

197

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. В. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук М. Г. МОШКОВА, В. Д. КУЗНЕЦОВ

Железный век Восточной Европы.— М.: Наука, 1989.—
96 с., ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 197).
ISBN 5—02—009458—7

Выпуск посвящен публикации материалов, полученных в результате работ на памятниках железного века в различных регионах Восточной Европы. В статьях приводятся интересные данные о поселениях и могильниках, образе жизни и хозяйства, материальной культуре древнего населения, освещаются вопросы общего характера, связанные с историей многочисленных племен.

Для археологов, историков.

Ж $\frac{0504000000-365}{042(02)-90}$ 172—89—1

Научное издание

Железный век Восточной Европы

КСИА. Вып. 197

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. А. Сенькив. Художественный редактор И. Д. Богачев. Технический редактор М. Л. Маркелова. Корректоры Т. П. Вдов, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 39048

Сдано в набор 17.08.89. Подписано к печати 17.11.89. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр. отт. 8,58. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 1750 экз. Тип. зак 3344 Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5—02—009458—7

© Институт археологии АН СССР, 1990 г.

СТАТЬИ

Ю. А. КРАСНОВ

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Одним из важнейших достижений советской исторической науки в области типологии традиционной культуры человеческого общества являются создание и разработка концепции хозяйственно-культурных типов¹.

Напомним основные черты рассматриваемой концепции.

Хозяйственно-культурные типы (ХКТ) — это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, характерные для различных по происхождению народов, обитающих в сходных физико-географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. ХКТ особенно характерны для докапиталистических формаций.

Являясь целостным и внутренне связанным комплексом, ХКТ отражают определенную общность людей — носителей данного комплекса и могут рассматриваться в качестве общественных макроединиц.

Единство данного ХКТ структурно определяется ведущей отраслью хозяйства, одной из главных сторон общественного разделения труда. Но ХКТ нельзя отождествлять с хозяйственным типом: это явления разного порядка, причем первое значительно шире и сложнее второго. ХКТ можно рассматривать как сложную систему, связывающую общество на определенной стадии его развития с природными ресурсами через хозяйство посредством культуры.

Различия между ХКТ проявляются в первую очередь через основные занятия большинства населения, а также такие категории материальной культуры, тесно связанные с хозяйством и географической средой, как орудия труда, одежда, жилища, система питания, средства передвижения и т. п. В области духовной культуры эти различия проявляются в тех обрядах, обычаях, особенностях культа, изобразительного искусства и т. п., которые наиболее ярко отражают ведущие формы хозяйства и определяемые ими формы труда и быта. При этом критерий выделения ХКТ лежит не столько в сфере различий отдельных элементов культуры, сколько в особой для каждого типа структуре объединения таких элементов на основе разных форм хозяйства.

ХКТ тесно связаны с физико-географическими условиями жизни человеческих коллективов. Но взаимоотношения человека с природной средой всегда осуществляются в процессе общественного производства, а потому носят различный характер на разных этапах социально-экономического развития общества. Отсюда следует, что ХКТ социально обусловлены и выступают как исторически складывающиеся, развивающиеся общественные явления.

Историческое развитие ХКТ проявляется, во-первых, в тех изменениях, которые претерпевает определенный тип в связи с развитием производительных сил, хотя его структурообразующие признаки и структура

в целом остаются неизменными. Такие изменения могут рассматриваться как количественные. В этой связи важно исследовать черты конкретных ХКТ различных исторических эпох. Во-вторых, этот процесс выражается в смене типов в одинаковых физико-географических условиях и у одних и тех же народов. Здесь имеют место уже качественные изменения, затрагивающие ХКТ в целом. Смена типов может быть следствием как социально-экономического и хозяйственного развития у данных племен и народов, так и результатом внешних влияний и заимствований. Чаще всего оба указанных фактора сочетаются.

При смене одного ХКТ другим исчезают далеко не все элементы культуры, свойственные старому типу, хотя структура последнего коренным образом меняется. Это дает возможность восстанавливать черты давно ушедших с исторической арены ХКТ путем изучения пережиточных явлений.

ХКТ в целом не связаны с этнической спецификой. Их элементы в культуре какого-либо народа, будучи функционально связанными через хозяйство с природной средой, обычно не несут этнической нагрузки. Однако этнос «характеризует все его культурное достояние»². Поэтому в число характеристик данного этноса следует включать и ХКТ, носителями которых указанный этнос является. В отдельных случаях некоторые черты ХКТ и даже тип в целом могут выполнять этнодифференцирующие функции на границах этносов.

Наконец, отметим, что социальный строй различных племен и народов связан с характерными для них ХКТ, отражающими, в свою очередь, уровень развития производительных сил общества.

Все ХКТ обычно разделяют на три большие группы, отличающиеся степенью развития производительности труда и, следовательно, величиной прибавочного продукта. К первой группе относятся типы, основанные на присваивающей экономике, ко второй — на производящей экономике с ручным трудом, к третьей — типы с пашенным земледелием³. В двух последних группах нередко выделяются подтипы по относительной роли земледелия и скотоводства. Это генетическая классификация ХКТ, отражающая поступательное развитие экономической базы, на которой они складываются. В пределах указанных групп выявляются конкретные ХКТ, развивающиеся в определенных физико-географических условиях и отражающие их особенности. Внутри таких типов могут выделяться подтипы или варианты.

Если деление ХКТ на основные группы не вызывает существенных разногласий, то принципы выделения и номенклатура конкретных типов у специалистов нередко различаются⁴. Недостаточно разработаны и критерии выделения подтипов и вариантов внутри ХКТ.

Концепция ХКТ имеет огромное значение для исследования исторического процесса с материалистических позиций. Она позволяет глубже понять связь и взаимодействие общественного производства и природной среды, полнее осветить историю хозяйства и культуры, определить направления и причины их развития на данной территории в тот или иной период.

Учение о ХКТ нашло широкое и плодотворное применение прежде всего при изучении этнографических материалов⁵. Однако для получения целостной картины динамики хозяйственно-культурных особенностей человечества во времени и пространстве необходимо выявление и характеристика всех ХКТ, существовавших в самые различные периоды человеческой истории. Это невозможно без анализа с точки зрения рассматриваемой концепции археологических материалов. В силу известной неполноты эти источники постоянно сопоставляются с этнографическими материалами, а сам анализ по необходимости должен приобрести характер археолого-этнографического.

Обратимся под углом зрения концепции ХКТ к археологическим материалам европейской части СССР эпохи раннего железа. В ограничен-

ных рамках одной статьи это может быть сделано лишь в самой общей форме.

В эпоху раннего железа климатические особенности и физико-географическая зональность Восточной Европы были в целом близки к современным⁶. Однако несколько сильнее была выражена континентальность климата, большее распространение имели лесные формации, в том числе в лесостепи, в долинах рек и в степной зоне. Повышенная по сравнению с современной увлажненность в начале периода сменилась на рубеже нашей эры пониженной, что, впрочем, не оказало существенного влияния на распределение естественной растительности и окружающую среду в целом.

С учетом физико-географического районирования рассматриваемой территории⁷ археологические материалы позволяют выделить шесть имевших наибольшее территориальное распространение ХКТ.

В подзонах северной, средней и большей части южной тайги, где можно предполагать расселение саамских и финно-угорских племен, археологически прослеживается устойчивый комплекс материальной культуры, включающий, в частности, следующие важные элементы: поселения двух типов — постоянные с долговременными жилищами и временные; остеологический материал, состоящий, если не считать останков собаки, исключительно из костей диких животных, птиц и рыб; большое количество наконечников стрел и копий; находки поделок, интерпретируемых как детали ловушек; орудия для обработки шкур; применение при изготовлении орудий труда преимущественно дерева, камня, кости и, наоборот, редкое использование для этих целей металла, хотя медь, бронза и железо здесь не только были известны, но и выплавлялись; широкое распространение в изобразительном искусстве мотивов, связанных с охотой и рыболовством, дикими животными, птицами и рыбами. С учетом этнографических данных указанный комплекс позволяет реконструировать здесь ХКТ охотников и рыболовов тайги, составлявший некогда часть характерного для всей зоны лесов Восточной Европы типа охотников и рыболовов лесной зоны умеренного пояса. Этот последний, восходящий, по-видимому, к мезолиту, к началу раннего железного века, значительно сократил свой ареал, уступив место ХКТ, основанному на производящем хозяйстве.

Структурной основой рассматриваемого типа было сочетание охоты и рыболовства как основных занятий населения, при этом рыболовный промысел не уступал охоте, особенно в долинах крупных рек и озерных районах. Охота на различных животных и птиц имела целью получение мяса для питания и шкур для одежды. Обмен пушниной с соседями мог иметь место, но не привел в тот период к сколько-нибудь заметному изменению в направленности охоты.

Охота была пешей, в основном индивидуальной, с помощью собаки, зимой на лыжах. Кроме лука со стрелами и метательного копья, большее значение имели различного рода ловушки. Главным орудием рыболовства были, вероятно, также ловушки, устанавливаемые на перегороженных реках и заливах озер. Были известны также гарпунение рыбы с лодки, ловля на удочку, подледный лов в зимнее время.

Ведущие отрасли хозяйства обусловили полуоседлый образ жизни, что нашло отражение в двух типах поселений, прослеживаемых в тайге археологически. Постоянные жилища — наземные или полужемляночные, в большинстве случаев срубной конструкции, с открытыми очагами или печами-каменками — были приспособлены к суровому таежному климату. Временные жилища имели вид шалашей округлой формы с коническим покрытием из коры или шкур животных. Из транспортных средств, кроме лыж, использовались легкая ручная нарта, в которую для помощи человеку иногда впрягалась охотничья собака, и лодка-однодревка.

Основу питания составляло мясо диких животных и птиц, а также рыба, приправляемые съедобными травами, кореньями, орехами и другими продуктами собирательства. Одежда изготовлялась преимущест-

венно из шкур животных, была распашной, сравнительно легкой и удобной при быстрых передвижениях в лесу, связанных с охотой.

На южных окраинах ареала рассматриваемого типа известны отдельные памятники, в остеологическом материале которых наряду с массой остатков диких животных имеется небольшое количество костей домашних видов крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади. Некоторые из таких поселений располагаются не вблизи воды, как большинство таежных памятников, а на высоких местах речных долин и озерных котловин, в тех же топографических условиях, в которых располагаются современные деревни. По всем остальным параметрам они не отличаются от других синхронных памятников тайги.

По-видимому, здесь можно говорить о подтипе или варианте ХКТ таежных охотников и рыболовов, носители которого познакомились с начатками производящего хозяйства. Подобные промежуточные типы характерны для пограничных зон ХКТ, основанных на производящем хозяйстве, с одной стороны, и на присваивающем — с другой. Охота и рыболовство продолжали оставаться здесь ведущими в хозяйстве, определяя основные черты быта и культуры; животноводство и, возможно, земледелие, ясных следов которого пока не обнаружено, играли чисто вспомогательную роль.

На памятниках европейской тундры и лесотундры рассматриваемого времени археологически прослеживается близкий к таежному комплекс материальной культуры, отличающийся преобладанием среди остеологического материала костей северного оленя при отсутствии каких-либо материальных остатков ведения оленеводства, развитой каменной индустрии, в которой почти не прослеживаются признаки упадка, характерные для эпохи металла, отсутствием постоянных поселений и жилищ.

Здесь может быть выделен ХКТ охотников тундры и лесотундры, сформировавшийся, вероятно, не позднее неолита, по мере освоения лесными охотниками и рыболовами субарктических районов. Таким образом, рассматриваемый тип сформировался на базе ХКТ охотников и рыболовов лесной зоны в иных физико-географических условиях и может рассматриваться как генетически с ним связанный. Особенно хорошо черты этого ХКТ фиксируются в низовьях Печоры и Большеземельской тундре, где в то время обитали племена, относящиеся, вероятно, к палеоазиатской языковой группе, но испытавшие значительное влияние со стороны обских угров. Такой же тип был распространен, видимо, и на Колыском п-ве, среди части саамского населения⁸.

В связи с тем что животный мир тундры беднее, чем тайги, ведущей отраслью хозяйства стала охота на диких северных оленей, практически единственного здесь вида крупных животных. Такая охота могла вестись только при почти непрерывном следовании охотничьих коллективов за кочующими оленьими стадами. Это обусловило переход от полуоседлого образа жизни, характерного для лесных охотников и рыболовов, к бродячему, при котором поселения имели временный характер, а основной формой жилищ стали шалаши конической формы, покрытые шкурами животных.

Важнейшие охотничьи орудия были здесь такими же, что и у таежных охотников и рыболовов. Из своеобразных способов охоты следует отметить ловлю крупных птиц, особенно гусей, во время линьки, битье оленей при переправах через реки во время перекочевки стад, охоту из-за передвижного заслона. Уже в раннем железном веке здесь мог применяться также способ охоты с помощью оленя-манщика, заимствованный у обских угров, где он практиковался, вероятно, уже в усть-полуйское время⁹. Рыболовство играло меньшую роль, чем в тайге, что было связано с переходом к бродячему образу жизни. В условиях сурового субарктического климата сравнительно легкая распашная одежда была заменена более тяжелой, теплой и глухой.

В специфических условиях арктических приморских районов также не позднее неолита сложился ХКТ арктических береговых охотников и

рыболовов. Для рассматриваемого периода он археологически прослеживается на северном побережье Кольского п-ва среди населения, которое можно отнести к саамскому. Такой же тип, возможно, имел место на побережье Белого моря. Наиболее характерными и яркими памятниками этого ХКТ являются стоянки на Екатерининских о-вах Кольского залива и могильник на Большом Оленьем о-ве¹⁰. Здесь, как и в тундре, почти не был замечен упадок каменной индустрии, хотя отдельные железные орудия, например ножи, безусловно, употреблялись.

Основными объектами охоты стали тюлени, дельфины и другие морские животные, кости которых во множестве найдены на указанных памятниках. Не меньшую роль играло морское рыболовство. Это обеспечивало возможность длительного пребывания человеческих коллективов на одном месте, предопределило оседлый быт, постоянные поселения с жилищами в виде землянок. Охота велась и на суше — на северных оленей, пушных зверей, птиц, но она не определяла структуру типа.

Охота на морского зверя велась с лодок, изготавливавшихся из дерева и просмоленных шкур. Вырабатывались такие специфические орудия, как крупные костяные гарпуны и каменные кинжалы, служившие для разделки туш. В морском рыболовстве применялись сети, крупные грузила, которые являются частой находкой на памятниках арктического побережья.

Рассматриваемый тип в генетическом плане также может быть связан с типом охотников и рыболовов лесной зоны, занявших при миграциях на север специфическую экологическую нишу и изменивших вследствие этого свои хозяйственно-культурные особенности.

В подзонах смешанных лесов, захватывая также часть южной тайги и широколиственных лесов, на территории, занятой главным образом балтскими и финно-угорскими племенами, комплекс материальной культуры, археологически фиксируемый ранним железным веком, включает следующие важные признаки: постоянные, большей частью укрепленные долговременные поселения, располагающиеся на возвышенных местах в долинах рек и озерных котловинах; преобладание в остеологическом материале памятников останков домашних животных наряду с большим количеством диких; находки культурных растений и сопутствующих им сорняков (хранилища для зерна невелики по размерам); наличие накопителей ручных орудий для обработки земли при отсутствии каких-либо свидетельств о применении пахотных орудий и серпов; наличие зерно-терок и ступ, а также деталей конской упряжи; изображения домашних животных наряду с такими же изображениями диких животных и птиц. Орудия труда часто изготавливались из железа, а также из кости, обработанной железным ножом.

Совокупность указанных признаков и сравнительный этнографический материал позволяют выделить здесь ХКТ ручных (допашенных) земледельцев и скотоводов, пришедший на смену типу охотников и рыболовов лесов умеренного пояса. Окончательное сложение ХКТ у аборигенного населения зоны лесов следует относить к рубежу эпохи бронзы и раннего железа¹¹. Смена типов была обусловлена распространением на север производящего хозяйства.

Структурообразующей особенностью ХКТ ручных земледельцев и скотоводов умеренного пояса было комплексное хозяйство, в котором земледелие, ведущееся без применения упряжных пахотных орудий, животноводство, охота и в меньшей степени рыболовство составляли единую неразрывную систему при ведущем значении производящих компонентов. При этом в силу физико-географических особенностей лесной зоны животноводство на первых порах имело большее значение, чем земледелие.

Как и во всей Европе, земледелие было основано на выращивании злаковых растений. Использовались два—три вида пшениц, ячмень, лен, конопля, а местами также просо, горох, бобы. Практиковались пойменная, переложная, подсечно-огневая системы земледелия. Были известны

только яровые посевы. Для обработки почвы использовались палки для вскапывания; иногда снабжавшиеся костяными, роговыми или металлическими наконечниками, мотыги и ручные орудия для проведения борозд. Уборка урожая велась без применения специальных орудий и лишь в некоторых районах жатвенными ножами с прямым лезвием. Зерно вымолачивалось ударом пучка колосьев о твердый предмет («хвостанье»), простыми палками, изогнутыми орудиями, типа известной в этнографии кичиги. Для размола зерна использовались только зернотерки и ступы.

Были известны все виды важнейших сельскохозяйственных животных: крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь. Состав стада в отдельных районах существенно отличался, хотя животноводство повсюду имело в основном мясное направление. Установлено использование молока и молочных продуктов. Лошадь и крупный рогатый скот применялись также для транспортных целей. Господствовала придомная форма животноводства с вольным выпасом, местами с регулярной пастьбой стад под присмотром пастухов.

Орудия и методы охоты и рыболовства в принципе оставались теми же, что и в предшествовавшем по времени ХКТ охотников и рыболовов, хотя и наблюдались различные технические их усовершенствования.

Занятие земледелием обуславливало оседлый быт, земледелие и животноводство определяли выбор мест поселений. Потребность в охране стад, составлявших основное богатство, привела к укреплению большинства поселков. Из транспортных средств, кроме лыж, саней и лодки, применялись различного рода волокуши, в которые впрягались домашние животные. Определенное развитие получили верховая езда и использование лошади под вьюк.

В материальной и духовной культуре сохранилось много черт, свойственных охотникам и рыболовам. Жилища были деревянными, каркасно-столбовой или срубной конструкции, с открытым очагом или печью-каменкой. Распространилось ткачество; одежда шилась преимущественно из растительных и шерстяных тканей, имела вид рубах туникообразного покроя, штанов с узким шагом, различного рода курток. При изготовлении верхней одежды часто применялись шкуры домашних и диких животных, обувь делали из дерева, лыка, кожи. Растительная пища в виде похлебок, каш, лепешек сочеталась с мясной и рыбной. Определенную роль стала играть молочная пища. Изобразительное искусство свидетельствует о почитании как диких, так и домашних животных.

Можно отметить некоторые особенности ведения комплексного хозяйства в ареале рассматриваемого ХКТ. Так, остеологический материал Волго-Камского района и Волго-Окского междуречья свидетельствует о значительном развитии пушной охоты, продукты которой, вероятно, имели товарную ценность. В западных и южных районах лесной зоны можно предполагать несколько более высокое, чем на востоке, развитие земледелия и молочного хозяйства. Возможно, дальнейшие исследования позволят выделить в ареале рассматриваемого типа ряд вариантов.

На большей части лесостепи, местами в степной зоне и подзоне широколиственных лесов, а с начала I тысячелетия н. э. и в западной части подзоны смешанных лесов, где обитали различные по языковой принадлежности племена и народы, в числе которых были, вероятно, и предки славян, в археологическом материале прослеживаются следующие важные признаки: находки пахотных орудий и их железных наконечников, а также изображения таких орудий, более многочисленные, чем на севере, палеоботанические остатки, среди которых выделено около полутора десятков видов зерновых, зернобобовых и технических культур; частые находки серпов⁴²; крупные по размерам зернохранилища; остеологический материал, в котором решительно преобладают останки домашних животных, и чаще всего крупного рогатого скота; разнообразные подтверждения применения колесного транспорта и верховой езды. Для некоторых районов имеются свидетельства письменных источников об этих

и ряде других элементов культуры, свойственных, по данным этнографии, пашенным земледельцам.

Очевидно, здесь следует выделять ХКТ пашенных земледельцев умеренного пояса. Этот тип начал складываться в Восточной Европе в конце III — начале II тысячелетия до н. э. в связи с распространением упругих пахотных орудий, пришедших сюда вместе с навыками их применения довольно сложными путями¹³. Рассматриваемый тип сложился на базе ХКТ ручных земледельцев и скотоводов, унаследовав многие его черты.

Важнейшая структурообразующая черта ХКТ пашенных земледельцев — использование при сельскохозяйственных работах тягловой силы домашних животных, крупного рогатого скота, а затем и лошади.

Основные черты этого типа для эпохи раннего железа сводятся к следующему.

Земледелие, основанное, как и в допашенный период, на выращивании злаковых растений, становится ведущей отраслью хозяйства. Значительно расширяется состав возделываемых растений, появляются озимые посевы, в благоприятных для этого районах существенное значение приобретают виноградарство и садоводство. Усиливается воздействие человека на лесные ландшафты, что уже в рассматриваемый период приводит к их значительному сокращению. Размеры обрабатываемых угодий и объем получаемых продуктов земледелия резко увеличиваются. Ведущую роль играет переложная система земледелия, местами перерастающая в ранние формы паровой. Основными орудиями обработки почвы являются однозубые рала, образующие варианты, приспособленные для обработки различных по характеру почв¹⁴. В течение раннего железного века у рал постепенно появились железные наконечники, чересла, отвальные приспособления, чем создаются предпосылки для превращения рала в плуг, реализованные, впрочем, только в средневековье. Распространяются различные типы борон. Ручные орудия применяются главным образом при работах в садах и виноградниках, на огородах, а также при превращении подсек в поля длительного пользования. Для уборки урожая характерны серпы с изогнутым лезвием, изготовлявшиеся из железа, а также прогон скота по расстеленным на току колосьям. Для размола зерна, кроме зернотерок и ступ, начинают применяться жернова с возвратно-поступательным и вращательным движением верхнего камня.

Животноводство в большинстве районов получает мясо-молочное направление, что отражается на увеличении в стаде крупного рогатого скота. В связи с развитием земледелия все большее значение приобретает пастбище стад под присмотром пастухов. Появляется стойловое содержание скота в зимнее время, в связи с этим возникают и распространяются косы — специализированные орудия сенокосения. Важной стороной животноводства становится выращивание тягловых и транспортных животных. Для пашенных земледельцев характерен колесный транспорт.

Многие признаки культуры — формы поселений и жилищ, одежда, система питания и т. д. — представляют дальнейшее развитие особенностей, сложившихся у допашенных земледельцев и скотоводов.

При общности основных черт пашенные земледельцы Восточной Европы не составляли полного единства в хозяйственно-культурном отношении; причём имевшиеся различия представляются большими, чем в последующее время. Это обуславливалось некоторыми отличиями физико-географических условий их обитания, различной длительностью истории пашенного земледелия в тех или иных районах, культурными влияниями. Указанное обстоятельство в дальнейшем позволяет, вероятно, выделить несколько вариантов рассматриваемого ХКТ.

На большей части степных и полупустынных районов Восточной Европы, главным образом у ираноязычных и пришедших сюда позднее тюркоязычных племен и народов, археологические материалы и свидетельства письменных источников фиксируют для раннего железного века

яркие черты ХКТ, свойственного по этнографическим данным скотоводам-кочевникам степей и полупустынь умеренного пояса.

Областью формирования этого типа были открытые ландшафты засушливых районов, где отсутствовали условия для богарного земледелия, не было возможностей для создания в древности ирригации, но имелись обширные пастбища. О времени и условиях сложения кочевого скотоводства существуют две основные точки зрения. Согласно первой, такой тип возник при переходе к раннему железному веку на базе хозяйства пастушеских скотоводов и земледельцев эпохи бронзы в результате его дальнейшего развития и специализации¹⁵. Другая точка зрения относит возникновение кочевого скотоводства ко времени распространения производящего хозяйства в степях, рассматривая его как одну из форм приспособления производящей экономики к специфическим условиям аридных районов¹⁶. Такой подход к проблеме кажется более убедительным. В данном случае ХКТ подвижных скотоводов степей и полупустынь умеренного пояса должен был сложиться на базе ХКТ охотников и собирателей того же региона.

Структурообразующей особенностью рассматриваемого ХКТ было специализированное скотоводческое хозяйство, основанное на разведении крупного рогатого скота, лошадей и овец при круглогодичном содержании животных на подножном корму. Недостаток кормов и воды для более или менее значительных по размерам стад в условиях экстенсивного хозяйства и засушливого климата обусловил подвижный — кочевой или полукочевой — образ жизни степных скотоводов. Земледелие практиковалось не всеми кочевыми группами, а лишь некоторыми из них. Вероятно, применялась только залежная система земледелия, игравшее незначительную роль в хозяйстве кочевников, хотя в раннем железном веке, по-видимому, уже были известны упряжные пахотные орудия — рала.

Основное направление хозяйства и подвижный образ жизни наложили глубокий отпечаток на бытовые особенности и культуру носителей рассматриваемого типа. Для них были характерны переносные жилища, установленные на повозках, а также разборные — в виде шатров, крытых полотнищами из шерстяных тканей или войлока, широкое распространение верховой езды и одежды, приспособленная для этой цели, в частности штаны с широким шагом, разнообразные способы приготовления продуктов и напитков из молока, мясная и молочная пища, изготовление многих бытовых предметов из кожи домашних животных и т. п. В условиях кочевого быта отсутствовали благоприятные условия для развития собственного ремесла и, следовательно, для отделения ремесла от сельского хозяйства. Следует отметить, что кочевники раннего железного века в области культуры по многим параметрам отличались от кочевников средневековья и нового времени. Впрочем, этот тезис справедлив и для других ХКТ.

Роль земледелия у различных кочевых групп эпохи раннего железа, степень их подвижности, характер стада различались в разных районах степей и полупустынь. Эти обстоятельства и определяемые ими некоторые культурные различия могут послужить основанием для выделения вариантов в рассматриваемом ХКТ.

Таким образом, в Восточной Европе эпохи раннего железа фиксируется ярко выраженная зональность в распределении хозяйственно-культурных особенностей населения, в значительной мере отражающая зональность физико-географическую. Напомним, что выше даны краткие характеристики лишь тех ХКТ, которые имели максимальное территориальное распространение и наиболее ярко характеризуются признаками, прослеживаемыми в археологическом материале. Дальнейшие исследования позволят, вероятно, выделить хозяйственно-культурные особенности и некоторых других групп населения.

Граница между ХКТ, основанными на производящем хозяйстве, с одной стороны, и присваивающей экономике — с другой, в основном со-

впадала в рассматриваемый период с северной границей смешанных лесов. Очевидно, огромные пространства тайги с преобладанием темнохвойных лесов и малым количеством угодий, которые могли при тогдашнем уровне развития производительных сил использоваться под пашню и для выпаса скота, были еще непреодолимым препятствием для продвижения к северу земледелия и животноводства. Эта граница начала существенно нарушаться лишь в средневековье.

Эволюция всех рассматриваемых ХКТ в эпоху раннего железа шла в направлении совершенствования ведущих, структурообразующих форм хозяйственной деятельности на основе освоения железа. Особенно заметны прогрессивные изменения такого рода в среде пашенных земледельцев.

Изменения территориального размещения ХКТ в данный период были относительно небольшими. Прежде всего укажем на расширение ареала пашенного земледелия в западной части подзоны смешанных лесов и соответственное сокращение территории ХКТ ручных (допашенных) земледельцев.

Границы между ХКТ пашенных земледельцев и подвижных скотоводов неоднократно изменялись в связи с экспансиями последних, а также оседанием кочевников на землю.

Последующие судьбы рассмотренных ХКТ были различными. Наибольшие перспективы для развития имел тип пашенных земледельцев, получивший к новому времени наибольшее территориальное распространение в Восточной Европе, в том числе за счет сокращения ареалов ХКТ таежных охотников и рыболовов и подвижных скотоводов. ХКТ ручных (допашенных) земледельцев и скотоводов уже в эпоху раннего железа значительно сократил свой ареал за счет расширения пашенного земледелия в западном регионе зоны лесов европейской части СССР. К концу I тысячелетия н. э. такой же процесс завершился в восточном регионе этой зоны. С распространением на запад из Зауралья стадного оленеводства типы охотников и рыболовов тундры и лесотундры, а также арктических береговых охотников и рыболовов уже в раннем средневековье начали трансформироваться в ХКТ оленеводов тундры. Однако многие черты исчезнувших ХКТ продолжали сохраняться в более поздних типах и даже хозяйственных зонах нового времени¹⁷.

¹ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности//СЭ. 1955. № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс//СЭ. 1968. № 2; Он же. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования//СЭ. 1972. № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 177—221.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 64.

³ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. С. 179.

⁴ См., напр.: Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978. Карта на вкладке; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. Карта на с. 182—183.

⁵ См. напр.: Очерки общей этнографии: Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957; Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М., 1960; Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии//Народы Восточной

Азии. М.; Л., 1965; Он же. Основные историко-этнографические регионы и хозяйственно-культурные типы Китая//Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979; Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблема этногенеза венгерского народа//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. Концепция ХКТ успешно используется и в некоторых работах археологов, см., напр.: Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР//Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в неолите. Л., 1973. С. 10—16.

⁶ См., напр.: Марков К. К., Гричук В. И. Взаимоотношения леса и степи в историческом освещении//Вопр. географии. 1950. Сб. 3: Мильков Ф. Н. Взаимоотношение леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон на Русской равнине//Изв. ВГО. 1952. Т. 84, № 5; Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.,

- 1957; *Он же*. Некоторые итоги изучения отложений голоцена//Палеогеография и хронология верхнего голоцена по данным радиоуглеродного анализа. М., 1965.
- 7 *Берг Л. С.* Географические зоны Советского Союза. М., 1957; Геоботаническое районирование//Тр. Комис. по естественногеографическому районированию СССР. М.; Л., 1947. Т. 2. Вып. 2.
- 8 Некоторые исследователи предполагают, что саамы познакомились с оленеводством еще во II—III вв. н. э. в результате импульсов с востока (*Simonsen P.* The Transition from Food-Gathering to Pastoralism in North Scandinavian and Its Impact on Settlement Patterns//Man, Settlement and Urbanism. L., 1972. P. 190, 191). Однако связь прослеживаемых в то время изменений в материальной культуре саамов восточной Финляндии именно с распространением оленеводства пока не доказана. Первое упоминание о домашних оленях у саамов в письменных источниках относится к IX в. (*Vorren Q., Manker E.* Lapp Liefе and Customs. L., 1962. P. 12, 13). Сводку материалов о возникновении и распространении оленеводства см.: *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 175—190.
- 9 *Мошницкая В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя//МИА. 1953. № 35. С. 78—80.
- 10 *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова//МИА. 1953. № 39. С. 347—407.
- 11 Важнейшие особенности хозяйства ручных земледельцев и скотоводов рассматриваемой территории в раннем железном веке восходят к хозяйству не пришлых земледельческо-скотоводческих племен, появившихся здесь в эпоху бронзы (племена боевых топоров и шнуровой керамики, срубники, абашевцы и др.), а местного населения, заимствовавшего навыки земледелия и животноводства у пришельцев и преобразовавших их в соответствии с достигнутым ими уровнем развития производительных сил. Эти племена в своем большинстве можно отнести к ХКТ охотников и рыболовов лесной зоны умеренного пояса, знакомых с начатками производящего хозяйства.
- 12 Находки серпов следует считать важным индикатором распространения пашенного земледелия. Этнографические материалы убедительно свидетельствуют, что такие орудия не встречаются у племен, знакомых только с допашенным земледелием, даже стоящим на высоком уровне развития, но характерны лишь для пашенных земледельцев. Подробнее об этом см.: *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы//СА. 1968. № 2; *Он же*. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 35—46.
- 13 *Краснов Ю. А.* Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе//СА. 1980. № 3.
- 14 *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала Восточной Европы//СА. 1982. № 3; *Он же*. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 72—123.
- 15 См., напр.: *Гольмстен В. В.* К вопросу о древнем скотоводстве//Проблемы происхождения домашних животных. Л., 1933. С. 95—102; *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы сложения и развития кочевых обществ//КСИЭ. 1955. Вып. 14. С. 24; *Боголюбский С. Н.* Возникновение скотоводства как отрасли первобытного хозяйства//Бюл. МОИП. Отд. биол. 1956. Вып. 3. С. 106; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках//Изв. ВГО: Материалы по этнографии. 1961. Вып. 1. С. 2 сл.
- 16 См., напр.: *Вайнштейн С. И.* Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии//IX МКАЭН: Докл. сов. делегации. М., 1973.
- 17 Как уже отмечалось, ХКТ характерны для докапиталистических формаций. В эпоху капитализма они постепенно разрушаются, хотя и не исчезают полностью. Их место занимают хозяйственно-культурные общности иного порядка — хозяйственные зоны нового времени, в этнографическом плане почти не изученные.

В. В. РУБАН

О ХРОНОЛОГИИ КРАСНОГЛИНЯНЫХ АМФОР С КОНИЧЕСКИМИ НОЖКАМИ VII—V ВВ. ДО Н. Э.

Группу красноглиняных остродонных амфор, наиболее характерной чертой которых является форма ножки, напоминающая кубок или усеченный конус, впервые выделила И. Б. Зеест. Она дала им условное название «амфоры со стаканообразными ножками», датировала V в. до н. э. и указала на некоторые черты их сходства с изображениями на аттических расписных вазах¹. Под влиянием такого сопоставления в своих ра-

ботах я называл их аттическими², хотя, исходя из условности этого термина, его следовало бы брать в кавычки, как, например, поступала С. Димитриу³. Критика И. Б. Брашинского в мой адрес на этот счет является вполне справедливой, но не до конца объективной. И. Б. Брашинский утверждает, что материалы раскопок Березани последних лет позволяют предполагать начало импорта подобных амфор еще во второй половине — конце VI в. до н. э.⁴, однако автор «забыл», что в работах, оказавшихся объектом его внимания, приводится аргументация в пользу начала проникновения амфор со стаканообразными ножками в Северное Причерноморье не только во второй половине VI в.⁵, но еще со второй половины VII в. до н. э.⁶, что подтвердилось позднее анализом дополнительных материалов⁷. Более того, на то, что эта керамическая тара начала импортироваться ранее V в. до н. э., уже около двух десятилетий назад указывали Е. И. Леви⁸ и С. Димитриу⁹, а позднее Н. А. Лейпунская¹⁰.

Последняя из названных исследователей предложила называть сосуды со стаканообразными доньями амфорами с усеченно-конусовидными ножками¹¹. Однако, поскольку контур их вертикального профиля, строго говоря, не составляет геометрическую фигуру, которую принято называть усеченным конусом, то замена одного пространного термина на еще более громоздкий другой не представляется необходимой, тем более что ни один из указанных терминов не имеет принципиального значения для выявления центра производства рассматриваемых амфор. Поэтому наиболее целесообразным будет остановить выбор на кратчайшем названии и пользоваться термином «амфоры с коническими ножками».

Что касается методики настоящей работы, то ее основу составляют материалы раскопок раннеантичных памятников Нижнего Побужья. Хронология поселений этого района такова¹², что позволяет исследовать слабоизученные категории керамики методом стратиграфического исключения. Последний состоит в сопоставлении керамики диахронных памятников, позволяющем весь массив определенной категории материала расчленить на более компактные хронологические группы, соответствующие отдельным этапам эволюции керамической тары. Если, к примеру, обратиться к самому раннему Березанскому поселению (основано около 647/646 гг. до н. э.) и сравнить его керамику с материалами более поздних памятников типа Бейкуша (возникло около 600 г. до н. э.), типа Чертоватое II (около 550 г. до н. э.) или Козырка XV (около 500 г. до н. э.), то станет очевидным, что те фрагменты, которые постоянно встречаются лишь на Березани, относятся ко второй половине VII в. до н. э. Те же образцы, которые найдены только на Березани и Бейкуше, следует датировать первой половиной VI в. до н. э. и т. д. К тому же надежность таких выкладок проверяема материалами Ягорлыкского поселения, которое относится ко второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. и хронологически вообще не пересекается с поселениями второй половины VI — первой половины V в. до н. э. Далее закономерности эволюции конкретных керамических групп, вытекающие из полученных датировок, позволяют сужать хронологические рамки отдельных вариантов, особенно благодаря археологическим объектам типа заполнения древнего оврага на поселении Чертоватое II¹³.

В рамках одной статьи представляется наиболее целесообразным привести максимум типичных образцов.

Наиболее ранние экземпляры красноглиняных амфор с коническими ножками в Нижнем Побужье найдены на трех памятниках: Березань (рис. 1, 5, 9—10, 12), Ягорлык (рис. 1, 1—4, 6, 7) и Бейкуш (рис. 1, 8, 11). Горло этих сосудов кверху сужается, образуя в районе уступа под венчиком чуть заметный раструб. Венчик в разрезе имеет несколько угловатые очертания (рис. 1, 1, 7, 11). В качестве единственной аналогии описанным образцам можно пока указать на два фрагмента амфорных горл из Истрии, найденных во втором архаическом горизонте (около 600—570/60 гг. до н. э.)¹⁴. Датированными здесь выступают не

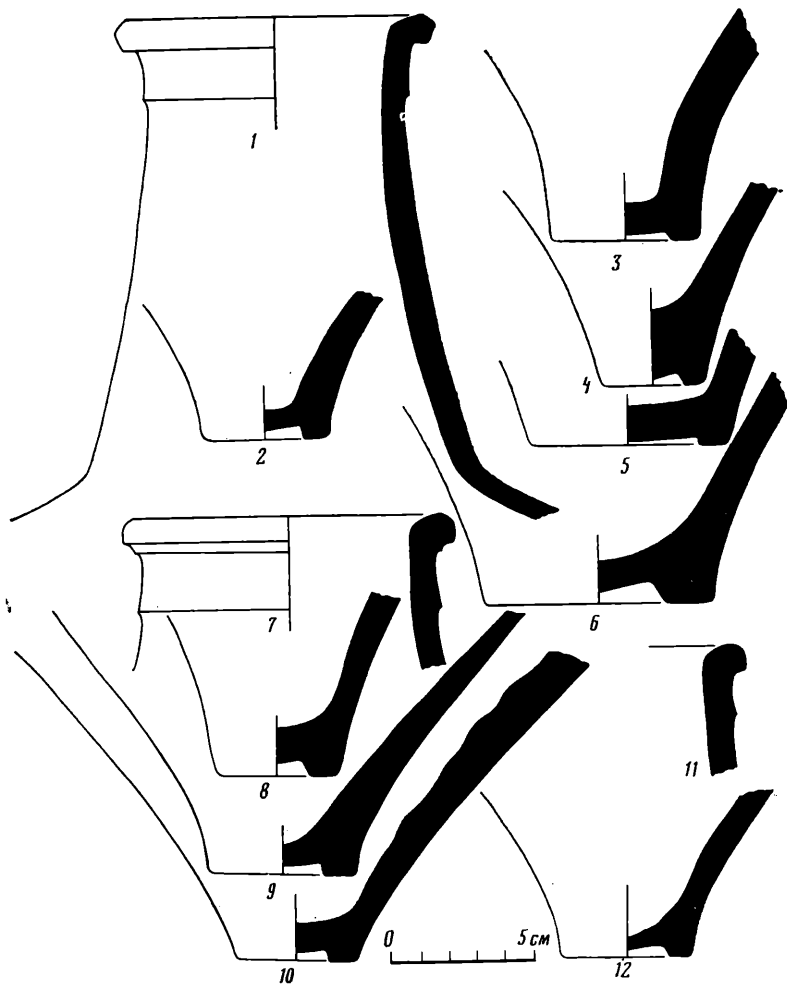

Рис. 1. Образцы фрагментов амфор

1—4, 6, 7 — Ягорлыкское поселение; 5, 9, 10, 12 — Березань; 8, 11 — Бейкуша.

только чисто морфологические признаки, но и некоторые цифровые значения, в частности наиболее репрезентативным в отношении амфорных горл является такой неприметный показатель, как расстояние от нижнего предела венчика до горизонтального уступа на стенке верхней части горловины. У описанных экземпляров он колеблется от 17 до 21 мм. Близкие цифры дают и истрийские образцы.

Что касается формы ножек раннего типа рассматриваемых амфор (рис. 1, 2—6, 8—10, 12), то они уже описывались в литературе на материалах Ягорлыкского поселения¹⁵. Березанские и Бейкушские экземпляры не противоречат сделанным ранее наблюдениям. В отличие от широко известных «классических» образцов более позднего времени¹⁶ публикуемые ножки амфор имеют приземистые пропорции за счет небольшой высоты заполнения их внутренней полости (от 8 до 18 мм, лишь один экземпляр составляет исключение — 27 мм) и большого диаметра подошвы (от 85 до 38 мм). Аналогичная ножка амфоры найдена в уже упоминавшемся втором архаическом горизонте Истрии¹⁷.

На поселениях второй половины VI — первой половины V в. до н.э. фрагменты амфор с коническими ножками имеют иной облик. Стенки горла несколько меньше отклонены от вертикали, чем у более ранних. Верхняя часть горла завершается небольшим раструбом. Венчик в ос-

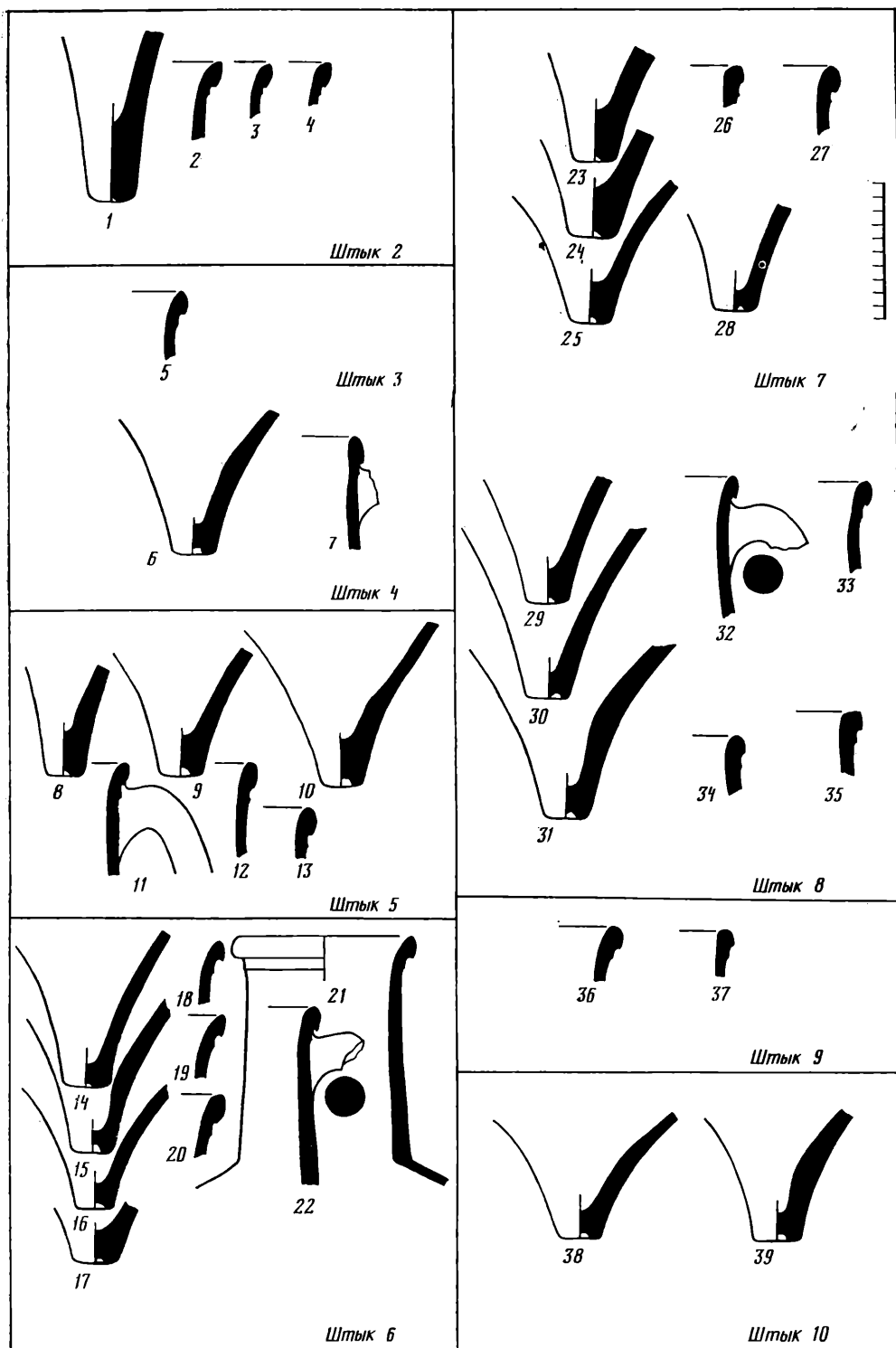

Рис. 2. Фрагменты амфор из заполнения древнего оврага на поселении Чертоватое II (раскопки 1975 г.)

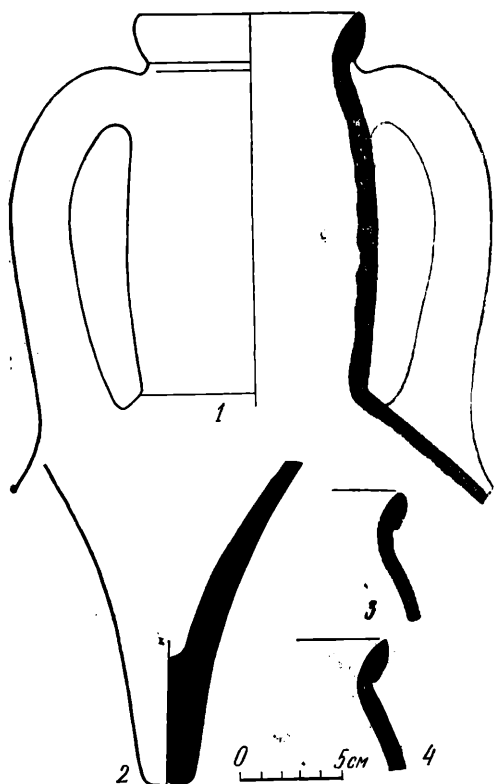

Рис. 3. Образцы фрагментов амфор с поселений

1 — Козырка IX; 2 — Старая Богдановка II, 3, 4 — Козырка XV

новном имеет более округлые изящные очертания. Уступ находится на расстоянии 9—5 мм от венчика.

Ножки амфор этого времени имеют вытянутые пропорции, что достигалось максимальным сужением диаметра подошвы до 33—30 мм и увеличением высоты внутреннего заполнения.

Особо наглядно можно представить изменения, происшедшие с рассматриваемыми амфорами в течение второй половины VI — первой половины V в. до н. э. на материалах древнего оврага на поселении Чертоватое II (рис. 2), где зарегистрировано подавляющее большинство вариантов керамической тары этого времени. В процессе раскрытия заполнения керамика фиксировалась по штыкам, в самом нижнем из

которых (в десятом) найдены фрагменты различных аттических мелкофигурных киликов¹⁸, а наиболее хорошо сохранившийся — с изображением барана относится к 540 г. до н. э.¹⁹ В самых верхних штыках обнаружены обломки чернолаковых киликов, не выходящих за пределы второй четверти V в. до н. э.²⁰ Таким образом, сброс хозяйственных отходов в овраг длился не более века, скорее всего около 80 лет.

Ножки амфор нижнего штыка (рис. 2, 38, 39) сохраняют общий облик днищ предшествующего времени, однако диаметр их подошвы значительно меньше. Судя по материалу их вышележащих горизонтов, диаметр ножек остается практически стабильным, однако неуклонно растет высота внутреннего заполнения, составляющая во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. 17—35 мм, позже достигая 53 мм и даже, как показывает образец из Старой Богдановки II, 66 мм (рис. 3, 2). Важно отметить еще одну деталь. Если ножки амфор третьей четверти VI в. до н. э. сохраняют большой разлет стенок при переходе в туловó (рис. 2, 38), подобный соответствующим деталям более раннего времени, то ко второй четверти следующего столетия разлет стенок на том же уровне от подошвы сокращается до минимума, приближаясь к вертикали (рис. 2, 1).

Венчики амфор на протяжении второй половины VI — первой половины V в. до н. э. также претерпели заметные изменения. Самые ранние из них (рис. 2, 36—37) сохраняют угловатость, характерную для прежнего периода. В дальнейшем происходит постепенное вытеснение этой формы более изящным венчиком, который полностью начинает доминировать к концу VI в. до н. э.

На самых поздних поселениях Нижнего Побужья архаического и раннеклассического периодов обнаружены редкие фрагменты амфор с коническими ножками, представляющие собой завершающий этап их развития²¹. Горло этих амфор заметно раздуто, заостренный венчик отогнут наружу (рис. 3, 1, 3). Расстояние от венчика до уступа сокращается до минимума и составляет всего 4—5 мм, а на некоторых экземплярах и вовсе исчезает (рис. 3, 4). Что касается ножек амфор

в. до н. э.	Типы	Формы горл и ножек	Диаметр ножек	Высота заплечья ножек	Высота от венчика до уступа
650	I		85—38 мм	8—17 мм	21—17 мм
600					
550	II		33—30 мм	53—66 мм, 17—35 мм	9—5 мм
500					
450	III		?	?	5—4 мм
400					

Рис. 4. Схема эволюции основных профилирующих элементов красноглиняных амфор с коническими ножками (по материалам памятников Нижнего Побужья)

этого типа, то в настоящее время говорить о них что-либо определенное было бы рискованно. Возможно, что в дальнейшем ими окажутся массивные ножки типа найденной на Козырке XV вместе с венчиками таких амфор²².

Резюмируя данное исследование, необходимо отметить, что в настоящее время амфоры с коническими ножками из Нижнего Побужья представляется возможным разделить на три основных, последовательно сменяющихся друг друга типа.

I тип (Димитриу 560): вторая половина VII—первая половина VI в. до н. э.; венчики угловатые, расстояния от венчика до уступа 21—17 мм; ножки приземистые диаметром 85—38 мм, величина диаметра прямо пропорциональна древности амфоры.

II тип (Зеест 9): вторая половина VI—первая половина V в. до н. э.; преобладают закругленные вытянутые кверху венчики, расстояние до уступа 9—5 мм; сужение диаметра ножки исчерпало свои возможности, и он стабилизировался, утратив хронологический показатель; основным датирующим признаком теперь является ее вытянутость по вертикали — внутреннее заполнение ранних ножек составляет 17—35 мм, более поздних — 53—56 мм.

III тип (Мелюкова): около середины V в. до н. э.; горло раздутое; заостренный венчик отогнут наружу, расстояние до выступа 5—4 мм либо вовсе отсутствует; ножки не идентифицированы (рис. 4).

В заключение следует сказать, что предлагаемая схема эволюции амфор с коническими ножками далека от желаемого совершенства ввиду отсутствия должного внимания к указанной проблеме. Так, например, большая разница в диаметрах ножек амфор типа Димитриу 560 свидетельствует о том, что они требуют более дробной классификации. Однако материалы раскопок Березани, где сосредоточена основная их масса, до сих пор не публиковались. Все это тормозит развитие знаний не только о рассматриваемой категории материала, но и о наиболее ранних греческих амфорах в Северном Причерноморье вообще.

- 1 *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией: (По материалам остродонных амфор из раскопок Елисаветинского и Семибратнего городищ)//МИА. 1951. № 19. Рис. 1, 4; *Она же.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83. С. 74. Табл. III, 9.
- 2 *Рубан В. В., Отрешко В. М.* Раскопки поселения Чертоватое II//АО 1975 г. М., 1976. С. 387; *Рубан В. В., Рычка В. М.* Исследование античных памятников близ Ольвии//АО 1976 г. М., 1977. С. 362; *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения//Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 108.
- 3 *Dimitriu S.* Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică//Histria. Buc., 1966. V. 2. P. 54.
- 4 *Брашинский И. Б.* К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканобразными донышками//КСИА. 1983. Вып. 174. С. 8—10; *Он же.* Методы исследования античной торговли: (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 48, 49.
- 5 *Рубан В. В., Отрешко В. М.* Раскопки... С. 387; *Рубан В. В., Рычка В. М.* Исследование... С. 362.
- 6 *Рубан В. В.* О датировке... С. 108. Рис. 2.
- 7 *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея//СА. 1983. № 1. С. 289. Рис. 1, 13—14.
- 8 *Леву Е. И.* Материалы ольвийского теменоса: (Общая характеристика)//Ольвия: Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 134.
- 9 *Dimitriu S.* Cartierul... P. 54, notă 113.
- 10 *Лейпунская Н. А.* Амфоры из Ольвии VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1975. С. 8.
- 11 *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии: (Из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). Киев, 1981. С. 26; *Она же.* Амфоры из Ольвии... с. 8.
- 12 См., напр.: *Рубан В. В.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья//Материалы II Всесоюз. симпоз. по древ. истории Причерноморья в эпоху Великой греч. колонизации (VIII—V вв. до н. э.): Тез. докл. и сообщ. Тбилиси, 1979. С. 66, 67.
- 13 *Рубан В. В., Отрешко В. М.* Раскопки... С. 387; *Рубан В. В., Рычка В. М.* Исследование... С. 362.
- 14 *Dimitriu S.* Cartierul. P. 105. Pl. 56, N 548, 550.
- 15 *Рубан В. В.* О датировке... С. 108. Рис. 2; *Он же.* Керамика... С. 289. Рис. 1, 13—14.
- 16 *Lambrino M.* Les vases archaïques d'Histria. Buc., 1938. Fig. 178; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.//МИА. 1952. № 25. Рис. 50, 1; *Он же.* Мирмекий. Варшава, 1959. С. 34. Рис. 25; С. 45. Рис. 44 (справа внизу); *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. с. 74. Табл. III, 9; *Лазаров М.* Антични амфори (VI—I в. пр. н. е.) от Българското Черноморие//ИНМВ. 1973. Кн. 9 (24), № 73—88; *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара... Табл. 5—6; *Брашинский И. Б.* К проблеме локализации... Рис. 1; *Он же.* Методы исследования... Табл. XI, 5, 6; XII, 6, 7.
- 17 *Dimitriu S.* Cartierul... P. 105. Pl. 57, N 560.
- 18 Ср.: *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. N. Y., 1974. P. 58 sqq. Fig. 108—130.
- 19 *Dimitriu S.* Cartierul... P. 123. Pl. 42, N 803; *Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaïque et classique (VII—IV ss.)//Histria. Buc., 1978. V. 4. P. 74. Pl. 42, N 389.
- 20 *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.//The Athenian Agora. Princeton (N. J.), 1970. V. 12, N 413.

²¹ Рубан В. В. Литейная форма из поселения Козырка XV//СА. 1979. № 3. Рис. 3, 18—19.

²² Там же. Рис. 3, 20. Фотография целой амфоры такого типа помещена в статье А. И. Мелюковой, но, к сожалению,

без графического воспроизведения профиля. См.: Мелюкова А. И. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана// Исследования по античной археологии юго-запада УССР. Киев, 1980. Рис. 3, 7.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

РАННЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА МЕСТЕ АНАПЫ (VI—V ВВ. ДО Н. Э.)

Археологические исследования последнего десятилетия позволили шире рассмотреть ряд вопросов, связанных с началом колонизации греками северных берегов Черного моря и ранней историей возникших здесь центров античной культуры. Были заново пересмотрены вопросы о целях колонизации, статусе различных пунктов, взаимоотношениях с местным населением, об особенностях товарообмена и облика поселений¹. В общей цепи указанных проблем особую значимость приобрела история поселения, предшествовавшего Горгиппии.

Немногочисленные и противоречивые свидетельства древних авторов — Геродота (IV, 86), Скилака Кариандского (72—74), Скимна Хиосского (886), Страбона (XI, 2, 1, 12, 14), Помпония Мелы (I, III), Арриана (28, 29), Птолея (V, 88), Элия Геродиана (152, 8), Стефана Византийского (I), Псевдо-Арриана (62) — позволяли исследователям условно локализовать на месте Анапы то древний город Синдик (А. А. Сибирский, М. И. Ростовцев)², то Синдскую Гавань (А. В. Орешников, А. Н. Зограф, Д. П. Каллистов, В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, И. Т. Кругликова)³, а иногда и оба этих пункта одновременно (В. Ф. Гайдукевич, А. И. Болтунова)⁴. Эти предположения исследователей строились на логическом анализе письменных свидетельств. Место раннего поселения в районе Анапы известно не было. Случайные находки в городе и его окрестностях свидетельствовали о присутствии здесь античной культуры начиная с VI в. до н. э.⁵

За последние 15 лет ситуация изменилась: в самой Анапе открыто поселение VI—V вв. до н. э. с культурными напластованиями не менее чем четырех строительных периодов⁶. Установлено также и местонахождение некрополя. В окрестностях города выявлен ряд пунктов, находившихся в контакте с этим поселением.

Раннее поселение на территории Анапы существовало в приморской зоне на плато коренного берега. Восточный рубеж его проходил около восточного крыла гостиницы «Анапа». Вдоль моря поселение тянулось к западу не менее чем на 400 м (в парке Победы при бурении скважины извлечены ионийский полосатый аск, крупные куски чернолаковых сосудов V в. и пухлые горла хиосских амфор). Рубежи его в южном направлении, следовательно, и площадь не установлены.

Культурный слой раннего поселения исследовался на площади 800 кв. м у западного крыла гостиницы «Анапа», под зданием спального корпуса пансионата «Океан» (рис. 1). Известно, что первые колонисты на берегу Анапской бухты поселились в полуземлянках. Тип временного жилища заимствован пришлыми греками у местных народов. Полуземлянки не характерны для Греции и Малой Азии, но были распространены на широкой территории южнорусских степей. Две исследованные на Анапском поселении полуземлянки площадью 4 и 6 кв. м представляли собой двухчастные конструкции с входными площадками и овальными жилыми ямами, заглубленными на 1—1,4 м (рис. 2). Стенки ям облицовывались камнями, перекрытия были коническими и глинобитными на каркасе из жердей или тростника. Подобные жилища известны на Березани, поселениях Нижнего Поднепровья,

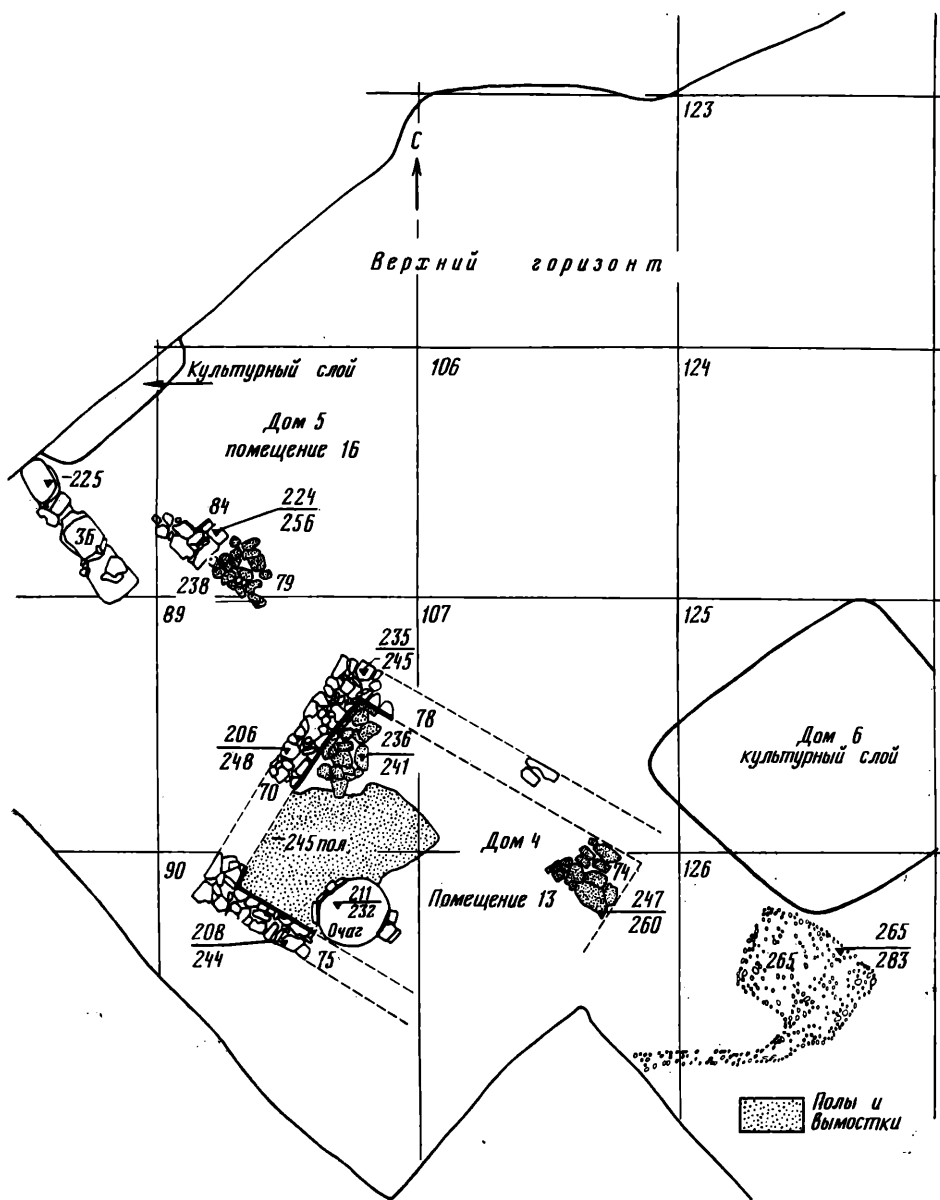
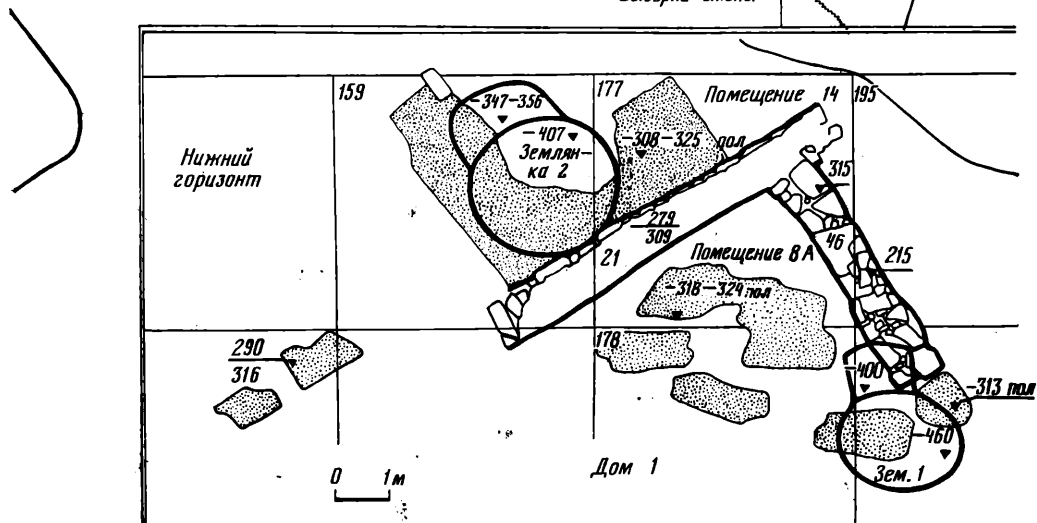
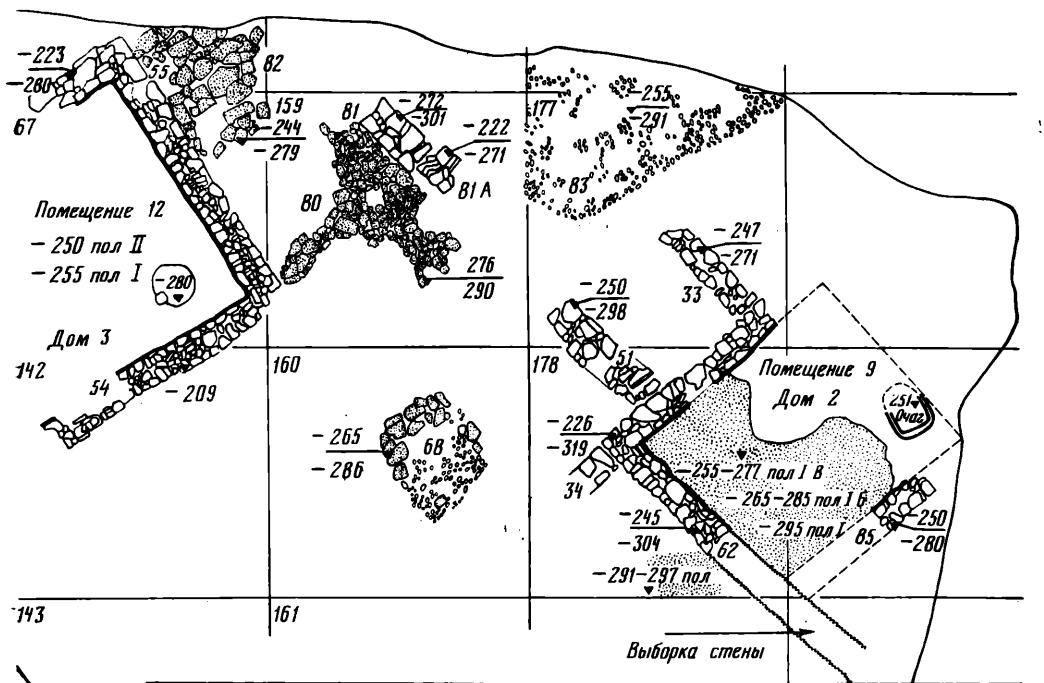

Рис. 1. Анапское поселение VI—V вв. до н. э., план строительных остатков в раскопе «Океан» 1982 г.

в Ольвии, Нимфее, Пантикапее и на нижнем Дону⁷. Повсеместно распространены жилища площадью 6—14 кв. м, преобладают постройки подпрямоугольного планировочного типа, но встречаются и круглого⁸. Отсутствие очагов в двух раскопанных в Анапе полуземлянках позволяет видеть в них хозяйственные сооружения, находившиеся при жилых. В то же время полы входных коридоров землянок были покрыты густым слоем золы.

Убедившись в возможности проживания на избранном месте, греки приступили к жилищному строительству в характерных им традициях. Стратиграфически установлено, что полуземлянки были заменены домами, каменные фундаменты которых шириной 1 м сложены очень основательно. Дом 1 перекрыл обе полуземлянки. Он был многокамерным с наземными помещениями (имел их не менее трех). На каменных фундаментах стояли стены из сырцовых кирпичей (слой гибели дома пред-

ставляет собой расплыв желтой глины). Дом погиб при пожаре, о чем свидетельствуют сажа на полах и золистые примеси в слое гибели.

Кроме того, установлено, что дом 1 с широкими стенами перекрыт домом 2 с узкими стенами — толщина каменных фундаментов новой постройки составляет 0,6 м. Исследованы четыре таких дома с наземными помещениями; они были однокамерными. В помещениях обнаружены очаги, выявлено по два уровня полов. Верхние полы перекрывал массив золистой глины от расплывшихся саманных кирпичей.

Между домами 1 и 2 существовал еще один короткий строительный период, от которого уцелели обрывки сооружений вне закрытых комплексов. Стены этих построек также не шире 0,6 м. Дома с узкими стенами обоих строительных периодов также погибли в пожаре.

Таким образом, в культурном слое Анапского поселения выявлены четыре строительных периода, включая и полужемляночный. Начало сырцово-каменного строительства на этом поселении по аналогии с другими центрами Северного Причерноморья (Ольвия, Пантикапей, Тиритака) ⁹ относится к рубежу VI—V и началу V в. до н. э.

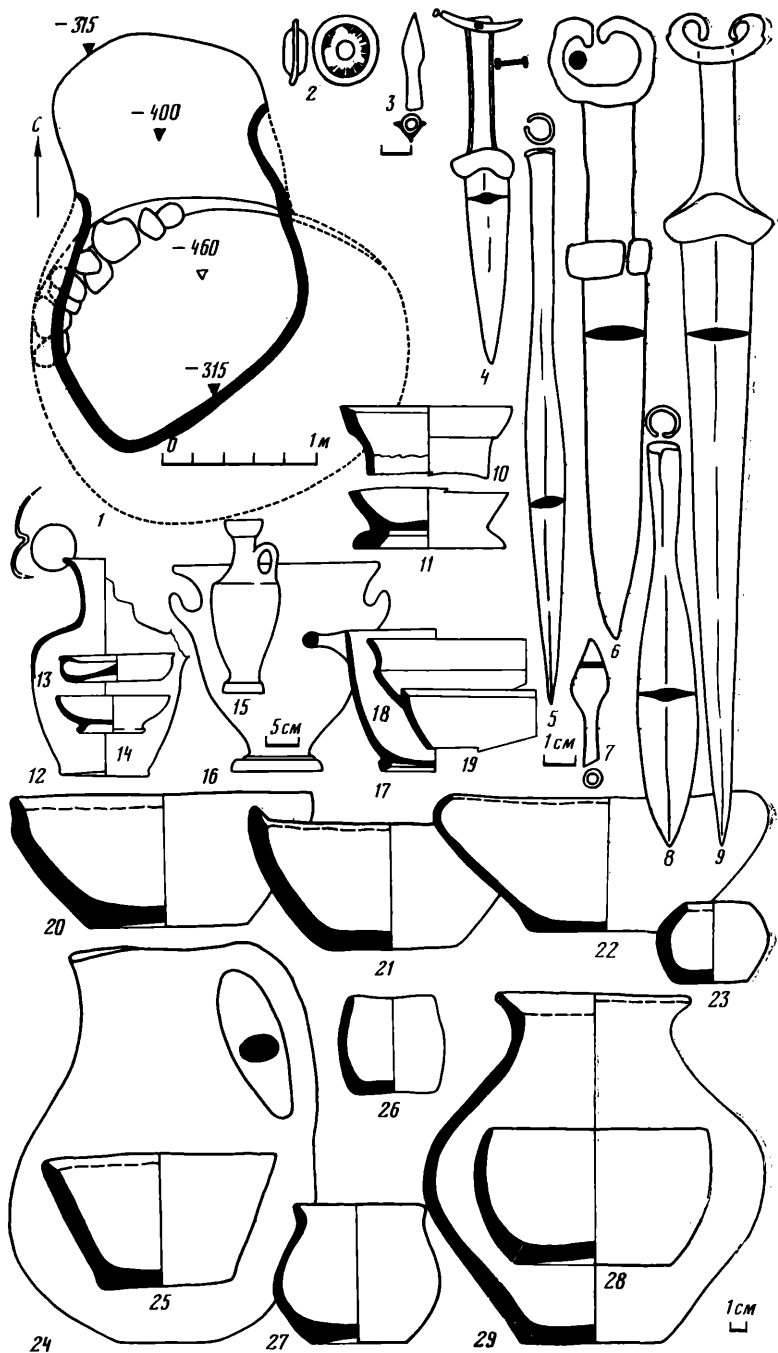

Рис. 2. Анапское поселение VI — V вв. до н. э. и его окрестности

1 — план полуземлянки; 2 — свинцовое пряслице; 3—9 — оружие; 10—19 — черный лак; 20—29 — лепная керамика. Разновидности форм

Тот факт, что стены домов 4-го строительного периода стали уже стен построек 2-го периода, косвенно свидетельствует о возникновении оборонительной системы вокруг поселения, что могло произойти около середины V в. до н. э., когда оборонительными стенами были обнесены многие другие города Северного Причерноморья. К тому времени в данном регионе изменилась политическая ситуация, центры античной культуры оказались перед лицом окрепшей скифской державы. Скифы совершали набеги и в синдские земли (*Herod.*, IV, 28).

Предположительно с оборонительной системой раннего поселения можно связать широкую (2,4 м) двухпанцирную стену сзади восточного крыла гостиницы «Анапа»¹⁰. Рядом с ней и перед указанным крылом гостиницы в строительной траншее найдена керамика V в. до н. э. Именно в этом месте должен был располагаться край поселения и чуть восточнее начинаться его некрополь. На фундаментах из тесаных известняковых камней могла лежать сырцовая кладка. Стены домов, ограниченные широкой кладкой, ориентированы углами по сторонам света и параллельны ей.

Анализ вещественного материала из исследованных комплексов и культурного слоя Анапского поселения свидетельствует в пользу его возникновения во второй половине VI в. до н. э., ближе к его последней четверти (рис. 3, 4). Отдельные более ранние керамические находки в Анапе и ее окрестностях подтверждают существование контактов данного региона с античным миром и в более раннее время, однако эти связи были, по-видимому, эпизодическими.

Керамический материал из полуземлянок и из слоя гибели домов как с широкими, так и узкими стенами одновременен. Следовательно, строительные периоды следовали один за другим непрерывно. Только стратиграфия позволяет установить последовательность возведения построек. Обилие напластований характерно для ранних слоев и других центров Северного Причерноморья (Пантикапей)¹¹. Культурный слой Анапского поселения мощностью не отличается. Уровень дневной поверхности полуземлянок около 3,15 м от современной поверхности почвы. Он определен условно по верхней отметке входа в одну из полуземлянок. Люди, жившие в доме I с широкими стенами, могли ходить по мостовой из крупных дикарных плит, обнаруженных на глубине 2,90 м. Строительству домов с узкими стенами предшествовало выравнивание широкой площади мелкогалечными трамбовками, поверхность которых находится на глубине 2,65 м. Дома 4-го строительного периода простояли до конца V в. до н. э. Наряду с керамикой, бытовавшей с последней четверти VI в. до н. э., в них появляются отдельные фрагменты хисских амфор с валиком на горле, части амфор Менды и обломки краснофигурных ваз с прорисью изображений тонкой кистью.

К востоку от поселения выявлен его некрополь. Первые три могилы этого некрополя обнаружены в 1969 г.¹², всего сейчас исследовано 21 погребение. Некрополь почти полностью уничтожен подвалами и хозяйственными перекопами перекрывшей его Горгиппии. Черты погребального обряда исследованных могил позволяют говорить о смешанном составе населения уже в ранний период. Обряд кремации, использование в качестве урны аттического кратера, погребение младенца в амфоре, установка надгробия с греческим текстом¹³, одиночные захоронения — все это определяет причастность к античной культуре. В известной мере к ней может быть отнесено устройство грунтовых могил и вытянутое положение умерших головой на восток. Отметим абсолютное преобладание среди погребального инвентаря предметов, относимых обычно к античной культуре, и отсутствие в раскопанных погребениях местных форм керамики (в культурном слое поселения лепная керамика меотских форм присутствует).

В то же время в раскопанных погребениях можно выделить ряд черт, присущих местному погребальному обряду: устройство могил, вытянутых вдоль оси север — юг, скорченность положения, использование для подстилки морской травы, положение в могилы оружия местных типов и красной краски, чрезвычайно распространенные в окрестностях Анапы каменные гробницы, кольцевые оградки и набросы из камней.

Следовательно, в VI и V вв. до н. э. на берегу Анапской бухты жили не только греки, но и местное население. Вероятно, они жили не изолированно друг от друга, а составляя смешанные семьи, потому что только кровно-родственным смешением представителей разных культур можно объяснить соединение в одном погребении черт обоих.

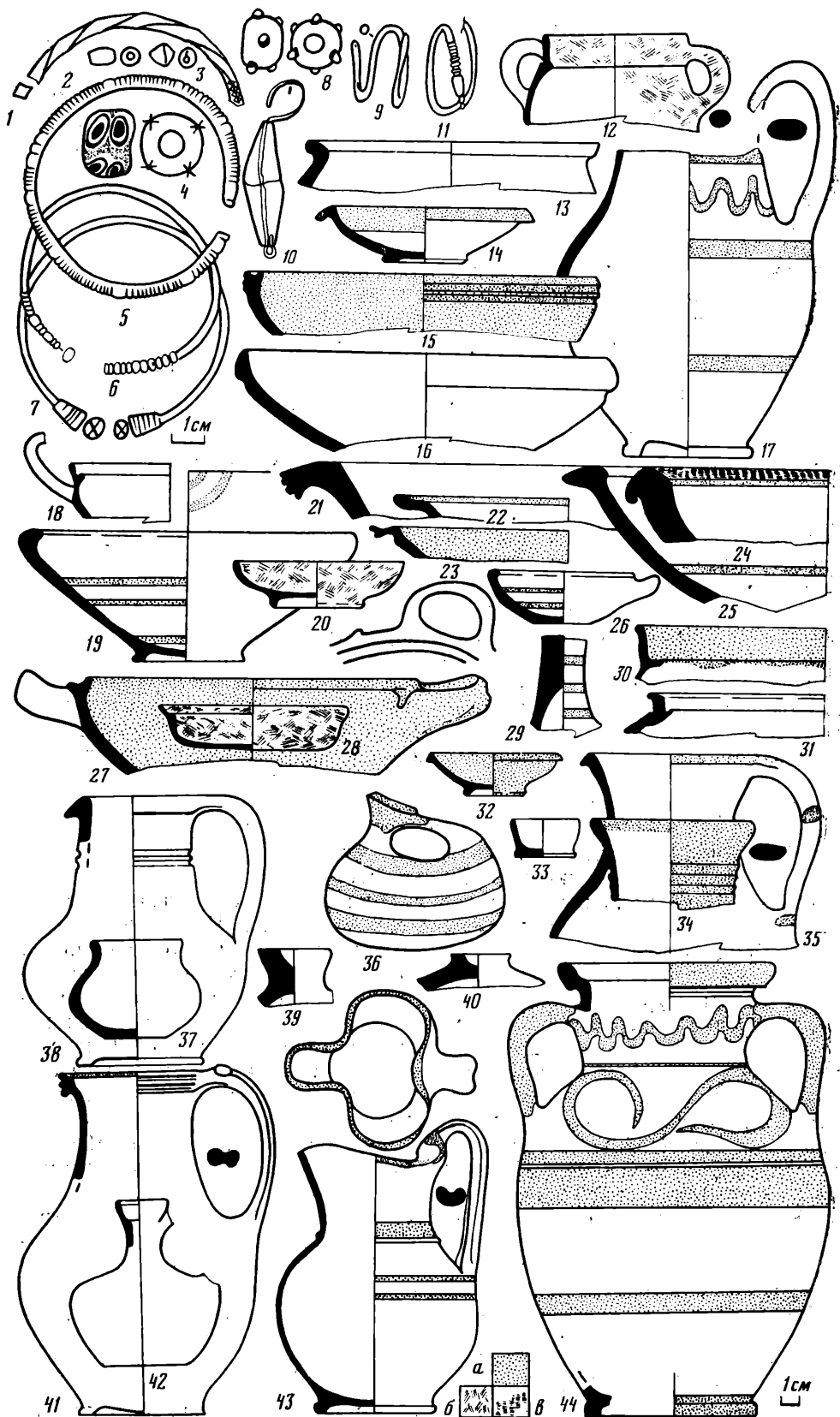

Рис. 3. Анапское поселение VI—V вв. до н. э. и его окрестности. Украшения и круговая керамика (Иония и местная), разновидности форм (а — блестящее и матовое покрытие красного цвета, б — красный пигмент бессистемными мазками, в — пурпур).

К востоку от Анапского поселения, в районе Алексеевских колодезцев (ныне окраина Анапы) известны три холмика с черепками от средиземноморских сосудов архаического времени. Холмики рассредоточены на пространстве в километр, каждый может скрывать небольшое жилище. А. И. Салов¹⁴, обнаруживший пятно поселения и опубликовавший сборы с его, подчеркивает торговый характер керамического комплекса этого объекта. Возникновение поселения он относит к первой половине VI в., полагая, что жизнь на нем продолжалась до конца первой четверти V в. до н. э. Не зная еще об Анапском поселении того же времени, А. И. Салов делает предварительный вывод о существовании на берегу речки Анапки эмпория. На мой взгляд, опубликованные поверхностные сборы в Алексеевской, не выходят за хронологические пределы, обозначившиеся для Анапского поселения, а присутствие здесь обломков круговой посуды не свидетельствует и о преимущественно торговой ориентации пункта. Несмотря на укромную и связанную с морем лагуну Алексеевского поселения, обнаружение полуземлянок в Анапе позволяет предполагать размещение первых переселенцев именно в них. Алексеевское поселение погибло раньше Анапского. События, которые предшествовали строительству однокамерных домов на пепелище дома I и возведению общегородских укреплений на месте современной Анапы, могли привести к гибели и неукрепленного поселения в приплавневой зоне речки Анапки. Алексеевское поселение с значительно удаленными друг от друга постройками представляется в данной ситуации частью хоры гораздо более крупного Анапского поселения. Этот пункт мог войти в земельные владения раннего полиса, эксплуатируемого им для собственных нужд.

Однотипность построек 4-го строительного периода, вероятность наличия общегородских укреплений и обеспечивающей продовольствием хоры — все это косвенно свидетельствует о полисном статусе открытого в Анапе раннего поселения.

Есть основания называть этот полис Синдиком. 540 стадиев Арриана (около 98 км) от Пантикапея до Синдики соответствуют расстоянию по морю от Керчи до Анапы. Его же 300 стадиев (около 55 км) до Синдики от Святого Порты (предположительно Геленджика) также близки расстоянию до Анапы.

Попытка найти на берегу Анапской бухты Синдскую Гавань не согласуется с указаниями древних авторов. 400 стадиев (70—74 км) от Страбоновых Бат до Синдской Гавани уводят из Новороссийска за пределы Анапы. Так же и 180 стадиев Страбона (30—33 км) к востоку от Корокондамы (мыса Тузлы) до Синдской Гавани не достигают Анапы и приводят лишь в район Кизилташского лимана.

На южном берегу Цукурского лимана, смежного с Кизилташским, есть достаточно крупное городище с подъемным материалом широкого хронологического диапазона от хиосских амфор с воронкообразным горлом до средневековых браслетов из синего стекла. В античную эпоху оно располагалось в глубине Синдики, на острове, имело удобный подход к воде и было надежно укрыто среди лиманов. С наиболее уязвимой стороны это городище было укреплено рвом¹⁵. По своему расположению и характеру поверхностных сборов оно может быть и Синдской Гаванью и Эвдусианой одновременно.

Если Анапский полис назывался Синдом или Синдикой, то выпуск монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ можно связать с его деятельностью. Эти монеты, как неоднократно отмечалось¹⁶, ничем не выделяются из одновременных стилистически близких небольших монетных серий, принадлежавших самостоятельным полисам Феодосии, Нимфею, Пантикапею. Грамматическая форма легенды на этих монетах дает право определять ее как обозначение этноса синдов. Для образования демотикона в родительном падеже множественного числа от самой короткой формы названия города в легенде недостает одной буквы (ΣΙΝΔΕΩΝ)¹⁷. Эта легенда корректна, если учесть что этникон на монетах периода архаики ставился в

форме среднего рода прилагательного, дополняясь опущением слова «знак»¹⁹. Чекан этих монет прекращается лет на 20 раньше присоединения Синдики к Боспору. Город же, обладавший гаванью, должен был привлекать Спартокидов не меньше хлебных земель. Собственность династии на гавани с правом распоряжаться пошлинами открывала огромные возможности к обогащению¹⁹. Поэтому греческий полис с гаванью мог войти в объединение боспорских городов раньше варварской страны, на землях которой он располагался. Присоединение Синдики (полиса) могло быть немирным подобно подчинению Феодосии и Нимфея, также обладавших большим земельным потенциалом. Пожары 3-го и 4-го строительного периодов раннего полиса могут отражать ход этой борьбы.

На рубеже V и IV вв. до н. э. археологически фиксируется внезапное разрастание города за прежние рубежи, что можно объяснить увеличением полиса после включения его в консолидацию боспорских городов. Этот строительный период отделяет ранний полис от собственно Горгиппии. На территории Анапского археологического заповедника он прослежен повсеместно. Вырвавшиеся за пределы прежнего полиса постройки гибнут почти тотчас после возведения, дома сгорают. Именно это разрушение может быть связано с острой борьбой за Синдику (страну) с Тиргатао (*Polyaen. Strateg.*, VIII, 55).

После покорения всей Синдики в город с удобной гаванью, стоящий среди плодородных земель, новой волной устремилось боспорское население. С того момента начинается история собственно Горгиппии, в то время были заложены основы ее планировки.

Анапское поселение поддерживало тесные контакты с окружающим его местным населением. Рынок обеспечивал средиземноморскими товарами окрестности на 10—15 км в начале V в. и на 20—25 км в конце V в. Предметы античной культуры, преимущественно керамика, встречены среди погребального инвентаря в могилах местных жителей небольших сельских поселений (у поселков Красная Скала, Воскресенский, в Алексеевском, совхозе «Рассвет», по дороге на Усатову балку).

На некрополях в окрестностях Анапского поселения местные жители совершали погребения по разным обрядам. Особенно распространены были так называемые каменные некрополи, связанные с рядовыми сельскими поселениями. Здесь варьируют различного типа семейные усыпальницы (большие и малые каменные ящики, выдолбленные в скале углубления), по поверхности древнего горизонта гробницы окружены каменными кольцами, перекрыты плитами и насыпями из ломаных камней. К северо-востоку от Анапы эти некрополи зафиксированы в радиусе не более 15 км и далее в Синдике не прослеживаются. В южном направлении они выходят за пределы Новороссийска. Видимо, каменные некрополи можно связывать с ветвью местного населения, корни которого уходят в культуру Центрального и Северо-Западного Кавказа эпохи бронзы. Очевидно, это население было генетически связано с потомками кобанской культуры в ее наиболее территориально близком западном варианте. Подобные погребальные конструкции и некоторые аналогичные предметы погребального инвентаря прослежены в районе Туапсе на стыке позднекобанской и античной культур²⁰. Носителями этой культуры вблизи Анапского поселения могли быть одни из соседей синдов. Этот народ был оседлым и занимался земледелием.

Под курганами фиксируются большие, иногда многокамерные гробницы с бревенчатым перекрытием, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами (50×50 см). Эти погребальные сооружения являются усыпальницами синдо-меотской знати. Подкурганные сырцовые гробницы удалены от Анапы не менее чем на 25 км (Уташ, Семибратние), они расположены недалеко от исконно синдского острова, где также известны сырцовые, но менее монументальные гробницы. Погребальные комплексы подобного типа свидетельствуют о сильном синкретизме культуры на территории данного региона. К V в. не только эллинская куль-

тура проникает в местную, но и сами местные элементы оказываются в достаточной степени сплетены между собой.

Изложенное выше — анализ поселения, данные его некрополя и соседних с ним пунктов — позволяет считать, что район современной Анапы был включен в орбиту античного мира с середины VI в. до н. э. Массовое заселение греками побережья Анапской бухты относится к третьему, завершающему этапу ионийской колонизации²¹. Наиболее значительный пункт античной культуры располагался на месте самой Анапы. Он распространял свое влияние на соседние территории с момента основания. Радиус его активной деятельности в V в. составлял не менее 25—30 км.

Вещественный материал из раскопок Анапского поселения дает представление об экономических контактах региона, его торговом балансе и характере материальной культуры (рис. 3, 4).

Для выяснения количественного соотношения амфор различных групп представленных в коллекции Анапского поселения, произведен подсчет ножек из раскопа «Океан» 1982 г. Установлено, что преобладают стаканообразные красноглиняные донья (Атика? Фасос?) — 51%, группа протофасос (Самос) составляет 33%, амфоры Хиоса — 14%²². Амфоры со стаканообразным дном преобладают и в культурном слое соседнего с Анапским поселением Торики²³. Имеющиеся типы амфор трех указанных групп характерны для последней четверти VI—V вв. до н. э.²⁴ Пик завоза всей этой тары приходится на первую половину V в.

Находки прочих амфор на Анапском поселении составляют не более 2%. К ним относятся амфоры с широкими полосами (часть которых, по-видимому, можно связать с импортом из Клазомен²⁵), хиосские амфоры с воронкообразным горлом, сероглиняные лесбосские, собственно самосские. Все эти амфоры, составляющие меньшинство в коллекции, бытовали с середины VI в. Немногочисленность их и совместная встречаемость с более поздними типами не позволяют датировать Анапское поселение более ранним временем, чем последняя четверть VI в. до н. э.

Своеобразная амфора найдена в могиле некрополя по дороге в Усатову балку (рис. 4, 1). Она сделана из мягкой оранжевой глины, насыщенной крупными белыми и мелкими темными включениями, содержащей также блестящие и красные вкрапления. Визуально тесто этой амфоры близко одной из групп горгийских глин.

Привезенная из Средиземноморья чернолаковая посуда обильно представлена мелкими осколками простых и расписных сосудов, целые экземпляры происходят из некрополей. Лак отличается металлическим блеском, оливковым отливом, густотой тона и наличием зон сургучно-бурого цвета. Встречены фрагменты глубоких киликов, киликов в виде изящных чаш на невысоких поддонах, скифосов, чашек с одной петельчатой ручкой и чашек всевозможных диаметров с различными очертаниями края и профиля поддона, части кратеров, ойнохой, расписных амфор, светильников. Одинаково обильны обломки ионийских и аттических сосудов. Среди чернофигурной керамики преобладает продукция Аттики, импорт которой относится к позднеархаическому периоду и началу классики. Большая часть краснофигурной керамики датируется второй половиной и концом V в. Этим же временем датируются и многочисленные обломки чернолаковых сосудов со штампованным орнаментом. Среди чернофигурных росписей отметим медальоны с Горгонейонами, части глаза потропеев, крыло Сфинкса, части стоящих и сидящих на дифросах фигур в орнаментированных хитонах, изображенные силенов, коней и быка, полосы плетения, пальметт и бутонов лотоса, поля чешуйчатого орнамента клазоменских ваз, зоны с лучевым и палочным узором. Преобладают образцы беглого стиля с прорезным контуром изображения. В росписях краснофигурных сосудов (кратеры, скифосы, ойнохой, блюда) присутствуют сюжеты дионийского культа, фигуры всадников, танцующих женщин, пальметты, полосы ов и меандра. Чернофигурные и краснофигурные росписи дополнены пурпуром и

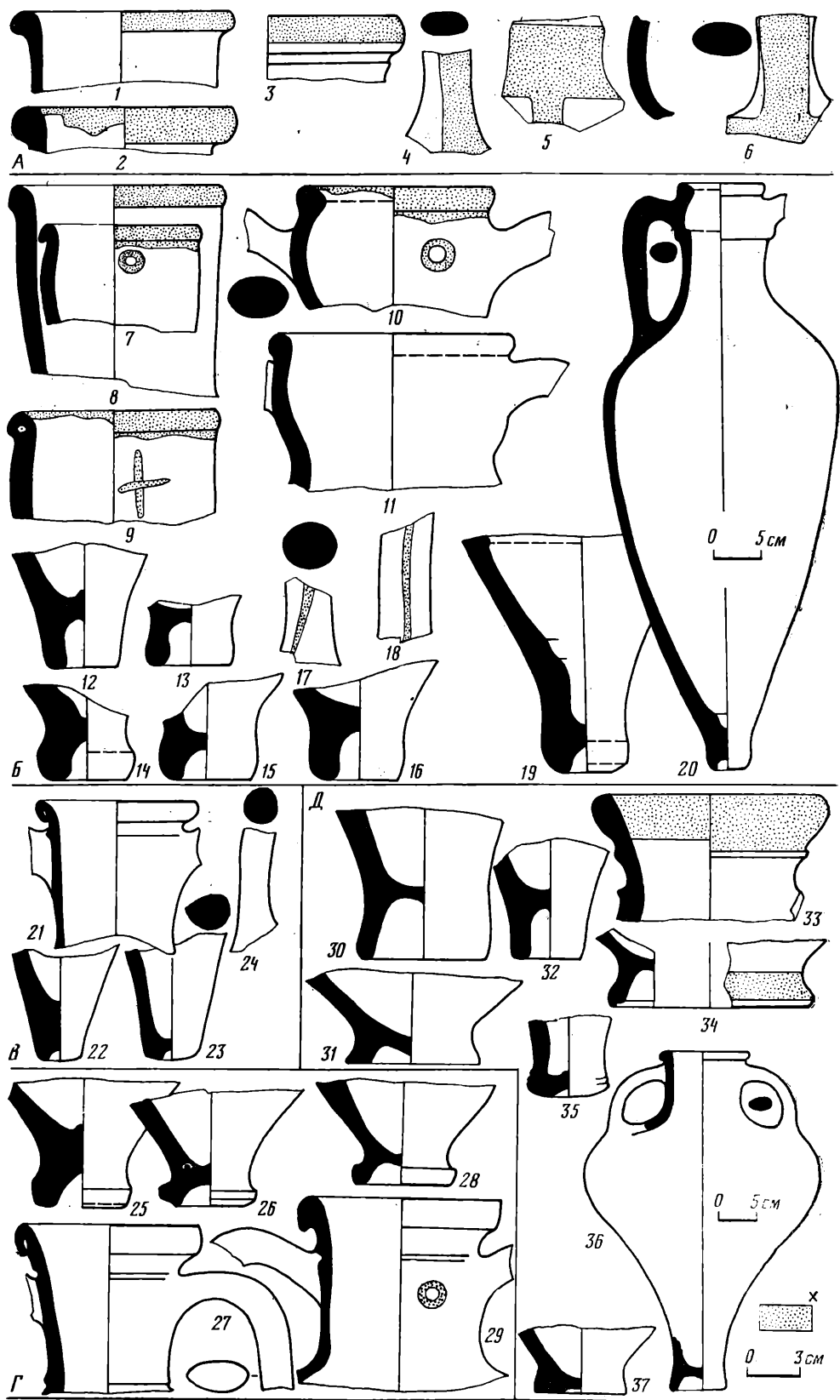

Рис. 4. Раннее поселение в Анапе и его окрестности, разновидности амфор

А — ионийских с широкими полосами, Б — хиосских, В — со стаканообразным дном, Г — типа протофасосских, Д — прочих (x — красочный пигмент: черный, красный, бурый; лакообразный и матовый)

белой краской. Чернофигурные росписи некоторых лекифов исполнены по светлому грунту.

Среди ионийской керамики преобладают тонкостенные сосуды бытового назначения, найдены светильники. Они покрыты тонким слоем лака с металлическим блеском неустойчивой окраски черного, бурого, красного и рыжего оттенка. Обычно лаком покрыты определенные зоны и полосы, в ряде случаев применены пурпур и белая краска. Встречена плоскодонная амфора с горизонтально лежащим завитком на плечах.

Сделанная на гончарном круге простая посуда нередко орнаментировалась полосами неблестящей красной и черной краски в подражание ионийской, украшенной лаком. Красочными поясками обводились края лутериев, мисок, кастрюль, ойнохой и кувшинов, тулова и ручки закрытых сосудов. Миски и блюда нередко целиком окрашивались красно-бурой краской, покрывавшей поверхность беспорядочными мазками. Тесто круговых сосудов VI—V вв. большей частью сделано из тонкой бежевой глины с блестками и белыми включениями, некоторые сосуды изготовлены из мягкой белой глины и почти белой глины, насыщенной песком.

Лепная посуда изготовлена из рыхлого, насыщенного кварцевым песком, серого или слегка коричневого теста. В ней заметно присутствие сосудов меотского облика. Распространены крупные плоскодонные горшки баночного типа с различной криватурой изгиба стенок, глубокие конические миски, встречены ойнохой и светильники.

- ¹ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье//*Античная Греция.* М., 1983. Т. 1.
- ² *Sibirsky A. A.* Catalogue des medalles du Bosphore Cimmerien. SPb., 1859. P. 237; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 293.
- ³ *Орешиников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья// *ИРАИМК.* 1922. II. С. 122; *Зограф А. Н.* Античные монеты//*МИА.* 1951. № 16. С. 116; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 102; *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор// *МИА.* 1954. № 3. С. 20; *Шелов Д. Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 43; *Кругликова И. Т.* Синдская Гавань Горгииппия. Анапа. М., 1975.
- ⁴ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 216; *Болтунова А. И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора// *ВДИ.* 1964. № 3. С. 145.
- ⁵ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. С. 295—297; *Кругликова И. Т.* Горгииппия в эпоху Спартокидов//*ВДИ.* 1971. № 1.
- ⁶ *Алексеева Е. М.* Анапская экспедиция в 1973—1984 гг.//*КСИА.* 1986. Вып. 188. С. 61.
- ⁷ См., напр.: *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья//*АГСП.* Л., 1955. С. 215—247; *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 94; *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 12 сл., 41.
- ⁸ *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома... С. 12.
- ⁹ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.//*МИА.* 1952. № 25. С. 74—84; *Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 29; *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома... С. 15.
- ¹⁰ Раскопки 1962 г. Г. А. Цветаевой на месте небольшого хозяйственного строительства в саду гостиницы. В отчете эта стена отнесена к I в. до н. э.— I в. н. э., однако никакого подтверждающего датировку материала и особенностей стратиграфии не указано. См.: Архив ИА АН СССР. Следует отметить, что в указанный период Горгииппия строилась менее всего. Поэтому трудно представить, кому именно на рубеже эр могла принадлежать столь широкая стена в центре города.
- ¹¹ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. С. 28. В Пантикапее с конца VI до середины V в. отложилось восемь пластов.
- ¹² *Салов А. И., Смирнова Т. М.* Новые находки в Анапе//*КСИА.* 1972. Вып. 130. С. 53—61.
- ¹³ *Болтунова А. И.* Надписи Горгииппии (из находок 1971—1981 гг.)//*ВДИ.* 1986. № 1. Фрагм. 18.
- ¹⁴ *Салов А. И.* Архаическое поселение на окраине Анапы//*Проблемы античной культуры.* М., 1986. С. 189.
- ¹⁵ В целях изучения вопроса о Синдской Гавани мной предпринята разведка по побережью севернее Анапы. При этом осмотрены берега Витязевского, Кизилташского и Цукурского лиманов. Данное городище мне указано В. С. Долгоруковым, любезно предоставившим сведения о характере подъемного материала на нем. Собранный мной подъемный материал идентичен.
- ¹⁶ *Орешиников А. В.* Этюды по нумизматике ... С. 121; *Мошинская В. И.* О государстве синдов//*ВДИ.* 1946. № 3. С. 203; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории... С. 153; *Зограф А. Н.* Античные монеты. С. 214; *Казаманова Л. Н.*

- Введение в античную нумизматику. М., 1969. С. 135; *Gajdukevič V.* Das Bosporianische Reich. В., 1971. С. 60; *Грач Н. Л.* О находке синдской монеты в Мирмекии//ВДИ. 1972. № 3. С. 133; *Шелов Д. Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации//ДСПВГК. Тбилиси, 1981. С. 232.
- ¹⁷ *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э.//ДГТ СССР. М., 1984. С. 125.
- ¹⁸ *Зограф А. Н.* Античные монеты. С. 79.
- ¹⁹ *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора... С. 158.
- ²⁰ *Марковин В. И.* О происхождении северокавказской культуры//СА. 1959. № 1. С. 11, 12; *Крушкол Ю. С.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский р-н) экспедициями Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской//УЗ МОПИ. 1963. Т. 115. Вып. 4. С. 37; *Ковалевская В. Б., Козенкова В. И.* О работах Мало-Карачаевского отряда//АО, 1978 г. М., 1979. С. 128.
- ²¹ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 370.
- ²² *Мальшев А. А.* Позднеархаические амфоры из Горгииппии//Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 98.
- ²³ *Онайко Н. А.* Архаический. Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 73.
- ²⁴ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83. С. 72—79; *Grace V.* Amphoras and the ancient wine trade. Princeton, 1961; *Eadem.* Samian amphoras//Hesperia. 1971. V. 40; *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 27, 56—59; *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана: (По материалам хносских амфор)//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982; *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 92 сл.; *Clinkebeard B. C.* Lesbian and Thasian amphoras questions concerning collaboration//RAG. BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 250.
- ²⁵ *Dupont P.* Amphores commerciales archaïques de la Grece de l'Est//La parole del passatorivistu di Studi antichi. Napoli, 1982. V. 37. P. 200; *Idem.* Classification et determination de provenance des ceramiques grecques orientales archaïques d'Istros//Dacia. 1983. V. 27. P. 25; *Docer E.* Premieres remarques sur les amphores de Clazomenes//RAG. BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 464.

В. С. ДОЛГОРУКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТОПОГРАФИИ РАННЕЙ ФАНАГОРИИ

Впервые вопрос о границах ранней Фанагории был рассмотрен более 30 лет назад в монографии М. М. Кобылиной¹. Древнейшие остатки города, по ее мнению, находились в северной части городища. На основании находок, датированных второй половиной VI в. до н. э., она считала, что город того времени простирался вдоль берега Таманского залива на 500—600 м, причем его западная граница лежит восточнее раскопа «Город А», а восточная находится между раскопами «Северный берег» 1938—1939 гг. и «Восточным береговым» 1947 г. Северная и южная границы ею не были точно локализованы, но было отмечено обилие архаических находок в более поздних слоях на холме «Г» и в юго-восточном углу городища, а также то, что северная окраина Фанагории затоплена морем. В результате подводных археологических разведок и раскопок 1958—1959 гг.² было выяснено, что северная граница города проходила в 185 м севернее современной береговой линии.

В настоящее время имеется возможность уточнить границы архаической Фанагории. Основными критериями для установления размеров раннего города следует принять слои со строительными остатками и топографию местности. Хорошо известно, какое значение придавали греки при основании нового города укреплению его обороноспособности и какое важное место при этом уделялось рельефу местности³. Строительные остатки второй половины VI в. до н. э. надежно зафиксированы на трех раскопах: «Северный берег», «Центральный раскоп» и «Верхний город»⁴. Все эти три раскопа находятся в северо-западной части городища Фанагория, к западу от пологого спуска, разделяющего верх-

нее плато. По-видимому, в древности на его месте проходила глубокая балка. Южное окончание ее еще довольно хорошо просматривается на современной поверхности верхнего плато в виде неглубокого понижения рельефа местности, идущего в юго-западном направлении. В древности балка, скорее всего, продолжалась и в северном направлении, пересекая нижнее плато. Отметим, что на топографическом плане Фанагории, снятом в 1927 г. в ходе обследования городища А. С. Башкировым, на месте предполагаемого северного продолжения балки, отчетливо прослеживается понижение поверхности посередине нижнего плато. В античное время оба понижения как на верхней, так и на нижней части городища, несомненно, были более значительными. Но с течением времени и особенно в результате многовековой человеческой деятельности на территории впоследствии разросшегося города, а также многолетней распашки она была сnivelирована. Западный склон балки представлял собой весьма удобное место для создания оборонительной линии раннего поселения. И хотя среди материалов подводного раскопа встречаются находки VI в. до н. э., В. Д. Блаватский считал, что граница архаического города не доходила до раскопанного участка⁵. Представляется маловероятным, чтобы основатели Фанагории построили город не по самой береговой линии, а несколько в глубине, затрудняя себе возведение надежной линии обороны, которую предоставлял берег залива. Отсутствие слоев более раннего времени, очевидно, следует объяснить местоположением подводного раскопа в восточной части города, по другую сторону предполагаемого северного продолжения балки. Судя по находкам строительных остатков второй половины VI в. до н. э., архаическое поселение располагалось на нижней и верхней террасах в западной части городища. Таким образом, северный край архаической Фанагории образовывала древняя береговая линия. Восточная граница шла по заданному скату балки от самого берега, примерно до середины верхнего плато. Сложнее определить южную и западную границы древнего поселения. Исходя из рельефа, южное окончание архаического города, вероятнее всего, проходило по водоразделу западной части верхнего плато, включая три небольших всхолмления из четырех прослеживаемых в данной части городища с востока на запад. Западная граница, по-видимому, начиналась на западном скате самого западного из упомянутых возвышений и шла в северо-западном направлении по одной из балок, ведущих с верхней террасы на нижнюю террасу, и в дальнейшем доходила до ее соединения на берегу с северной границей. Предполагаемый западный предел архаического поселения не противоречит мнению М. М. Кобылиной о его существовании восточнее раскопа «Город А»⁶. В результате получается, что древнейшая Фанагория имела в плане почти прямоугольную форму со сторонами 400—450×500 м, т. е. площадь ее составляла приблизительно 20—22,5 га (рис. 1).

Такие размеры ранней Фанагории могут показаться на первый взгляд довольно значительными, даже при условии большого количества беженцев из Теоса. Однако не следует думать, что с самого начала вся ее территория была плотно застроена жилыми комплексами. Возможно, дома располагались на довольно удаленных расстояниях друг от друга, как это наблюдается в Мегаре Гиблее в VIII в. до н. э. В этом сицилийском городе на площади, разбитой улицами на отдельные кварталы, в каждом таком участке размещалось по одной-двум постройкам, лежащим на сравнительно далеких расстояниях⁷. В Ольвии середины — второй половины VI в. до н. э. на одно земляночное или полуземляночное жилище размерами 6—14 кв. м приходилось 35—45 кв. м окружающей территории⁸. Примерно аналогичная картина наблюдается в Пантикапее, где на раскопе площадью свыше 5000 кв. м обнаружены остатки лишь 21 зданий VI—V вв. до н. э., лежащих разбросано⁹. Со временем плотность застройки возрастала. В той же Мегаре Гиблее на протяжении VII в. до н. э. жилые дома постепенно занимают все свободное пространство кварталов. Поэтому более резонно предполагать.

удовлетворение потребностей в расселении возрастающего населения апойкий в ранние периоды их существования, главным образом за счет увеличения плотности жилой застройки, а не посредством расширения территории. Лишь значительно позже, когда первоначально выбранная для создания города площадь была полностью использована, городские границы начинают постепенно раздвигаться. Так, в Ольвии на протяжении VI в. до н. э. ее древнейшая территория если и расширялась, то в очень незначительных размерах¹⁰. К концу VI — началу V в. до н. э. она занимала почти всю поверхность «Верхнего города», за исключением северо-восточного угла, где до конца VI в. до н. э. размещался архаический некрополь¹¹. Общая площадь Ольвии того времени достигает 11—16,5 га. И только на следующем этапе развития города, охватывающим первую половину V в. до н. э. — 331 г. до н. э., его территория достигает размеров 44—47 га. Таким образом, понадобилось более двух веков для увеличения Ольвии чуть больше чем в два раза.

В Фанагории, за исключением отдельных находок конца VI в. до н. э., при раскопках на холме «Г» и в юго-восточном углу городища никаких строительных остатков того времени не обнаружено¹². По-видимому, во второй половине VI в. до н. э. восточная часть городища находилась вне черты городской застройки. Обнаружение на раскопе «Южный город» на протяжении более 100 м могил второй половины VI или самого начала V в. до н. э. позволяет говорить о том, что раскопками в юго-восточной части города затронут край, вероятнее всего юго-восточный угол, древнейшего могильника Фанагории. Впоследствии архаический некрополь был перекрыт разросшейся территорией города. Самые древние постройки на юго-восточной и южной окраине датируются второй половиной первой четверти V в. до н. э.¹³ К ним принадлежат остатки по крайней мере четырех глино-плетневых домов и мастерской коропласта. Дома состояли из нескольких смежных помещений, вытянутых в ряд в

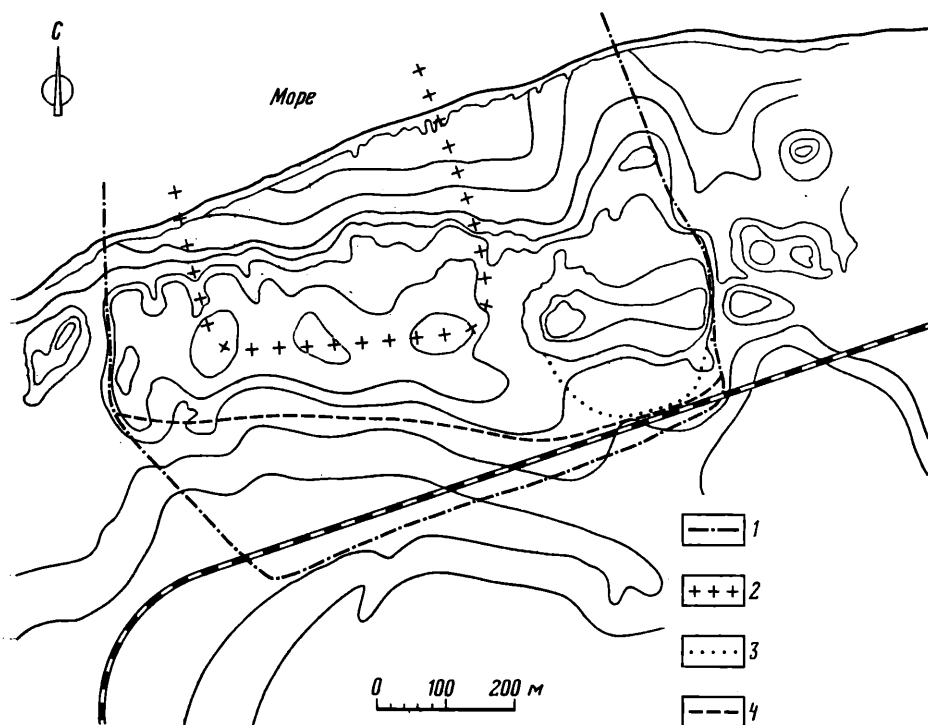

Рис. 1. План городища Фанагория

1 — границы городища; 2 — границы города второй половины VI в. до н. э.; 3 — границы архаического некрополя; 4 — границы города начала V в. до н. э.

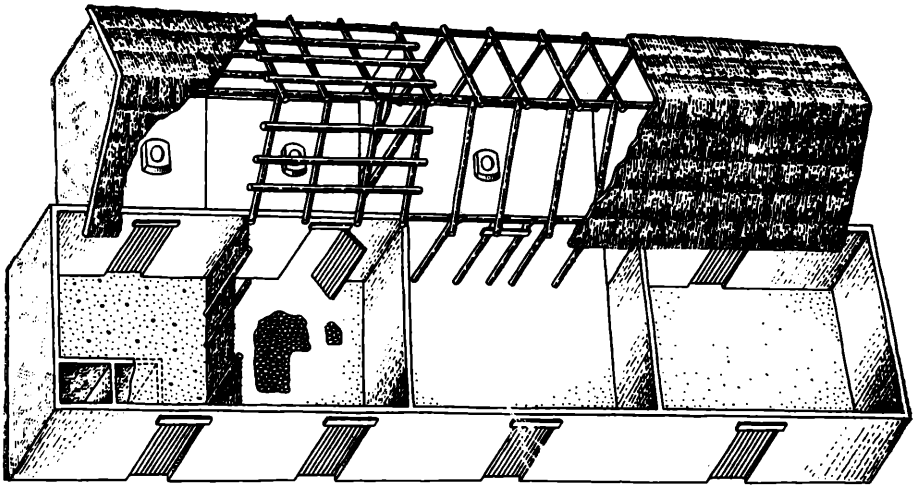

Рис. 2. Реконструкция глино-плетневого дома 2

направлении с востока на запад. Судя по лучше сохранившемуся дому, в центре каждого из четырех его помещений находился прямоугольный очаг, южные стены имели дверные проемы (рис. 2). Южнее помещений располагались изолированные друг от друга открытые дворики, вымощенные фрагментами керамики или засыпанные смесью железняка с песком. На их территории обнаружены небольшие огорождения из плетней, обмазанных глиной, и служивших, по-видимому, для хозяйственных целей (загоны для скота, складские и производственные помещения и т. д.). Таким образом, каждый жилищно-хозяйственный комплекс состоял из жилого помещения и дворика к югу от него и принадлежал, несомненно, отдельной семье. В целом планировка фанагорийских глино-плетневых домов очень похожа на здание конца VI в. до н. э., раскопанное в Киммерике¹⁴. Отличаются они лишь количеством помещений и материалом, из которого были сооружены. Весь облик как киммерийского дома, так и жилищ Фанагории свидетельствует о поспешности сооружения и позволяет предположить их принадлежность греческим первооселенцам, которые наспех возводят дома из имевшихся под рукой материалов и в целях экономии затрат на возведение соединяют их в блоки. Но могли ли это быть первооселенцы, если, опираясь на сообщения древних авторов, подтверждаемых археологическим материалом раскопок, мы относим основание Фанагории к концу 40-х годов VI в. до н. э. и устанавливаем границы этого древнейшего поселения? Ответ следует искать в результатах исследований городища в разных местах и общеисторической ситуации в эллинском мире. Слои V в. до н. э. прослежены не только на юго-восточной и южной окраинах Фанагории, но и на раскопе 1936—1939 гг. «Город А», на раскопе «Северный берег» 1939 г. и холме «Г» 1948—1949 гг.¹⁵ В результате получается, что в течение первой половины V в. до н. э. территория города резко увеличивается и достигает границ, установленных В. Д. Блаватским¹⁶ еще в довоенные годы, т. е. около 37 га, а с учетом затопленной части городища — более 50 га. Иными словами, городская территория, а вместе с ней и проживающее на ней население Фанагории возрастают вдвое по сравнению с архаическим периодом. Столь стремительный рост города и числа его жителей за довольно короткий промежуток времени — немногим более четверти века — вряд ли можно объяснить естественным приростом населения или каким-либо демографическим взрывом. В. П. Яйленко полагает увеличение рождаемости не сразу по основании колонии, а спустя примерно полвека¹⁷. На первый взгляд это положение соответствует ситуации в Фанагории. Однако приведенный им в качестве примера случай с Киреной крайне неудачен, поскольку

ку, как видно из второй части этого же отрывка «Истории» Геродота, численность Кирены возрастает не за счет увеличения деторождаемости, а вследствие прибытия новых поселенцев¹⁸.

Факты отправления новых переселенцев в уже основанные апойкии довольно многочисленны в греческой колонизационной практике¹⁹. Их приезд резко увеличивал количество жителей города и соответственно его территорию. На этом основании кажется вполне логичным предположить, что расширение площади городской застройки Фанагории в два раза вызвано прибытием новых переселенцев. В этой связи интересно отметить синхронный по времени рост территории Ольвии и разветвляющееся здесь наземного каменно-сырцового домостроительства, которые объясняются некоторыми исследователями концентрацией жителей сельских поселений в город²⁰. Недавно В. П. Яйленко достаточно аргументированно выделил три этапа ионийской колонизации Северного Причерноморья, связанные с исторической ситуацией в Ионии с середины VII по рубеж VI—V вв. до н. э.²¹ На мой взгляд, появление новых колонистов в Фанагории также связано с положением дел в указанном регионе Восточного Средиземноморья. Начало V в. до н. э. ознаменовалось восстанием ионийских городов против персидского владычества²². После разгрома восстания население некоторых городов, спасаясь от жестокости персов, бежало из своих городов. Так, согласно Геродоту, часть самосцев и беглецов из Милета отплыли в Занклу на побережье Сицилии²³, а жители Византия и Калхедона отплыли в Понт Евксинский и поселились в Мессембрии²⁴. Не исключено, что определенный контингент беженцев из упомянутых и не перечисленных древним историком малоазийских эллинских центров мог оказаться в апойкиях, лежащих по берегам Боспора Киммерийского, поскольку некоторые из них, и в первую очередь Милет, являлись для последних метрополиями. В какой-то степени показателен массовый керамический материал из слоев, относящихся к концу VI и началу V в. до н. э. На участках, где строительные остатки V в. до н. э. перекрывают напластования второй половины VI в. до н. э. (раскопы «Центральный» и «Верхний город»), среди фрагментов амфор крайне редко встречаются самосские образцы, что до недавнего времени приводило исследователей к выводу о незначительности самосского импорта²⁵, а на участках, где сооружения V в. до н. э. являются древнейшими и лежат непосредственно на материке (раскопы «Город А», «Южный город»), количество находок самосских амфор заметно возрастает²⁶. Иными словами, факт увеличения самосского импорта совпадает с расширением городской территории Фанагории. Вряд ли это можно объяснить только проживанием в данных частях города контрагентов, ведущих торговлю с Самосом. Скорее часть самосских амфор была привезена беженцами из указанного центра восточной Греции. Не меньший интерес представляют формы и оттиски с них из мастерской коропласта, раскопанной на южной окраине города. Их типы редко встречаются в городах Северного Причерноморья и почти всегда отличаются в деталях²⁷. В то же время они полностью аналогичны типам терракот Родоса. Р. А. Хиггинс отмечает, что такая трактовка фигур характерна только для Родоса второй четверти V в. до н. э., а после того, как в третьей четверти того же столетия указанные типы были восприняты в Аттике и уже оттуда получают широкое распространение в эллинском мире, моделировка деталей их в значительной степени видоизменяется²⁸. Это обстоятельство также наводит на мысль, что владелец мастерской недавно переселился в Фанагорию и привез с собой излюбленные на родине матрицы или матрицы. Отметим также находку на другом участке раскопа «Южный город» среди крупных протом Деметры, изготовленных из фанагорийской глины, фрагментов аналогичной протомы самосской глины, покрытой белой обмазкой, по-видимому служившей образцом или матрицей для изделий местного производства. Небезынтересно обратиться к данным нумизматики. Еще А. Н. Зограф соглашался с мнением о заимствовании ти-

пологии ранних монет Пантикапея с Самоса²⁹. Правда, позднее Д. Б. Шелов категорически отрицал это влияние, считая его милетским³⁰. В недавно вышедшей работе по нумизматике Боспора В. А. Анохин, признавая выбор аверса пантикапейского чекана — голова льва — несомненным влиянием Милета, усматривает в монетах последней серии с легендой АПОΛ связь последнего Археанактида с олигархическим Самосом³¹. Устанавливая логическую связь между появлением аполлонийской чеканки с возникновением объединения боспорских городов типа ионийского Паннония, В. А. Анохин приходит к выводу о синхронности начала этого чекана и установления власти Археанактидов. И хотя автор не дает окончательного ответа о причинах прихода к власти Археанактидов, но опираясь на синойклизм Ольвийского государства и начало бурного расцвета самой Ольвии, он все же склонен считать оба эти события защитной реакцией северопричерноморских городов на успехи Афин в войне с Персией. Подобное объяснение причин объединения боспорских городов не впервые высказывается в советской библиографии³². Начало успехов Афин в греко-персидских войнах год в год совпадает с началом аполлонийского чекана и утверждением власти Археанактидов. Однако маловероятно, что тут же после победы греков при Саламине обстановка в бассейне Эгейского моря могла кардинальным образом измениться и повлиять на политическую ситуацию в Северном Причерноморье. Последнее обстоятельство заставляет в значительной степени сомневаться в справедливости этого предположения.

В целом существует значительное количество точек зрения по проблеме выяснения исторических причин объединения греческих городов Боспора Киммерийского в единое государство. Достаточно полно они изложены в работе Ю. Г. Виноградова³³. Автор по существу развивает высказанную еще в 50-е годы гипотезу В. Д. Блаватского о том, что основным катализатором консолидационного процесса была, во-первых, скифская угроза, а во-вторых, экономическая выгода от такого объединения³⁴. Свою аргументацию Ю. Г. Виноградов подкрепляет аналогией, прослеживаемой в Сицилии при образовании Сиракузской державы Дионисия. Автор справедливо усматривает совпадение в титулатуре, традиции престолонаследия, сущности правления и социальной опоре правителей обоих государственных образований. Но, сравнивая эти два хронологически разделенные почти 75 годами явления на разных концах античного мира, Ю. Г. Виноградов, исходя из существующих источников, вынужден обращаться не к Археанактидам, а к их приемникам Спартокидам. Последние, по его мнению, унаследовали от первых форму правления, преемственность власти, социальную опору, внешнюю и внутреннюю политику. Само по себе это также вполне возможно. Но если сравнения держав Дионисия и Спартокидов вряд ли вызывают возражения, то аналогии с Археанактидами выглядят довольно умозрительными. У нас нет никаких сведений, что Археанактиды, как Дионисий, или другие политические деятели Эллады, возглавившие создание крупных государственных объединений, подчиняли греческие города Боспора военным путем. Кроме того, трудно припомнить случай, чтобы внешняя опасность послужила причиной объединительного процесса. Например, натиск Ахеменидской державы на малоазийские греческие города не привел к их консолидации, хотя они входили в религиозные союзы. Нашествие персов на Грецию также не привело к аналогичному процессу. Подобных примеров во всемирной истории можно привести множество. Сошлемся лишь на два наиболее ярких. Так, угроза франкского завоевания не заставила германские княжества искать противовес в создании централизованного государства и равным образом татаро-монгольское нашествие не явилось причиной для образования единого Русского государства. Очевидно, приход к власти Археанактидов, возглавивших Боспорское государство, вызван иными обстоя-
тельствами.

В свое время Т. В. Блаватская, ссылаясь на бурную социально-политическую историю Греции в конце VI — начале V в. до н. э., высказала предположение, что поводом для установления правления Археанактидов могла быть социальная борьба, закончившаяся победой аристократии над демократией или наоборот³⁵. В ходе борьбы за демократические права верх взяли сторонники тирании. Такая ситуация реальна, но не подтверждается источниками, что отмечалось Ю. Г. Виноградовым³⁶. Если же действительно в течение короткого времени прибыли многочисленные новые переселенцы во многие города Боспора, то такая борьба могла иметь место. В древности прибытие дополнительных контингентов населения в колонии зачастую приводило к внутренним неурядицам и изменению государственного строя. Достаточно вспомнить множество примеров, приводимых по этому поводу Аристотелем³⁷. Поэтому не исключено, что прибытие в греческие города, лежащие по берегам Боспора Киммерийского, в том числе и в Фанагорию, новой волны переселенцев — беженцев, спасавшихся после поражения ионийского восстания, вызвало внутренние раздоры, связанные с перераспределением среди колонистов земельных наделов. Результатом этих социальных столкновений явилось объединение Боспора под властью Археанактидов. Определенную роль в быстрой консолидации сыграли экономический фактор и скифская угроза. Но это были предпосылки, облегчившие процесс объединения, тогда как основной причиной явилась социальная борьба между апойками и эпойками за передел земли и свои политические права. В заключение хотелось бы сказать, что если причины создания Боспорского государства нуждаются еще в дополнительных аргументах и высказаны в порядке предварительного предположения, подтверждением которого могут служить в первую очередь факты резкого увеличения размеров городских территорий других городов Боспора в первой четверти V в. до н. э., то вряд ли можно сомневаться в том, что расширение городской территории Фанагории в два раза вызвано прибытием новой волны переселенцев.

¹ *Кобылина М. М.* Фанагория//МИА. 1956. № 57. С. 14.

² *Блаватский В. Д., Кузицин В. И.* Подводные разведки древней Фанагории//Вестн. АН СССР. М., 1959. № 1. С. 130 сл.

³ *Arist., Polit., VII, 10, 2; Veg., De re mil., IV, 1.*

⁴ *Блаватский В. Д.* Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг.//ВДИ. 1940. № 3/4. С. 297—298; *Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории//СА. 1983. № 2. С. 58 сл.; *Долгоруков В. С.* Фанагория//Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР. М., 1984. Т. 8. С. 77.

⁵ *Блаватский В. Д.* Подводные раскопки в Фанагории в 1959 г.//СА. 1961. № 1. С. 279.

⁶ *Кобылина М. М.* Фанагория. С. 14.

⁷ *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce Antique. P., 1972. P. 311.

⁸ *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 12. Рис. 1.

⁹ *Марченко И. Д.* О планировке северного района Пантикапея//СА. 1979. № 2. С. 164 сл. Рис. 1.

¹⁰ По мнению Л. В. Копейкиной, Ольвия первой половины VI в. до н. э. занимала южную часть верхнего плато, причем ее северная граница доходила до линии раскопа Е=8 (см.: *Копейкина Л. В.* Итоги исследования архаиче-

ской Ольвии//ХКААМ. М., 1976. С. 140). Аналогичная точка зрения высказана С. Д. Крыжицким и А. С. Русяевой (см.: *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії//Археологія. 1978. № 28. С. 22; *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги работ Ольвийской экспедиции//КСИА. 1979. Вып. 159. С. 9 сл.). В последней работе С. Д. Крыжицкий приходит к выводу о невозможности установления границ в момент первого заселения, которое он относит к середине VI в. до н. э. и отказывается от высказанной ранее мысли о росте города с южной части Верхнего города. См.: *Крыжицкий С. Д.* Ольвия: Историческое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 62.

¹¹ *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. С. 62, 87; *Книпович Т. Н.* Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища//СА. 1940. № 6. С. 92—104.

¹² *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. С. 63 сл., 88.

¹³ *Долгоруков В. С.* Отчеты о раскопках в Фанагории в 1985 г.//Архив ИА. Р-1. № 11165. С. 109.

¹⁴ *Кругликова И. Т.* Раскопки древнего Киммерика//Археология и история Боспора. Симферополь. 1952. С. 62 сл. Рис. 2.

¹⁵ *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг.//Тр. ГИМ. М., 1941. Т. 16. С. 5 сл.; *Он же.* Рас-

- копки Фанагории в 1938—1939 гг. С. 297; *Кобылина М. М.* Фанагория. С. 18.
- ¹⁶ *Блаватский В. Д.* Отчет... С. 5 сл.
- ¹⁷ *Яйленко В. П.* Архаическая Греция// *Античная Греция.* М., 1983. Т. 1. С. 133.
- ¹⁸ *Herod.*, IV, 159.
- ¹⁹ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 61 сл.
- ²⁰ *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В.* и др. К истории Ольвийской сельской округи// *ИААСП.* Киев, 1980. С. 3—7; *Крыжицкий С. Д., Ольвия.* С. 67; *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса// *Ольвия и ее округа.* Киев, 1986. С. 8.
- ²¹ *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 140.
- ²² *Herod.*, V, 98—126.
- ²³ *Herod.*, VI, 22.
- ²⁴ *Ibid.* 32.
- ²⁵ *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 103.
- ²⁶ *Зеест И. Б.* Керамическая гара Боспора. М., 1960. С. 70.
- ²⁷ *Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б.* Описание терракот из Ольвии// *Терракоты Северного Причерноморья.* САИ. М., 1970. Вып. ГІ—ІІ. С. 51. Табл. 29, 7; *Наливкина М. А.* Статуэтки из Керкениды// *Там же.* С. 67. Табл. 4, 4.
- ²⁸ *Higgins R. A.* Greek Terracottas. L., 1967. P. 62. Tabl. 24, e.
- ²⁹ *Зограф А. Н.* Античные монеты// *МИА.* 1951. № 19. С. 164.
- ³⁰ *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956. С. 17.
- ³¹ *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 24—27.
- ³² *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 12.
- ³³ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье// *Античная Греция.* М., 1983. Т. 1. С. 394 с.
- ³⁴ *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор// *МИА.* 1954. № 33. С. 38—39.
- ³⁵ *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 20 сл.
- ³⁶ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 398.
- ³⁷ *Arist., Polit.*, V, 2, 10; 4, 1—6.

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

ДРЕВНЕЙШИЙ ПРЕДМЕТ ЭТРУССКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ПАНТИКАПЕЯ

В 1949 г. при раскопках на горе Митридат в смешанном слое первых веков нашей эры был найден обломок бронзового предмета с вырезанной на нем надписью (рис. 1, 1, 2)¹. В. Д. Блаватский восстановил надпись: Σῶν Ἀρτεμιδῆ Ἐφέσῃ — «Сон посвятил Артемиде», датировал ее по шрифту V в. до н. э. и предположительно определил бронзовый предмет как фрагмент ножки треножника². И. Д. Марченко согласилась с определением предмета, данным В. Д. Блаватским, назвав его частью бронзового ажурного изделия, скорее всего ножки треножника³. Такая же интерпретация была дана и в каталоге памятников античного искусства ГМИИ им. А. С. Пушкина, авторы которого датировали предмет концом VI — началом V в. до н. э.⁴ Н. П. Розанова, посвятившая пантикапейской находке специальную публикацию, определила ее как «орнаментированную ручку или рукоятку, заканчивающуюся как бы двумя листиками или петельками удлиненной формы; у нижнего из этих листиков нижний край обломан», отметив, что назначение предмета не вполне ясно. Исходя из особенностей шрифта, она датировала надпись VI в. до н. э., восстанавливая ее иначе, чем В. Д. Блаватский: Σῶν (ἀνέθηκεν) Ἀρτέμι Ἐφέσῃ «Сон посвятил Артемиде Эфесской», и высказывая предположение, что на акрополе Пантикапея стоял храм Артемиды Эфесской⁵. Чтение Н. П. Розановой вызвало критику В. Д. Блаватского, отстаивавшего первоначальное чтение и датировку⁶. Дж. Бордман, отметивший в своем обзоре статью Н. П. Розановой, согласился с датировкой Пантикапейской находки «необычного бронзового фрагмента с посвящением Артемиде Эфесской конца VI в. до н. э.»⁷. Это сообщение было перепечатано в

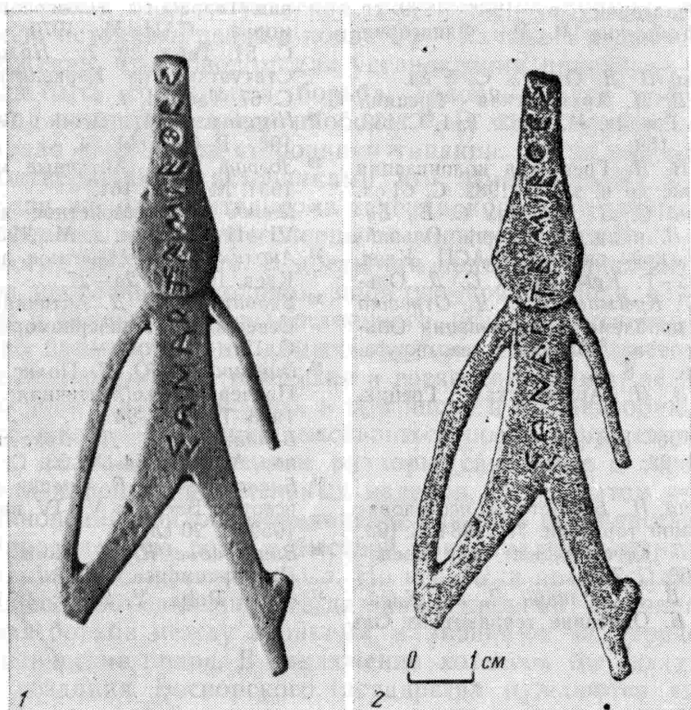

Рис. 1. Фрагмент бронзового этрусского инфундибулума из Пантикапея

1 — фото; 2 — прорисовка (натуральная величина)

«Bulletin épigraphique»⁸. Ю. Г. Виноградов, разбирая древнейшие эпиграфические памятники Пантикапея, вновь обратился к восстановлению и интерпретации надписи на бронзовом предмете, приняв с поправкой чтение Н. П. Розановой: Σῶν Ἀρτέμι Ἐφεσ[ηίη]. Характер шрифта позволил автору уверенно датировать надпись временем не позднее третьей четверти VI в. до н. э., ближе к середине столетия. Он считает также, что «имя Σῶν по своему образованию следует отнести к ионийским, а его этимология хорошо согласуется с зажиточностью дедиканта, посвятившего дорогой бронзовый треножник (?) в святилище Артемиды Эфесской»⁹. Наконец, Н. Эрхардт, знакомый с находкой по зарубежным публикациям, упомянул о ней в своей монографии, относя к VI в. до н. э.¹⁰

Нельзя не заметить, что если эпиграфическая сторона изучения памятника разработана достаточно полно и подробно, то сама бронзовая ажурная пластина, на которой была вырезана надпись, оставалась несколько в тени: принадлежность ее треножнику никак не была аргументирована.

Поиск аналогий публикуемому предмету явился сложной задачей как ввиду фрагментарности находки, так и потому, что пластина составляла часть сосуда, пожалуй, одной из самых редко встречающихся категорий — инфундибулума, или ситечка-цедилки этрусского производства. Этот вид этрусских металлических сосудов исследован довольно полно¹¹. В обобщающей публикации М. Зуффа учтены 33 находки, рассмотрены вопросы хронологии, типологии, географического распространения сосудов, их назначения. Эти сосуды предназначались для процеживания жидкостей, вероятно прежде всего вина: к длинной горизонтальной ручке с бронзовым вместилищем конической формы присоединялось подвижно закрепленное ситечко. Решая вопрос, употреблялись ли инфундибулумы только в повседневной практике, М. Зуффа отмечает, что они могли находить применение и в ритуальных обрядах. Редкость их находок и тот факт, что большинство ситечек-цедилок было обнаружено в бо-

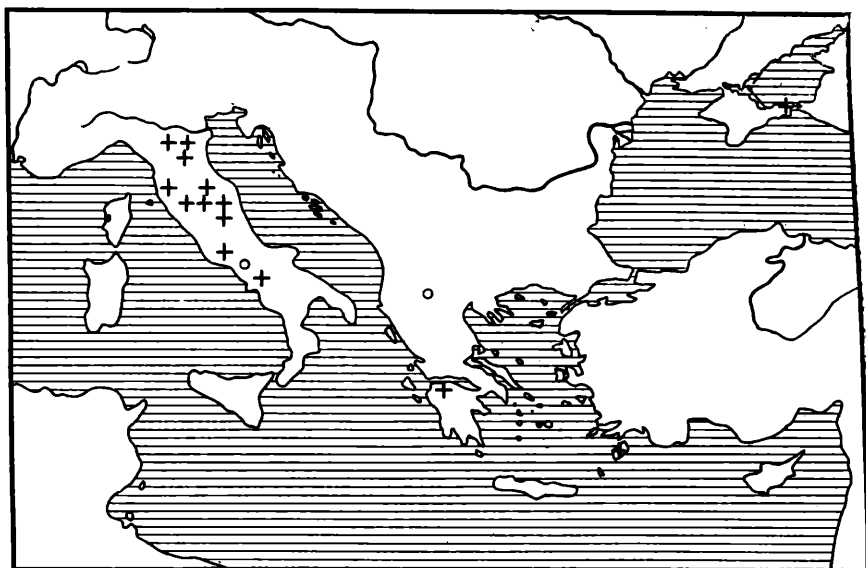

Рис. 2. Карта, показывающая распространение этрусских бронзовых инфундибулумов в Средиземноморье (по М. Зуффа)

+ — с лировидной ручкой; O — с ручкой, украшенной пальметтой

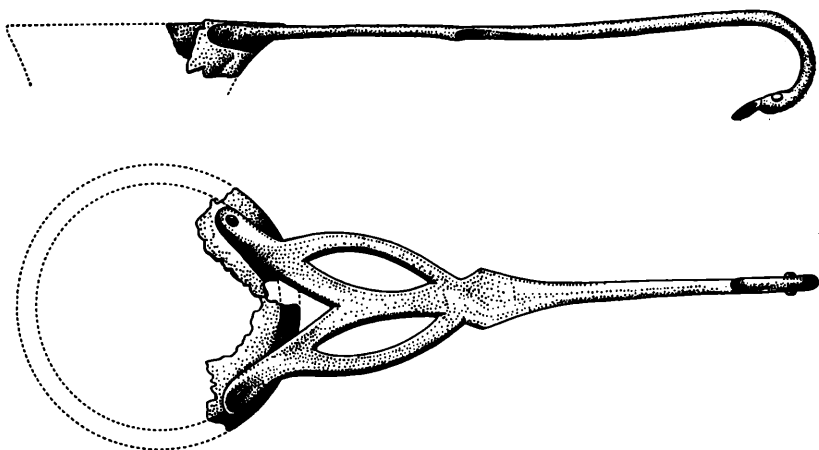

Рис. 3. Фрагментированный этрусский бронзовый инфундибулум из Гаттара

гатых погребениях, по мнению автора, свидетельствуют о том, что эта категория сосудов была принадлежностью аристократии. Рассматриваемые изделия изготавливались в этрусских мастерских с середины VI по V в. до н. э.¹²

Географическое распределение находок ситечек-цедилок, учтенных М. Зуффа (помимо них известны еще два аналогичных предмета: сосуд из частного собрания, проданный в 1975 г. на Базельском аукционе¹³, и находка в раннекельтском погребении на Севере Италии¹⁴), показано на составленной им карте (рис. 2)¹⁵. Большинство их происходит из Северной Италии (в тех случаях, когда происхождение известно точно, они встречены в погребениях). Среди находок за пределами Италии М. Зуффа учтены ситечки-цедилки из Олимпии (2 экз.)¹⁶ и акрополя Линда на Родосе¹⁷. В таких случаях, по мнению автора, находки за пределами Италии являются этрусским импортом¹⁸.

По деталям украшения ручки ситечек-цедилок были разделены М. Зуффа на два типа: лировидные (27 экз.) и украшенные пальметтой (6 экз.). Фрагмент ручки инфундибулума из Пантикапея, как и другие

находки, сделанные за пределами Италии, относится к первому, более древнему типу, причем представляет его самый упрощенный вариант, лишенный функционально неоправданных завитков. Наибольшую близость находке из Пантикапея обнаруживает уже упомянутый экземпляр из раннекельтского погребения в Гаттара в долине р. По на Севере Италии (рис. 3), которое датируется концом VI в. до н. э. по аттическому чернофигурному килику с «глазами» и изображением воинов. Несомненно, что предметы из Гаттара и Пантикапея были сделаны в одной мастерской.

Этрусский импорт в Северном Причерноморье хорошо документирован. Известна довольно большая группа металлических изделий и резных камней V—III вв. до н. э., найденных как в античных городах северного берега Понта, так и в скифских курганах Приднепровья, в Семибратних курганах, в кладе, обнаруженном у с. Песчаное, а также в кельтском и сарматских погребениях Причерноморья и Волго-Донских степей¹⁹. Древнейшие этрусские изделия в Северном Причерноморье датируются 480—470 гг. до н. э.²⁰ (к сожалению, нет точной датировки шлема из ст. Даховской на Кубани, недавно атрибутированного М. В. Гореликом как этрусское изделие второй половины VI — первой половины V в. до н. э.²¹). Таким образом, фрагмент ручки инфундибулума из Пантикапея, относящийся, вероятно всего, к началу третьей четверти VI в. до н. э., является самым древним предметом этрусского производства в Северном Причерноморье.

Небезынтересно решить вопрос о том, как столь древний для Северного Причерноморья этрусский предмет оказался в Пантикапее. Поскольку пока здесь неизвестны ни этрусские металлические изделия, ни находки этрусской керамики этого времени, будет логично исключить возможность проникновения публикуемого предмета непосредственно из Этрурии²². М. Гра, проанализировавший распространение этрусского импорта в Восточном Средиземноморье, отмечает, что он проникал на север через центральную часть Эгейского моря и проливы (реперами являются находки буккеры в Даскилейоне недалеко от Кизика и в Истрии), однако говорить о проникновении этрусов в Северное Причерноморье преждевременно²³. Таким образом, представляется необходимым рассмотреть: 1) пути распространения этрусских изделий в Восточном Средиземноморье, прежде всего в Малой Азии; 2) контакты Малой Азии и Этрурии в период третьей четверти VI в. до н. э., предположив, что бронзовый этрусский инфундибулум попал на Боспор с одним из колонистов, выходцев из Малой Азии.

М. Гра отметил распространение этрусской керамики (буккеры) на о-вах Керкира, Итака, Наксос, Делос, Хиос, Родос, в материковой Греции, Малой Азии (Смирна, Даскилейон), в Сирии, Ливане, а также в Истрии на Западном Понте. В частности, в Смирне был найден этрусский канфар буккеры середины VI в. до н. э.; а по сообщению Э. Акургала, там же было найдено еще два этрусских канфара²⁴. К этому списку Ж.-П. Морель смог добавить несколько новых фрагментов из Навкратиса и с о-ва Кипр²⁵. Кроме керамики, в материковой Греции, на о-вах Самосе и Родосе был найден ряд этрусских бронзовых изделий, включая упомянутые выше ситечки-цедилки²⁶; на Кипре и Родосе обнаружены изделия из слоновой кости того же происхождения²⁷.

Контакты Малой Азии, в частности Ионии, с Этрурией засвидетельствованы и другими находками. Так, около 540 г. до н. э. в Этрурии работали выходцы из Северной Ионии, расписывавшие так называемые нортампонские амфоры, церетанские гидрии, кампанские диносы, сосуды класса Энманна, и предположительно аски Ханенко²⁸. Хотя кораблекрушение у мыса Антиб свидетельствует о том, что этрусские товары перевозились с мысами этрусками, их контакты с фокейцами могли осуществляться как через Грависку, порт этрусских Тарквиний, так и фокейскую колонию Алалию на о-ве Корсика, основанную около 565 г. до н. э.²⁹. Вопреки сомнениям Р. Кука и Ж.-П. Мореля относительно гипотезы М. Мартелли о присутствии фокейцев в Этрурии³⁰ показательна находка на о-ве

Лемносе надгробия фокейца второй половины VI в. до н. э. с этрусской надписью³¹.

Благодаря засвидетельствованным контактам Этрурии с Северной Ионией уточним, через какой малоазиатский центр этрусский бронзовый инфундибулум мог попасть в Пантикапей. Н. Эрхардт, отмечая наличие культа Артемиды Эфесской в Пантикапее на основании находки вотива Сона, считает, что вопрос о том, сами ли милетцы перенесли этот культ на берега Боспора Киммерийского, или это сделали эфесцы, которые, как известно, не основывали собственных колоний, остается открытым. Автор полагает, что так как при основании других колоний Милета культ Артемиды Эфесской не переносился, гипотеза о том, что это было сделано эфесцами, представляется вполне допустимой³². Кстати, мнение о том, что в милетской колонизации участвовали не только милетцы, но и жители других городов Ионии, высказывалось неоднократно³³.

Выдвинутое Н. Эрхардтом предположение о переносе культа Артемиды Эфесской в Пантикапей переселенцами из Эфеса может быть подкреплено следующими аргументами.

В. Фойхтлендер, выполнивший статистические исследования экспорта восточноионийской керамики в VI в. до н. э. на материале 450 ваз из различных центров Средиземноморья и Причерноморья, пришел к выводу, что около 50% всех vaz вышли из мастерских Хиоса и Северной Ионии (практически поровну), тогда как продукция Самоса составила чуть более 18%, а Милета — менее 14%³⁴. Лабораторное изучение П. Дюпонном архаической восточноионийской керамики позволило локализовать выделенную Р. Куком большую группу vaz «стиля диких козлов» как сделанную в североионийских мастерских. Эта керамика была широко распространена, в том числе и в Северном Причерноморье³⁵.

Недавние исследования Н. А. Сидоровой материалов раскопок Пантикапея двух последних десятилетий показали, что среди архаической керамики, особенно третьей четверти VI в. до н. э., преобладают изделия североионийских мастерских³⁶. Интересно, что в Пантикапее, как и на Березани, были найдены фрагменты керамики, отнесенные Л. В. Копейкиной к той пока точно не локализованной североионийской мастерской, из которой вышел мастер нортамптонских амфор³⁷. Чрезвычайно широкое распространение клазоменских амфор как в Истрии, так и в Северном Причерноморье отмечает П. Дюпон³⁸.

Наконец, при раскопках в начале столетия храма Артемиды в Эфесе британскими археологами был найден фрагмент бронзового предмета, определенный Д. Хогартом как крючок с диском в форме ложки³⁹. Несомненно, что это фрагмент ситечка-цедилки или ситечка типа, найденного в Пантикапее⁴⁰.

Таким образом, датировка фрагмента бронзового инфундибулума из Пантикапея на основании анализа формы предмета и по эпиграфическим соображениям (датировка Ю. Г. Виноградова) соответствует периоду контактов Этрурии с Северной Ионией, которые имели место около 540 г. до н. э., а находка фрагмента этрусского инфундибулума или ситечка в храме Артемиды в Эфесе позволяет с большой долей вероятности высказать гипотезу о поступлении последнего в Пантикапей через Эфес. Многочисленные находки североионийской керамики в Пантикапее позволяют присоединиться к гипотезе, высказанной Н. Эрхардтом. Учитывая редкость инфундибулумов, особенно за пределами Италии, можно предполагать, что рассматриваемый экземпляр попал на Боспор не в результате торговли, а как личная вещь одного из переселенцев. Вероятно, что около 540 г. до н. э. в Пантикапей прибыла группа колонистов из Эфеса и ее предводитель посвятил в уже существовавшее святилище Артемиды Эфесской (не исключено, что эфесцы были и среди первопоселенцев Пантикапея) или, скорее всего, в построенное ими святилище бронзовое ситечко-цедилку, привезенное из далекой Этрурии.

Постановка вопроса о второй (североионийской) волне колонизации на Боспоре кажется тем более правомерной, что очевидно сходство с:

процессом, который, судя по недавней публикации А. С. Русяевой, происходил в Нижнем Побужье. Здесь, как свидетельствуют новые эпиграфические находки, во второй половине VI в. до н. э. появилось большое число новых колонистов, которые принесли с собой культ Аполлона Дельфиния. По мнению автора, не исключено, что предводителем новой колонизационной партии, отправка которой была вызвана политическими неурядицами в результате установления персидского протектората над Ионией в 546 г. и заключения Милетом союза с Киром, был бывший жрец Дельфиниона. С новой волной колонизации связывает А. С. Русяева передел земли в Ольвии в конце третьей четверти VI в. до н. э., когда поблизости от раннего святилища Аполлона Врача появились полужемлячные хозяйственно-жилые комплексы и возник второй теменос с культом Аполлона Дельфиния⁴¹.

Вероятно, масштабы разрушения городов Ионии в 546 г. в результате персидского завоевания были большими, чем их представляли до недавнего времени⁴². В последние годы появилось множество тому археологических подтверждений. Так, слой разрушения времени персидского завоевания обнаружен в Клазоменах⁴³, Сардах⁴⁴ и даже в Милете, заключившем договор с Киром (стратиграфически четко прослеживается слой разрушения третьей четверти VI в. до н. э. во всех траншеях на нижней террасе Калабактепе⁴⁵).

Со второй волной колонизации в Пантикапее можно связывать открытые недавно на Центральном раскопе полужемлянки круглой формы начала третьей четверти VI в. до н. э.⁴⁶ К тому же времени относятся аналогичные сооружения, раскопанные в Мирмекии и Фанагории⁴⁷. Заметим, что вотив Соны был найден на расстоянии не далее 100 м от жилищ начала третьей четверти VI в. до н. э. Возможно, святилище Артемиды Эфесской было расположено неподалеку⁴⁸. О его существовании в Пантикапее в более позднее время свидетельствует находка с надписью о посвящении алтаря Артемиде Эфесской начала IV в. до н. э.⁴⁹

¹ М. 49. ВМ V/9, № 949. ГМИИ. М. 410.

² Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея (1949 г.)//КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 224; Он же. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.//МИА. 1962. № 103. С. 25.

³ Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея//МИА. 1957. № 56. С. 161—162. Рис. 1, 9.

⁴ Античное искусство: Кат. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1963. С. 73.

⁵ Розанова Н. П. Посвятительная надпись Артемиды Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.//ВДИ. 1960. № 3. С. 130—132.

⁶ Блаватский В. Д. Пантикапей: Очерки истории столицы. Боспора. М., 1964. С. 52, 53. Прим. 112.

⁷ Boardman J. Greek Archaeology on the Shores of the Black Sea//Archaeological Reports for 1962—1963. P. 44. Fig. 29.

⁸ Bulletin epigraphique. 1964. N 315.

⁹ Виноградов Ю. Г. Прохус Минниды//ВДИ. 1974. № 4. С. 59—62.

¹⁰ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt a. M. etc., 1983. S. 154.

¹¹ Saglio E. Infundibulum//DS. P., 1900. V. 3, pt 1. P. 516 ff.; Cagnat R., Chapot V. Manuel d'archéologie romaine. P., 1920. V. 2. P. 435; Sauer H. Ein etruskischer Infundibulum in Kopenhagen//AA. B., 1937. S. 285—307.

¹² Zuffa M. Infundibula//SE. 1960. V. 28. P. 165 ff.

¹³ Kunstwerke der Antike: Münzen und Medaillen. A. G. Basel, Auktion 51, 14, 15. März 1975. N 228, Taf. 61.

¹⁴ Bermond-Montanari G. Il problema dei celti in Romagna in relazione agli scavi di S. Martino in Gattara//Alba Regia. Székesfőváros, 1975. T. 14. P. 74. Fig. 11.

¹⁵ Zuffa M. Infundibula. P. 173. Fig 2.

¹⁶ Ibid. P. 180, N 3. Fig. 3.

¹⁷ Ibid. P. 191, N 19. Fig. 5.

¹⁸ Ibid. P. 174. Лишь относительно инфундибулума из Нови-Пазар на Средних Балканах было высказано предположение о том, что он является произведением греко-иллирийского стиля. См.: Mano-Zisi D., Popović L. B. Novi Pazar: Ilirsko-Grčki nalaz. Beograd, 1969. P. 80, 81. Pl. 8, 39; Idem. Der Fund von Novi Pazar (Serbien)//Ber. RGK. 1971. Bd. 50. S. 195. Taf. 56—60; Popović L. B. Archaic Greek Culture in the Middle Balkans. Belgrade, 1975. P. 89. Fig. 18.

¹⁹ Билимович З. А. Этруссские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье//Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 26—36; Она же. Этруссский бронзовый кувшин из IV Семибратнего кургана//Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 84, 85; Невверов О. Я. Этруссские скарабей из Северного Причерноморья//СГЭ. 1975. Вып. 40. С. 38—42; Трейстер М. Ю. Этруссский импорт в Северном Причер-

- номорье и пути его проникновения// Антикная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: (Тез. докл. семинара). Новочеркасск, 1987. С. 3—5; Boucher S. Trajets terrestres du commerce étrusque aux V et IV siècles avant J.-C.//RA. 1973. Fasc. 1. P. 91—96; Raev B. A. Celtic «jockey-cap» helmets in the Don Area. App. VII//Raev B. A. Roman imports in the Lower Don basin. Oxford, 1986. P. 85. 86. (BAR Intern. Ser.; N 278).
- ²⁰ Билимович З. А. Этруссские бронзовые ситечки... С. 29.
- ²¹ Горелик М. В. Шлем из ст. Даховской//ВДИ. 1985. № 2. С. 94—96.
- ²² Борисковская С. П. Этруско-коринфская керамика в собрании Эрмитажа//ТГЭ. 1984. Вып. 24. С. 21. Как сообщила Н. А. Сидорова, при раскопках Пантикапея этрусская керамика не была найдена.
- ²³ Gras M. La piraterie tyrrhénienne en mer Egée, mythe ou réalité.//L'Italie pré-romaine et la Rome republicaine: Mélanges offerts à Jacques Heurgon. Roma, 1976. V. 1. P. 365; Idem. Trafics tyrrhéniens archaïques. Rome, 1985. P. 651—681. (Bibl. écoles fr. Athènes et Rome; Fasc. 258).
- ²⁴ Gras M. La piraterie... P. 344—348; Idem. Trafics... P. 676—679.
- ²⁵ Morel J.-P. Le commerce étrusque en France, en Espagne et en Afrique//L'Etruria Mineraria: Atti del XII Convegno di studi Etruschi e Italici. Firenze, 1981. P. 468, N 15. См. карту распространения этрусского буккера в Средиземноморье: Kimmig W. Die griechische Kolonisation in westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa//JRGZM. 1983. Jg. 30. S. 12. Abb. 6.
- ²⁶ Gras M. Trafics... P. 664—676; Kyrieleis H. Etruskische Bronzen aus dem Heraion von Samos//Ath. Mitt. 1986. Bd. 101. S. 127—136. См. библиографию: Moustaka A. Spätarchaische Weihgaben aus Etrurien in Olympia//AA. 1985. H. 3. S. 353.
- ²⁷ Gras M. Trafics... P. 680—691.
- ²⁸ Boardman J. The Greeks overseas: Their early colonies and trade. L., 1980. P. 203; Martelli-Cristofani M. La ceramique greco-orientale in Etruria//Les céramiques de la Crète de l'Est et leur diffusion en Occident: (Actes di Colloq. intern. du CNRS, N 569). Naples, 1978. P. 171; De la Geniere J. Asie Mineure et Occident//I Focei dall'Anatolia all'Oceano — PdP. Napoli, 1982. Fasc. 204/207. P. 179; Martelli-Cristofani M. Un askos del Museo di Tarquinia e il problema delle presenze nord ioniche in Etruria//Ibid. P. 327—329; Kimmig W. Op. cit. S. 12. См. также библиографию: Gras M. Trafics... P. 733—744.
- ²⁹ Graham A. J. The colonial expansion of Greece//CAN 2. 1982. V. 3. Pt 3. P. 140, 142.
- ³⁰ Morel J.-P. Op. cit. P. 485; I Focei dall'Anatolia... P. 329 (Cook R. M.).
- ³¹ Heurgon J. A propos de l'inscription tyrrhénienne de Lemnos//I Focei dall'Anatolia... P. 189—192. См. библиографию: Morel J.-P. Les phocéens. Données nouvelles//Ibid. P. 491—492.
- ³² Ehrhardt N. Op. cit. S. 155.
- ³³ См., напр.: Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э.//Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985. С. 49—51; Cook R. M. The Eastern Greeks//CAN 2. 1982. V. 3. Pt 3. P. 214.
- ³⁴ Voigtländer W. Zur archaischen Keramik in Milet//Milet 1899—1980: Ergebnisse, Probleme und Perspektiven einer Ausgrabung: Kolloquium, Frankfurt am Main, 1980/Hrsg. W. Müller-Wiener. Tübingen, 1986. S. 43—45. (Ist. Mitt. Beih.; N 31).
- ³⁵ Dupont P. Naturwissenschaftliche Bestimmung der archaischen Keramik Milet//Ibid. S. 64, 67.
- ³⁶ Сидорова Н. А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея//Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 г. М., 1986. С. 19.
- ³⁷ Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике//Из истории Северного Причерноморья... С. 22, 23; Сидорова Н. А. Керамика архаического периода...
- ³⁸ Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est//I Focei dall'Anatolia... P. 199—200.
- ³⁹ Hogarth D. G. Excavations at Ephesus: The Archaic Artemisia. L., 1908. P. 152. Pl. 19, 7.
- ⁴⁰ В настоящее время материалы старых раскопок в Эфесе активно пересматриваются. М. Гра отмечает преобладание находок этрусских изделий, в том числе с греческими посвящениями, при раскопках греческих святилищ, особенно в Олимпии и Дельфах. По его мнению, такие посвящения в греческие святилища могли быть сделаны как этрусскими, так и греками. См.: Gras M. Trafics... P. 695.
- ⁴¹ Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия: Проблемы колонизации Нижнего Побужья//ВДИ. 1986. № 2. С. 51—53.
- ⁴² Boffo L. La conquista persiana delle città greche d'Asia Minore//Atti Accad. naz. Lincei. Cl. sci. morali, stor. e filol. Roma, 1983. Ser. VIII. A. 380. V. 26, fasc. 1.
- ⁴³ Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor//AJA. 1983. V. 87, N 4. P. 440.
- ⁴⁴ Ramage N. H. Two New Attic Caps and the siege of Sardis//AJA. 1986. V. 90, N 4. P. 424.
- ⁴⁵ Mellink M. J. Op. cit. P. 439. Со ссылкой на публикацию проф. В. Мюллер-Винера: Ist. Mitt. 1980. Jg. 30. S. 23—98.
- ⁴⁶ Толстиков В. П. Отчет о раскопках Пантикапея в 1984 г.//Арх. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Л. 4—6; Treister M. Eastern Crimea: Field notes//Archaeol. News. Tallahassee, 1985. V. 14, N 1/4. P. 62—63. В. П. Толстиков датирует хозяйственную яму, прорезавшую полужемлянку I, третьей четвертью VI в. до н. э., определяя время разрушения последней началом третьей четверти

VI в. до н. э., а период ее бытования — первой половиной столетия, однако надо полагать, что полуземлянки типа раскопанной в Пантикапее могли существовать недолго. Аналогичная полуземлянка была открыта в 1986—1987 гг.

⁴⁷ Виноградов Ю. А. Работы Мирмекийского отряда//АО 1984 г. М., 1986. С. 222.

⁴⁸ См.: Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея//ВДИ. 1987. № 1.

С. 90. Прим. 4. С. 106. Автор обращает внимание на тот факт, что на одном участке (Верхнем Митридатском раскопе), помимо публикуемого нами посвящения, было найдено посвящение царя Фарнака Артемиде-Советнице (КБН № 28). Рядом (Новый Верхний Митридатский раскоп) во II в. до н. э.—I в. н. э. существовало святилище Артемиды-Гекаты.

⁴⁹ КБН № 6а.

М. П. АБРАМОВА

ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ВО II—III ВВ. Н. Э.

В сарматское время в западных районах Центрального Предкавказья (Кабардино-Балкария и Пятигорье) обитали оседлые племена, оставившие грунтовые могильники с катакомбным обрядом погребения. Это Нижне-Джудатский и Чегемский в Кабардино-Балкарии; Подкумский, Железноводский и Клинь-Ярский в Пятигорье. Расположенные на границе равнинной и предгорной зон или в самом начале предгорий, они находились в зоне контакта оседлых племен Предкавказья и ираноязычных кочевников равнин. Таким образом, их появление можно связать с процессом оседания кочевых ираноязычных племен, которые смешивались с обитавшими здесь местными племенами. В. И. Абаев писал: «Нет никаких оснований думать, что коренное доиранское население Алании-Осетии было истреблено или вымерло. Гораздо вероятнее, что оно смешалось с пришельцами иранцами и этим смешением и было положено начало современному осетинскому этническому типу»¹. Указанные могильники оставлены именно такой смешанной группой населения.

Как отмечалось, господствующим типом погребальных сооружений здесь были катакомбы. В ранний период (III—I вв. до н. э.), когда эти могильники были известны в основном на территории Кабардино-Балкарии и не были характерны для районов Пятигорья, выделяется группа катакомб, у которых камера расположена по одной оси со входной ямой (тип II по К. Ф. Смирнову). Этот тип сочетается в могильниках Кабардино-Балкарии с катакомбами типов I, III, IV. Одновременно катакомбы типа II встречаются среди впускных курганных погребений Северного Кавказа, локализуясь в основном в Прикубанье², однако известны и в Центральном Предкавказье — в Ставрополье³ и на левом берегу Терека в районе Моздока⁴.

По имеющимся данным, катакомбы типа II доживают на территории Центрального Предкавказья до рубежа нашей эры: они не известны в грунтовых могильниках первых веков нашей эры (курганных погребений того времени в западных районах Центрального Предкавказья не обнаружено). В то время катакомбы типа II становятся характерными для территории Северо-Западного Кавказа, где они являются ведущими среди основных подкурганных катакомбных погребений «Золотого кладбища». Известны они и в синхронных грунтовым курганным могильникам Прикубанья⁵.

В грунтовых могильниках Центрального Предкавказья в первых веках нашей эры бытуют катакомбы двух типов: камера расположена перпендикулярно к длинной оси входной ямы (тип I) и камера параллельна входной яме, отделяясь от нее узким входным отверстием (тип IV). Причем в то время наблюдаются локальные особенности погребального обряда для Кабардино-Балкарии и Пятигорья.

Несмотря на то что в обоих могильниках Кабардино-Балкарии (Нижне-Джугатском и Чегемском) по условиям раскопок типы катакомб не выделялись достаточно четко, можно сказать, что в первых веках нашей эры ведущим здесь становится тип I — к нему относились все катакомбы с восстановленной формой⁶. Последние появляются на территории Кабардино-Балкарии не позже рубежа III—II вв. до н. э.: они известны среди материалов ранней группы Нижне-Джугатского и Чегемского могильников⁷. К. Ф. Смирнов писал, что такой тип катакомб мало характерен для сарматов, поэтому их распространение на Северном Кавказе он объяснял иными причинами — влиянием местных и античных традиций⁸. Новые материалы позволяют говорить, что на территории Северного Кавказа этот тип наиболее характерен для центральных его районов. Впоследствии подобные катакомбы получают широкое распространение в могильниках раннесредневековой аланской культуры. Очевидно, истоки последней надо искать среди материалов сарматского времени этого же района.

В районе Пятигорья наиболее полно исследован пока лишь один могильник сарматского времени — Подкумский, расположенный в окрестностях Кисловодска. В его погребальном обряде преобладают катакомбы типа IV. Своеобразием этого могильника и всего района в целом является наличие двухкамерных катакомб⁹. Подкумский могильник, как и могильники Кабардино-Балкарии, прекращает свое существование во II — начале III в. н. э.

Большую часть составляют погребения I — начала II в., лишь единичные могилы датируются II — началом III в. н. э. Сходная картина наблюдается и на территории Северо-Западного Кавказа: во II — начале III в. н. э. происходит отлив населения равнинной зоны, что особенно хорошо прослеживается на материалах памятников Правобережья Кубани. Н. В. Анфимов писал, что сокращение здесь численности населения связано с наступлением аланских племен¹⁰. Этот вывод правомерен и для территории Центрального Предкавказья: обитавшее здесь оседлое население предгорной зоны в конце II — начале III в. н. э. оставило эти места. В Кабардино-Балкарии грунтовые могильники III—IV вв. н. э., однако они довольно разрозненны. По-видимому, какие-то группы оседлого населения продолжали здесь обитать и в то время. Тем не менее материалы Подкумского могильника (и, по-видимому, полностью разрушенного Железноводского) позволяют говорить о том, что основные массы обитавшего здесь населения также оставили эти земли.

Вопрос о том, куда оно могло переселиться долгое время оставался открытым, так как не имел археологического подтверждения. Однако не вызывал сомнения тот факт, что в период активизации кочевых племен оседлое население могло передвигаться на юг, ближе к горам, в более безопасные районы.

В этой связи и представляет значительный интерес могильник, открытый Х. Х. Биджиевым в 1979 г. в Карачаево-Черкесии, на высоком правом берегу Кубани, в верхнем ее течении¹¹. Могильник расположен на естественном холме, находящемся у подножия цитадели Хумаринского городища. Поселение, открытое Е. П. Алексеевой в 1963—1964 гг., занимало обширную территорию, включая и склон цитадели. Общая дата его существования — VIII—VI вв. до н. э. Участок, находящийся на холме и использованный позже под могильник, справедливо датирован Е. П. Алексеевой VI в. до н. э.¹²

На могильнике близ Хумаринского городища исследовано 42 погребения, четыре из них — Х. Х. Биджиевым в 1979 г. (среди них одна двухкамерная могила), 38 — экспедицией ИА под руководством автора в 1983—1985 гг. (из них девять двухкамерных). Памятник имеет значительное сходство с Подкумским могильником, расположенным в окрестностях Кисловодска, т. е. в более северных предгорных районах. В погребальном обряде последнего есть черты, не характерные для по-

добных могильников более восточных районов — территории Кабардино-Балкарии. Это господство катакомб типа IV и подбоев, использование камня для закладов камер и обозначения на поверхности их местоположения, наличие двухкамерных катакомб.

Все эти особенности погребального обряда наблюдаются и при раскопках Хумаринского могильника. Подавляющее большинство могил имели камеры, т. е. являлись подбойными либо катакомбными. В большинстве случаев у этих могил камера была расположена параллельно входной яме (рис. 1, 1—4). Поскольку могилы имели не очень большую глубину, своды камер и входных отверстий часто были обвалившимися, поэтому установить с определенностью, к какому типу относятся могилы (подбой или катакомба), во многих случаях не удалось. Возможно, что подбойных погребений здесь было больше, чем в могильниках предгорной зоны. Сходство с Подкумским могильником наблюдается и в наличии двухкамерных катакомб (открыто 10). Во всех случаях камеры примыкали к противоположным длинным сторонам входной ямы (рис. 1, 6, 7). Однако двухкамерные катакомбы Подкумского могильника отличаются большим разнообразием. Имеются и другие отличия в устройстве погребений обоих могильников. Погребения Подкумского могильника имели в среднем одинаковую глубину залегания — 1,5—2 м. Погребения Хумаринского могильника значительно варьируют по своей глубине — от 1,20 до 2,50 м от уровня современной поверхности. Более глубокие могилы имеют большую высоту ступени (0,50 м), ведущей в камеру, а также большие размеры самих камер.

С другой стороны, неглубокие могилы, углубленные в материк лишь на 0,10—0,20 м, имеют небольшие размеры, невысокую ступень (перепад уровня дна входной ямы и камеры) и менее четко выраженные камеры, иногда имевшие вид небольшой ниши, устроенной в одной из продольных стен обычной грунтовой ямы (рис. 1, 3, 4). Эти различия в устройстве могил отражают процесс имущественной дифференциации общества, что прослеживается на материалах Хумаринского памятника значительно более четко, чем в Подкумском могильнике.

Неглубокие могилы содержали погребения с невыразительным инвентарем или были вовсе без него. В глубоких могилах с большими камерами были погребены, по-видимому, более состоятельные люди. Все эти погребения были ограблены, только в некоторых из них сохранились мелкие золотые украшения. В шести могилах найдены разрозненные кости скелетов коней, размещавшихся, по-видимому, на дне входной ямы. В могильниках предгорной зоны известны единичные погребения коней, совершенные в особых грунтовых ямах, расположенных рядом с катакомбами. Погребение жеребенка в особой яме обнаружено и в Хумаринском могильнике.

Интересной особенностью Хумаринского могильника является наличие единичных погребений в каменных ящиках или каменных гробницах, стенки которых были сложены из вертикально стоявших плит, дополненных кладкой из камней. Эти последние содержали детские захоронения. Такая особенность находит некоторые параллели в материалах Подкумского могильника, где, помимо катакомб и подбоев, найден ряд грунтовых погребений, которые содержали захоронения детей и подростков. В Хумаринском могильнике представляет интерес погребение 15, где внутри глубокой камеры был устроен каменный ящик из поставленных на ребро массивных плоских камней, перекрытых каменными плитами (рис. 1, 2). Внутри «ящика» было погребение младенца.

Что касается ориентировки могил, то в целом можно говорить о преобладании широтной ориентировки, однако необходимо отметить, что здесь прослеживается значительная связь с рельефом холма, поскольку могилы всегда соответствовали направлению склона, а камеры располагались выше. Раскопки на южном склоне холма всегда выявляют широтно расположенные могильные ямы. Такая же закономерность была прослежена и при раскопках Подкумского могильника.

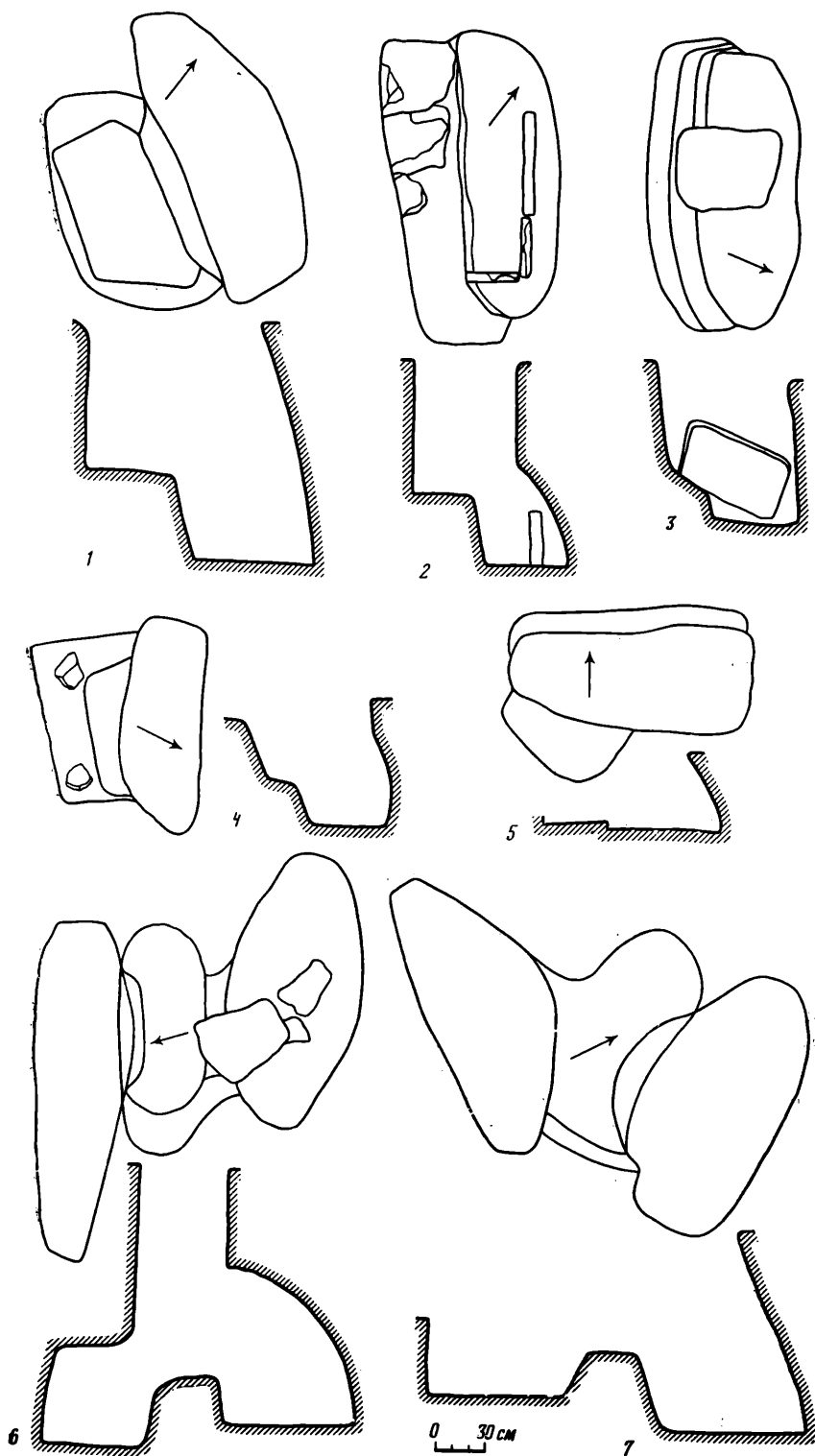

Рис. 1. Планы и разрезы погребений Хумаринского могильника

Последней особенностью погребального обряда Хумаринского могильника является отсутствие в могилах заупокойной пищи, что также находит аналогию в материалах Подкумского могильника. В то время, как в более восточных районах, в могильниках Кабардино-Балкарии, остатки заупокойной пищи характерны для погребений первых веков нашей эры, хотя и не в такой степени, как в ранний период (III—I вв. до н. э.).

Могилы содержали от одного до трех костяков. Парные погребения представляли собой погребения взрослого и ребенка, лишь в одном случае мужчины и женщины; в погребениях с тремя костяками было двое взрослых и ребенок.

Инвентарь сохранившихся погребений довольно однообразен. Это керамика, пряжки, фибулы; среди украшений браслеты с перевязанными концами, височные кольца с сомкнутыми концами, витая бронзовая гривна. Украшения, в том числе и немногочисленные бусы, найдены преимущественно при погребениях детей. Оружия в могилах мало. Лишь в двух погребениях найдено по кинжалу: один с кольцевым навершием и прямым перекрестием, второй без навершия, с бронзовым прямым перекрестием. В погребении 27 найден длинный меч (85 см) без навершия и перекрестия. Фрагменты мечей или кинжалов найдены еще в некоторых могилах. Наконечников стрел в могилах нет.

Наибольший интерес вызывает керамика, рассмотрение которой выявляет значительное сходство с керамикой Подкумского могильника, где среди сосудов разных форм, общих для всей предгорной зоны Центрального Предкавказья, выделяется группа специфичных форм, не характерных для других памятников этой зоны. Это большая серия кружек и среди них группа кружек с ручкой, начинающейся от края сосуда (рис. 2, 2—6). На Хумаринском могильнике подобного типа кружки, имеющие, правда, разные пропорции, являются ведущим типом сосудов (рис. 2, 8—12). В значительно меньшем количестве найдена керамика других форм. В их числе кувшины с ручкой на широкой части тулова (рис. 2, 14, 15). Такие сосуды не характерны для памятников предгорной зоны.

Вся керамика сделана из серой или коричневой глины, часто имеет лощеную поверхность, мало орнаментирована. Выделяется группа сосудов с зооморфными ручками, известными и в памятниках предгорной зоны (рис. 2, 1, 7).

Сходство между поздними материалами Подкумского и Хумаринского могильников прослеживается и при рассмотрении зеркал, пряжек и фибул.

На обоих могильниках обнаружены однотипные зеркала — с центральной петлей и рельефным орнаментом. Эти зеркала можно рассматривать как переходную форму от зеркал-привесок с боковой петлей к раннесредневековым зеркалам с центральной петлей. Они имеют довольно своеобразный орнамент. В настоящее время известно пять таких зеркал: три из них найдены в районе Кисловодска¹³ и два — в Хумаре¹⁴. Они найдены в комплексах конца II — начала III в. В погребениях Хумаринского могильника есть и более поздние зеркала подобной схемы, датируемые III в. (рис. 3, 1, 2). К тому времени, судя по типам пряжек и фибул, относится большая часть погребений указанного памятника.

Среди пряжек преобладают щитковые — с овальным или прямоугольным щитком (рис. 3, 3—12). В некоторых погребениях рядом с пряжками найдены наконечники ремней (рис. 3, 13—17). Наконечники больших размеров обычно находят у пояса, меньших — у голеней. По-видимому, последние относились к ремням обуви. Рядом с ними часто встречаются миниатюрные пряжки.

Найденные в погребениях фибулы представлены главным образом лучковыми подвязными — проволочными одночленными, а в единичных экземплярах и двучленными, а также профилированными с бусиной на головке (рис. 3, 18—23). В большинстве своем они могут быть отнесены к III в. н. э. Одна из подвязных фибул имела на пластинчатой спинке

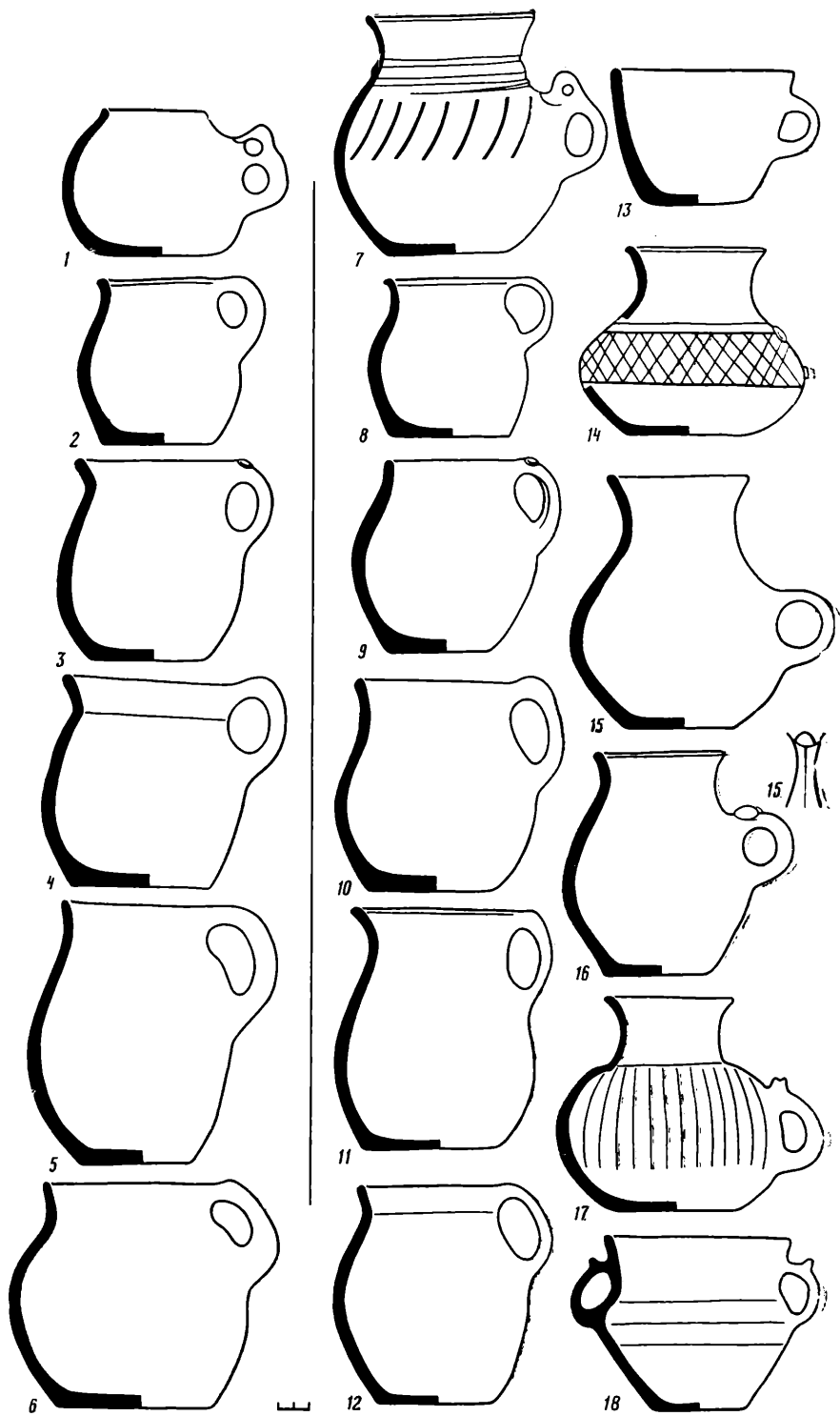

Рис. 2. Керамика Подкумского и Хумаринского могильников.

1—6 — Подкумский могильник; 7—18 — Хумаринский могильник

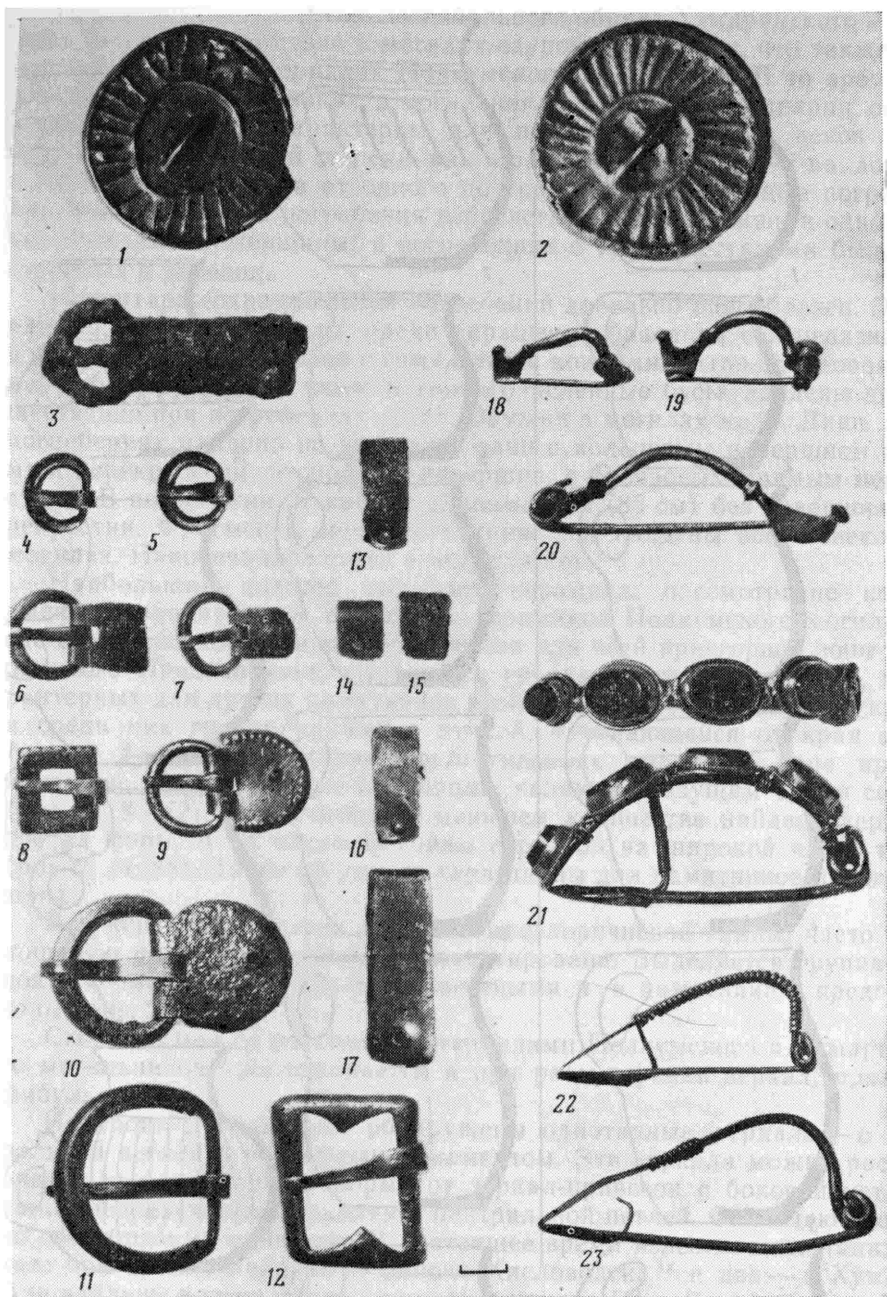

Рис. 3. Инвентарь Хумаринского могильника

1, 2 — зеркала, 3—12 — пряжки, 13—17 — наконечники ремней, 18—23 — фибулы (1, 2, 4—20, 22, 23 — бронза, 3 — железо, 21 — бронза, серебро, сердолик)

четыре серебряных гнезда с сердоликовыми вставками (рис. 3, 21). Фибулы, инкрустированные каменными или стеклянными вставками, помещенными в напаянные гнезда, характерны для позднеантичных и ранне-средневековых могильников Абхазии¹⁵.

Рассмотренные материалы выявляют значительное сходство между Хумаринским и Подкумским могильниками и свидетельствуют о том, что они были оставлены близкими в этническом отношении группами населения. Представляется важным и тот факт, что верхняя дата Подкумского могильника (конец II — начало III в. н. э.) совпадает с нижней датой Хумаринского могильника: его открытые погребения датируются концом

II—III в. н. э. К III в. относятся и ранние слои расположенного рядом Хумаринского городища.

Все это позволяет говорить об отливе оседлого населения Центрального Предкавказья в горы в конце II — начале III в. н. э.

- ¹ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 78, 79.
- ² *Ивантов В. Н.* Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская//КСИА. 1986. Вып. 186. С. 65—68; *Гей О. А.* Погребение сарматского времени у хут. Малаи//Там же. С. 73—76.
- ³ *Кореняко В. А.* Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае//КСИА. 1980. Вып. 162. С. 96—101.
- ⁴ *Виноградов В. Б., Березин Я. Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.—IV в. н. э.//Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 49—52.
- ⁵ *Ждановский А. М.* Исследования курганного могильника у ст. Тбилисской Краснодарского края в 1977 г.//Архив ИА АН СССР. Ф. I. Д. 6293.
- ⁶ *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972. Рис. 8, 7; 9, 12; *Керефов Б. М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени//Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Рис. 19, 10-а; 23; 26, 28.
- ⁷ *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 67.
- Рис. 1, 3; 2; *Керефов Б. М.* Чегемский курган-кладбище. Рис. 11, 12, 17.
- ⁸ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа//СА. 1972. № 1. С. 78—80.
- ⁹ *Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска//История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 62, 63. Рис. 1.
- ¹⁰ *Анфимов Н. В.* Племена Прикубанья в сарматское время//СА. 1958. № 28. С. 71.
- ¹¹ *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983. С. 55, 56.
- ¹² *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 53—55.
- ¹³ *Абрамова М. П.* Предварительные итоги... С. 66. Рис. 2, 30, 33; *Ковалевская В. Б.* О работах Средневекового отряда Ставропольской экспедиции//АО. 1976 г. М., 1977. С. 102, 103.
- ¹⁴ *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Рис. 22, 1; 23; 40.
- ¹⁵ *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия)//СА. 1979. № 1. Рис. 3, 23; *Шамба Г. К.* Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970. С. 49, 50.

Д. И. ДАНЫШИН

ТАНАИТЫ И ТАНАИСЦЫ ВО II—III ВВ. Н. Э.

Предметом данного исследования является проблема этнического состава населения Боспора II—III вв. н. э. Необходимость ее решения диктуется той полиэтничностью, которая во многом обусловила характерную для этого государства специфику культуры его населения и сложность социальной структуры. Однако, несмотря на значимость проблемы, еще существует множество неясных вопросов, в том числе и в отношении населения Танаиса первых веков новой эры.

Приступая к непосредственному изучению вопроса о социальном статусе «танаитов», упоминаемых в танаисских надписях, необходимо учесть существование различных точек зрения.

С. А. Жебелев, например, полагал, что «танаиты» — туземцы и приезжавшие в Танаис не с Боспора греческие и римские купцы, т. е. все неграждане Танаиса, которые постоянно или временно проживали в Танаисе по торговым делам, «эллины» же, которые упоминаются в надписях из этого города, являются танаисскими гражданами¹. В. В. Латышев, наоборот, считал, что «танаиты» — граждане Танаиса, а «эллины» — приезжие купцы². Следует, однако, указать на объяснение этого явления, данное Т. Н. Книпович³ и поддержанное А. И. Болтуновой⁴ и Д. Б. Шеловым⁵, о том, что гражданами Танаиса являлись как «танаиты», так и «эллины», поскольку под термином *Tanaítai* в античные

время понимались жители Танаиса⁶ вообще и сарматское племя нижнего Дона⁷. В этой связи Д. Б. Шелов предложил ввести терминологическое разграничение: для первого случая это «танаисцы», для второго — «танаиты»⁸.

Тем не менее по вопросу о времени появления самостоятельной и равноправной с эллинской городской общины танаитов в III — II вв. до н. э.⁹ возникает ряд возражений.

Во-первых, на материалах некрополя в этом случае должен был довольно четко выделиться такого рода двуэтничный состав городского населения. Однако погребения III в. до н. э. — I в. н. э. не дают необходимой четкости: 1) погребения, более или менее определенно характеризующиеся как варварские, не составляют значительной группы и имеют себе аналогии в большинстве боспорских городов¹⁰; 2) предположение Д. Б. Шелова о резком изменении этнической структуры населения Танаиса в I в. н. э. (после разгрома города Полемоном) не подтвердилось дальнейшими раскопками некрополя¹¹; 3) наконец, в некрополе III в. до н. э. — I в. н. э. значительно преобладают черты эллинского погребального обряда¹².

Во-вторых, античные авторы ничего не сообщают о существовании в Танаисе двух общин, или о греко-варварском составе его гражданского населения. «Эллинским городом» называет его Александр Полигистор¹³. Страбон сообщает о том, что этот город был основан «эллинами, владеющими Боспором»¹⁴. Кроме того, описывая смешанный греко-варварский состав населения Алопекии¹⁵, расположенной недалеко от Танаиса (ныне локализуется исследователями на Елизаветовском городище в устье Дона)¹⁶, он ничего подобного не сообщает о жителях последнего, хотя такой факт был бы ему известен и не ускользнул бы от внимания географа.

В-третьих, для II в. н. э. имеется достаточный ономастический материал. Многие надписи того времени датированы с точностью до года, что дает возможность хронологически более точно проследить различного рода изменения в составе населения Танаиса. Разработкой этого вопроса занимался Д. Б. Шелов. В своих работах 1972 и 1974 гг.¹⁷ ему удалось весьма убедительно доказать факт появления в составе населения Танаиса где-то между 50—80-ми годами II в. н. э. новой и довольно значительной сармато-аланской группы¹⁸ (хотя конкретно отнести эту новую группу населения к какому-либо известному варварскому племени автор не решился). Археологические материалы из раскопок танаисского некрополя служат тому подтверждением. Во II в. н. э. (более точную дату установить не удалось) в могильнике появляется группа погребений, характеризующаяся новыми чертами погребального обряда: северной ориентировкой погребенных, положением кистей рук на таз, иногда перекрещиванием ног в голенях. Все эти особенности характерны для сарматских погребений¹⁹. При этом важны наблюдения М. М. Герасимовой над антропологическим материалом из танаисских погребений. Она связывает с сарматами европеоидный брахицефальный тип с широким, высоким и уплощенным лицом, представленный черепами из могил II—III вв. н. э.²⁰

Не ранее чем ко II в. н. э. относятся и все танаисские погребения с деформированными черепами²¹, которые связываются исследователями с аланскими племенами²². Нарушение морфофизиологических корреляций приводит М. М. Герасимову к выводу о том, что у населения Танаиса того времени сохранилась обособленность пришедшей сарматской группы и что метисация была незначительна²³.

Д. Б. Шелов основное внимание уделил новому населению Танаиса, появившемуся во 2-й пол. II в. н. э. В этой связи следует подробно сравнить ономастикон надписей первой половины II в. н. э. с более поздними надписями. Такого рода анализ показывает, что в начале столетия в надписи 104 г.²⁴, поставленной в честь празднования дня Танаиса, не встречено ни одного сарматского имени (из 33). В надписи 123 г.²⁵ появ-

ляется имя "Αρδαρος, весьма распространенное на Боспоре (особенно в Горгииппи) с первой половины II в. н. э. Д. Б. Шелов полагает, что данное имя восходит к общепричерноморскому или даже к еще более широкому восточносредиземноморскому ономастикону наряду с именами Φαρνάκης и Ἀχαμένης²⁶. Восстановление в этой же надписи сарматского имени Οἰα[ρας] ставится под сомнение и самими издателями КБН (возможно, Οἰα[λέριος]). Первое появление значительной доли имен сарматской группы (до 15,6%)²⁷ прослеживается в надписи 155 г.²⁸ Интересно, что впервые на надписях официального характера начиная с боспорского царя Евпатора (154/5—170/1 гг. н. э.) стали появляться сарматские знаки (тамги царей) и самая ранняя такая надпись датирована 163 г. н. э.²⁹ К 188 г. доля сарматских имен возрастает уже до 23,8%. В то же время в строительных надписях Танаиса впервые появляется упоминание о делении населения города на две общины (эллинов и танаитов). Таким образом, о присутствии в составе населения Танаиса до середины II в. н. э. сколько-нибудь значительной сарматской группы говорить не приходится.

В-четвертых, вызывает возражение точка зрения Т. Н. Книпович, А. И. Болтуновой и Д. Б. Шелова о том, что во II—III вв. н. э. деление на эллинов и танаитов в этническом отношении уже стало условным³⁰. Для этого рассмотрим сначала личные имена, которые имели эллинархи танаисских надписей: ... Δημητρίου (имя не сохранилось), Ρόδων Χαρίτωνος, ... Ἀπολλωνίου (имя не сохранилось), Βασιλείδης Θεοπέχου, Μήνιος Χαρίτωνος, Ρόδων Φαζινάμου, Ψυχάρων Φιδάνοι. Как видим, почти все имена греческие, лишь в двух последних случаях патронимиконы сарматского происхождения. Обратим теперь внимание на имена архонтов танаитов: Βόραστος Βάβου, Χοφάρνος Σανδαρζίου, Νιβλίβωρος Δοσυμοξάρτου, Χοράτος Σανδαρζίου, Βάβος Βαιοράστου, Διδυμόξαρος Χοβαίνου, Σάρακος Δάδα. Кроме имен Βάβος и Δάδας, которые имеют малоазиатское происхождение³¹, все остальные имена относятся к кирано-сарматской группе³². Отсюда следует, что нет никаких оснований говорить об условности деления Танаиса на две (в этническом отношении довольно монолитные) группы: эллинов и танаитов.

Наконец, почти все имена и патронимиконы архонтов танаитов относятся к группе «древнеосетинских», т. е. аланских³³. В этом отношении весьма показателен отрывок, имеющийся в «Истории» Аммиана Марцелина о том, что гунны вторглись «в земли тех аланов, которые обыкновенно называются танаитами»³⁴.

Таким образом, нарративные, археологические, антропологические и эпиграфические источники не дают достаточных оснований говорить о существовании в III в. до н. э.—I в. н. э. в пределах города двух равноправных общин эллинов и танаитов. Эти источники скорее свидетельствуют о появлении деления населения Танаиса на две общины лишь в середине II в. н. э. Однако о причинах появления такого деления судить пока довольно сложно. Видимо, такого рода актом боспорские цари стремились укрепить Танаис как форпост для борьбы с враждебными варварскими племенами, включая другие (подвластные)³⁵ племена в состав граждан полиса (понятие «полис» в отношении Танаиса, конечно, несколько условно), даруя им тем самым относительно равные права наряду с гражданами эллинского происхождения. Недаром именно ко второй половине II — первой половине III в. н. э. относится большинство строительных надписей из Танаиса и происходит укрепление фортификационных сооружений города³⁶ как на средства эллинов, так и танаитов. Любопытно, что ранее подобные работы велись на средства боспорских царей, о чем сообщает строительная надпись Савромата I³⁷. Вероятно, включением танаитов в состав граждан Танаиса боспорские цари (Реметалк или Евпатор) стремились также переключить заботы по обеспечению обороноспособности города на счет его жителей. Последующие события показывают, что целенаправленная экономическая и социальная политика боспорских царей на северо-востоке государства способ-

ствовала проведению активных внешнеполитических действий по отношению к восточным варварским племенам. Об этом свидетельствует известная танаисская надпись (КБН № 1237), датированная 193 г. н. э., где среди прочих внешнеполитических успехов Савромата II говорится о завоевании сирахов (сираков), весьма сильных восточных соседей Боспора.

Двуобщинная система в Танаисе просуществовала вплоть до разрушения этого города в середине III в. н. э. готами, т. е. около столетия. Последующая судьба танаисского населения в специальной литературе считается неизвестной.

Изучая ономастический материал боспорских надписей III в. н. э., следует отметить, что из имен, обозначенных в надписях Пантикапея второй половины III в. н. э. впервые, около половины встречается в эпиграфических памятниках Танаиса (и в основном только Танаиса) более раннего времени (второй половины II и первой половины III в. н. э.). Это следующие имена: Ἀρδάραχος, Ἀρδαρίσχος, Ἀφροδεῖσος, Εἰλιος, Ζάβαργος, Λεῖμανος, Μαρχιανός, Μενάχος, Μόσχας, Οὐστανος, Ραδάμειστος (Ῥαδάμιος, Ῥαδάμασις), Φαδίναμος, Φαδίους, Φιδάνους, Φίδας, Φούρτας, Χόφαρνος.

Таким образом, можно констатировать, что инновации в области ономастической традиции проникли в Пантикапей из Танаиса и не ранее чем в середине III в. н. э. Естественно, что появление новой традиции не может быть случайным и должно быть обусловлено появлением в Пантикапее и самих носителей этой традиции. При этом достаточно вспомнить о разрушении Танаиса готами в середине III в. н. э. и можно с уверенностью сказать, что новые имена в Пантикапее явились следствием переселения сюда по крайней мере части танаисского населения.

Наконец, хотелось бы отметить один любопытный факт. В надписях КБН № 36 (из Пантикапея) и КБН № 1277 (из Танаиса) имеется упоминание, видимо, об одном и том же лице — Λεῖμανος Φίδα, и если в более ранней надписи из Танаиса он фигурировал как простой фиасит, то в надписи из Пантикапея он упоминается уже как политарх. Кроме того, в надписи № 36 упоминается Ἰουῦλιος Χόφαρνος Ἀφροδεῖσιου, жрец, бывший лохаг. Важно отметить, что имена Χόφαρνος и Αφροδεῖσιος встречались ранее только в надписях Танаиса, первое — 4 раза, второе — 2 раза (т. е. последние были характерны в основном для этого города). В надписи же КБН № 1276 (из Танаиса) в качестве одного из рядовых фиаситов упомянут Χόφαρνος Ἀ... (патронимикон на стеле не сохранился). Если обратить внимание на количество недостающих в лакуне букв, то окажется, что их должно быть около 8—10, т. е. примерно столько же, сколько не хватило бы в имени Ἀφροδεῖσος, А имея в виду указанное выше обстоятельство (т. е. миграцию после разрушения Танаиса части его населения в Пантикапей), можно восстановить в надписи КБН № 1276 патронимикон как Ἀ [φροδεῖσιου] и отождествить Ἰουῦλιος Χόφαρνος Ἀφροδεῖσιου надписи № 36 и Χόφαρνος Ἀ [φροδεῖσιου] надписи № 1276 как одно лицо.

Однако некоторое сомнение в отношении отождествления Λεῖμανος Φίδα надписей № 36 и 1277 и Χόφαρνος Ἀφροδεῖσιου надписей № 36 и 1276 может вызвать разница между этими надписями во времени, составляющая 65—70 лет. Но, если допустить, что в конце первого десятилетия III в. н. э. этим лицам было около 20 лет (а именно в то время они фигурируют в надписях в качестве рядовых фиаситов), то возраст 85—90 лет окажется вполне реальным (вспомним, что царь Асандр умер в 93 года, а в надписи КБН № 131 упоминается Μηνόδωρος Ἀλολλωνίου, в 61 год участвовавший в боевых действиях и погибший, пораженный копьем). Тем более следует заметить, что во времена Тейрана Λεῖμανος Φίδα и Ἰουῦλιος Χόφαρνος Ἀφροδεῖσιου за-

нимали уже довольно солидные должности (первый — политарх, второй — жрец, бывший лохар).

Таким образом, миграция в середине III в. н. э. населения Танаиса, значительную часть которого составлял сарматский элемент (танаиты), должна была сказаться и на составе населения Пантикапея во второй половине III в. н. э. Именно к тому времени относится резкое увеличение в надписях Пантикапея доли сарматской (около 13,7%) и иранской (около 5,5%) групп имен (для первой половины III в. н. э. доля имен сарматской группы составляет около 3,9%, иранской — около 2,0%).

Это свидетельствует о том, что только начиная с середины III в. н. э. население столицы Боспорского царства стало испытывать относительно сильное сарматское влияние и говорить о «сарматизации» этого города возможно лишь применительно ко второй половине III в. н. э.

Вполне естественно, что танаисское население могло осесть не только в Пантикапее, но и в других городах европейского Боспора. В этом отношении весьма интересна надпись КБН № 947 из Феодосии, датированная издателями в пределах III в. н. э.

Еще Штерн в 1902 г. писал, что, судя по именам надписи, можно сделать заключение о близких отношениях между религиозными обществами (так как он считал надпись списком членов синода, что В. В. Латышев считал недоказуемым³⁸) Феодосии, Танаиса, Горгииппии и Пантикапея³⁹. Количественный и качественный анализ показывает, что из 64 имен феодосийской надписи 42 имени встречаются в надписях Танаиса. Причем такие имена, как *Ῥαδάμειστος*, *Χρῦσιππος*, *Καρδίους*, *Χωνδίακος* (близкие формы *Οχωνδίακος*, *Χωνδίακος*, *Χωνδόνακος*), встречаются только в Танаисе и Феодосии. Все это подтверждает наличие сильной связи между ономастикомом этих городов.

Кроме того, в феодосийской надписи № 947 имеется несколько имен, которые также появляются впервые и в надписях Пантикапея только во второй половине III в. н. э. и связаны с проникновением в столицу населения из разгромленного готами Танаиса. Таковы имена: *Φίδας*, *Φάδιος* (-*Φαδίους*) и *Ῥαδάμειστος* (близкие формы *Ῥαδάμιος* и *Ῥαδάμασις* в Пантикапее). Это обстоятельство позволяет более узко датировать надпись № 947 второй половиной III в. н. э.

Наконец, интересен тот факт, что на одной из сторон феодосийской стелы А. И. Болтунова выявила остатки надписи [*Βασιλευς* T, вырезанной несколько позднее, чем сам список имен. Автор предположительно восстановила здесь имя T (*ιβέριος*?). Однако в боспорской эпиграфике не засвидетельствовано ни одного случая, когда после слова *βασιλευς* в *nom-inativus singularis* употреблялись бы *praenomen* и *nomen* *Τιβέριος* *Ἰουλίος*) боспорских царей. Если же рассмотреть порядок написания этих имен, то он окажется следующим *Τιβέριος* *Ἰουλίος* *βασιλευς* *Σαυρομάτης* (КБН № 52, 63, 955, 1254, 1045), *Τιβέριος* *Ἰουλίος* *βασιλευς* *Ροιμηταλικης* (КБН № 47), *Τιβέριος* *Ἰουλίος* *βασιλευς* *Ῥησκόπορις* (КБН № 56), т. е. как видим, *praenomen* и *nomen* ставятся всегда перед словом *βασιλευς* и затем уже собственное имя царя в качестве *cognomen*. Таким образом, в данной надписи вероятнее предположить восстановление [*Τιβέριος* *Ἰουλίος* *βασιλευς* T (*εἰράνης*)], не исключено, что *praenomen* и *nomen* здесь могли быть написаны в аббревиатуре (см. КБН № 34 и 42). Ко времени Тейрана, который, судя по данным нумизматики, правил в 266/7, 275/6—278/9 гг. н. э.⁴⁰, относится также и надпись КБН № 36 из Пантикапея.

Итак, учитывая все изложенные выше соображения, вполне возможно более узко датировать надпись КБН № 947 второй половиной (или даже третьей четвертью) III в. н. э. Кроме того, можно говорить и о переселении некоторой части жителей Танаиса, кроме Пантикапея, еще и в район Феодосии.

На тесную связь ономастикона Феодосии и Горгииппии указывают, кроме Штерна, и издатели КБН и даже высказывают (правда, в самой гипотетичной форме) мысль о том, что надпись № 947, вероятно, попала

в Феодосию из Горгиппии, хотя тут же делают ссылку на В. В. Латышева, считающего, что это предположение не имеет под собой твердой основы. Действительно, из 64 имен феодосийской надписи 33 имени встречаются в надписях Горгиппии, причем такие имена, как *Αθηρόδωρος*, *Νουμήριος*, *Παλιὰς*, *Πάλλος*, *Πόθος*, *Φαρνακίων*, особенно характерны для ономастикона этого города. Кроме того, имя *Ποτρυόης* встречается только в надписях Горгиппии и Феодосии. С другой стороны, нет никаких оснований считать эту надпись горгиппийской, поскольку здесь встречается и ряд имен совершенно не характерных для Горгиппии, да и сама надпись, как видно из вышесказанного, должна быть, датирована второй половиной (или третьей четвертью) III в. н. э., в то время как античная Горгиппия прекратила свое существование уже в середине III в. н. э. после разрушительного набега варварских племен (возможно, готов). Близость ономастикона этих двух городов может быть объяснена переселением из Горгиппии (после разгрома города) части граждан в Феодосию.

Таким образом, тревожные события середины III в. н. э. вызвали значительные миграции людей в пределах Боспорского государства, что в свою очередь, отразилось на этнической структуре населения уцелевших от готского разгрома городов. При этом основное направление миграций происходит из районов нижнего Дона и Горгиппии в города европейского Боспора.

- 1 *Жебелев С. А.* Боспорские этюды. III. Был ли Танаис разрушен Полемоном?// ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 104. С. 43.
- 2 *Латышев В. В.* *Почтика*. СПб., 1909. С. 128.
- 3 *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949. С. 101.
- 4 *Болтунова А. И.* Был ли Танаис разрушен Полемоном?//ВДИ. 1969. № 2. С. 58.
- 5 *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. С. 216; *Он же.* Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 239.
- 6 *Steph. Byz.*, s. v. *Τάναϊς*.
- 7 КБН № 39, 40; *Ptol.* III, 5, 10; *Plin.*, NH, VI, 25; *Ann. Marc.* XXIX, 3, 1.
- 8 *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. С. 216.
- 9 *Болтунова А. И.* Был ли Танаис... С. 58; *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. С. 215, 219.
- 10 См. описание погребений: *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса. М., 1961; *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
- 11 *Арсеньева Т. М.* Некрополь... С. 149.
- 12 *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса. С. 47—50, 93; *Арсеньева Т. М.* Некрополь... С. 99—106, 149.
- 13 *Steph. Byz.*, s. v. *Τάναϊς*.
- 14 *Strabo.*, VII, 4, 5.
- 15 *Strabo.*, XI, 1, 3.
- 16 *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. С. 72—73.
- 17 *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в первые века... С. 277—278; *Он же.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики//ВДИ. 1974. № 1. С. 80.
- 18 *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы... С. 81—90.
- 19 *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 94; *Граков Б. Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥ-ΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у савроматов//ВДИ. 1947. № 3. С. 105; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. М., 1963. Д1-10. С. 21 сл.
- 20 *Герасимова М. М.* Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса//Древности нижнего Дона. М., 1965. С. 256 сл.
- 21 *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в первые века... С. 60.
- 22 *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв. н. э.//СА. 1982. № 2. С. 43—56.
- 23 *Герасимова М. М.* Антропологическая характеристика... С. 260; *Она же.* К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса//СЭ. 1971. № 4. С. 140.
- 24 КБН № 1259.
- 25 КБН № 1265.
- 26 *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы... С. 90.
- 27 Все статистические подсчеты имен сделаны автором данной статьи.
- 28 КБН № 1260.
- 29 КБН № 1241.
- 30 *Книпович Т. Н.* Танаис... С. 99; *Болтунова А. И.* Был ли Танаис... С. 59; *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. С. 215.
- 31 *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Pr., 1964.
- 32 *Zgusta L.* Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Pr., 1955.
- 33 *Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России//ЖМНП. 1886. Сент. С. 265—267; *Он же.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. III. С. 79; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 147 сл.
- 34 *Ann. Marc.*, XXIX, 3, 1.
- 35 КБН № 39, 40.
- 36 КБН № 1241—1258.
- 37 *Болтунова А. И.* Греческие надписи в донских музеях//НЭ. 1965. V. С. 75—76.
- 38 *IRE.* IV, № 468.
- 39 ЗООИД. Одесса. 1902. Т. 24. С. 29—35.
- 40 *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора: Автореф. дис. ... М., 1986.

ПУБЛИКАЦИИ

Н. Н. ГРАНДМЕЗОН

ПЕРВЫЕ МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА

Начальная чеканка Херсонеса всегда интересовала исследователей. А. Л. Бертье-Делагард¹, А. Н. Зограф² и В. А. Анохин³ считали, что Херсонес начал выпускать свои монеты в 390—370 гг. до н. э. и эти первые серебряные и медные монеты всех номиналов имели одинаковые изображения: на аверсе голова Девы в кекрифале влево, на реверсе рыба, под ней палица Геракла вправо, ниже сокращенное название города — ХЕР.

На двух известных медных монетах этой серии, одна из которых опубликована В. А. Анохиным⁴, вторая из собрания Г. Т. Арутюняна (Москва), имеется сокращенное название города ХЕРΣ, но подлинность этих монет вызывает сомнение.

Ранний выпуск монет подтверждается архаичным изображением головного убора и поворотом головы Девы влево. Почти на всех последующих выпусках херсонесских монет голова Девы повернута вправо.

Если датировка первых монет Херсонеса не вызывает сомнения, то находки ранее неизвестных номиналов заставляют пересмотреть состав этой серии весьма редких монет.

Ранее считалось, что наиболее крупным номиналом серии была уникальная серебряная монета 3,55 г, хранящаяся в Государственном Эрмитаже⁵. А. Н. Зограф⁶ и А. Л. Бертье-Делагард⁷ считали ее драхмой, а В. А. Анохин — тетробо́лом⁸.

Мы публикуем уникальную серебряную монету этой серии весом 7,15 г, диаметром 18 мм (рис. 1, 1), являющуюся дидрахмой. Ее появление подтверждает, что ранее известная монета весом 3,55 г является драхмой. Если же считать последнюю тетробо́лом, то публикуемая монета должна была быть октообо́лом, что совершенно невероятно.

Кроме того, В. А. Анохин, определяя монету весом 3,55 г как тетробо́л, исходит, видимо, из высокого веса тяжелой драхмы персидской системы — около 5,00 г. Следует согласиться с утверждением А. Н. Зографа⁹ о том, что первые херсонесские монеты чеканились по облегченной персидской системе, называемой теперь хиосской (родосской), по которой вес драхмы составляет около 3,88 г.

Следующим номиналом первой серии херсонесских монет является серебряная гемидрахма весом 1,83 г, диаметром 11 мм (рис. 1, 2). В. А. Анохину¹⁰ известны семь таких монет весом от 2,12 до 1,65 г. Описывает такую монету и П. О. Бурачков¹¹. Известны серебряные монеты более мелкого номинала весом 0,49 г. Экземпляр, хранящийся в Британском музее, описан В. А. Анохиным¹². Подобная монета имеется и в нашей коллекции (рис. 1, 3).

Эти мелкие серебряные монеты следует считать оболами, а не гемидра́хами исходя из содержания шести оболов в драхме, как это было принято в тот период в Аттике¹³.

Таким образом, вырисовывается стройная система первых серебряных монет Херсонеса — дидрахма — драхма — гемидрахма — обол.

Медные монеты, относящиеся к первому выпуску, имеют такие же изображения, что и серебряные, и известны нескольких номиналов. Мо-

Рис. 1. Монеты из Херсонеса (1—8) и Ольвии (9)

1 — дидрахма; 2 — гемидрахма; 3 — обол; 4 — халк; 5 — дилептон; 6, 7 — лепта; 8 — обол; 9 — халк (предположительно)

нета весом 3,65 г, диаметром 16 мм (рис. 1, 4), как и опубликованная В. А. Анохиным¹⁴ весом 3,94 г, диаметром 16 мм, является халком. В нашей коллекции имеется монета этого же типа весом 0,65 г и диаметром 18 мм (рис. 1, 5).

В. А. Анохин опубликовал¹⁵ подобные монеты весом 0,72 и 0,65 г, диаметром 15 мм, которые он считает лептами — наименьшими монетами серии. Это заставляет предположить, что указанные монеты являются не лептами, а дилептонами, а монеты весом 0,26 и 0,37 г — лептами (рис. 1, 6, 7). Таким образом, медные монеты первого выпуска составляют серию — халк — дилептон — лепта.

Мы публикуем здесь еще одну ранее неописанную медную монету, имеющую на аверсе мужскую голову вправо и на реверсе палицу Геракла, под ней сокращенное название города ХЕР, под палицей дифферент ΑΠΟΛΛΑ, весом 5,95 г и диаметром 18 мм (рис. 1, 8).

С таким дифферентом ранее были известны серебряные тридрахмы, имеющие на аверсе голову Геракла вправо и ниже палицу, а на реверсе Деву, сидящую на троне влево, справа от нее сокращенное название города ХЕР, слева дифферент ΑΠΟΛΛΑ, датируемые В. А. Анохиным 250—230 гг. до н. э.¹⁶ Исходя из изображений и дифферентов публикуемую медную монету следует считать мелким номиналом этой серии, предположительно обол.

Публикуется неизвестная ранее ольвийская монета (рис. 1, 9), на аверсе которой дельфин вправо, под ним неразборчивая надпись, на реверсе горит, под ним секира, по кругу надпись Ο — Λ — ΒΙΟ, вес 1,37 г, диаметр 15 мм.

Так как изображение горита и секиры идентично изображению на «борисфенах», можно предполагать, что эта уникальная монета является попыткой выпустить мелкий номинал для обращения одновременно с «борисфенами».

П. О. Карышковский¹⁷ считал «борисфены» оболлами, которые по весу деградировали от 12,05 до 6,20 г за период 330—250 гг. до н. э. Предположительно публикуемую монету следует считать халком. Все изображенные монеты из собрания автора.

¹ Бертье-Делагард А. Л. Нумизматический сборник. М., 1913. II. С. 67.

² Зограф А. Н. Античные монеты//МИА. 1951. № 16. С. 146, 147.

³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 18, 34, 35, 134.

⁴ Там же. С. 18, 134.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. Табл. 35, 1.

⁷ ЗООИД. Одесса. 1906. Т. 26. С. 222.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело... С. 134.

⁹ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 146, 147.

¹⁰ Анохин В. А. Монетное дело... С. 34.

¹¹Бурачков П. О. Общий каталог. Одесса, 1884. С. 108.

¹²Анохин В. А. Монетное дело... С. 134.

¹³Зограф А. Н. Античные монеты. С. 38.

¹⁴Анохин В. А. Монетное дело... С. 134.

¹⁵Там же. С. 134, № 6, 7.

¹⁶Там же. С. 140, № 98.

¹⁷Карышковский П. О. Ольвийские «борисфены»//НиС. Киев, 1968. Вып. 3. С. 83.

В. Г. ПЕТРЕНКО

СКИФСКИЕ МЕЧИ И КИНЖАЛЫ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

Мечи скифского типа, найденные на территории Прикубанья, вероятно вследствие малочисленности и преобладания случайных находок, не были предметом специального исследования. Исключение представляет знаменитый келермесский меч, подробно проанализированный Е. В. Черненко¹. Меч из Краснодарского могильника был опубликован Н. В. Анфимовым² и два меча упомянуты А. И. Мелюковой из раскопок Н. И. Веселовского в 1913 г. и из Курджипского кургана, но форма их не ясна³. За последние годы в печати появились сведения о находке меча в погребальном комплексе из ст. Старокорсунской⁴ и предварительные сообщения о мечах из Уляпского могильника⁵. Представляется, что на данном этапе главная задача исследования этого вида наступательного оружия Прикубанья заключается в детальном изучении всех предметов категории, одна из групп которых предлагается к рассмотрению.

В Отрадненском народном музее Краснодарского края хранятся шесть скифских мечей и кинжалов*. Один из мечей происходит из разрушенного погребения, обнаруженного в 1980 г. в ст. Подгорной Отрадненского р-на. Скелет не сохранился, известно только, что вокруг были камни. Вместе с мечом найдены бронзовые фибулы, браслет и стеклянная бусина (рис. 1). Меч железный с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем. Навершие имеет вид бруска, немного выступающего за стержень рукояти. Рукоять, овальная в плане, разделена продольными желобками на три части, под навершием ее ширина 2,5 см, в середине и у перекрестья 2 см. Клинок шириной у основания 4,2 см слабо сужается к острию, посередине его проходит треугольное ребро, конец обломан. Длина сохранившейся части 38,7 см, первоначально она должна была быть около 50 см. По классификации А. И. Мелюковой, меч относится ко 2-му типу I отдела (мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем), основное время бытования которого определено ею VI—первой половиной V в. до н. э.⁶ Уже К. Ф. Смирновым было отмечено, что мечи с бабочковидным перекрестьем являются древнейшими в скифском и савроматском мире⁷. Как наиболее архаичные он выделил мечи с бронзовыми рукоятками, через середину которых от клинка через перекрестье и навершие проходит железный штырь. Этим и объясняется воспроизведение данной формы в рукоятках уже железных мечей. Более подробно, с учетом технологии производства, проследил развитие форм рукоятей скифских мечей Б. А. Шрамко⁸. По сочетанию признаков — средней величины брусковидное навершие, трехчленная рукоять, крупное бабочковидное перекрестье и клинок с ребром посередине — публикуемый меч должен датироваться не позже чем VI в. до н. э. Ближайшие аналогии ему имеются среди закавказских и северокавказских мечей конца VII — начала VI в. до н. э. (Кармир-Блур; Самтавро, погребение 212; Каррас, гроб. VIII).

* Приношу глубокую благодарность А. Н. Ложкину за разрешение опубликовать эти находки.

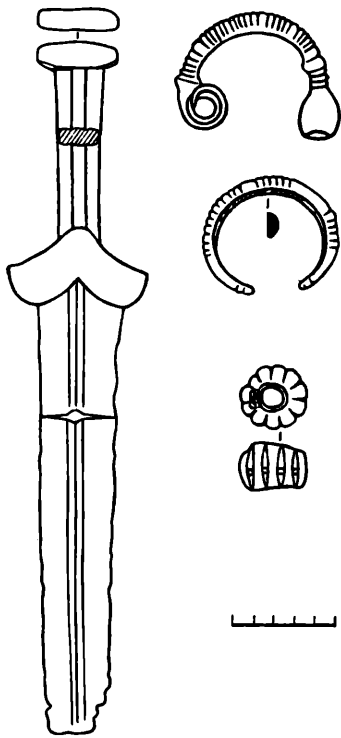

Рис. 1. Вещи из погребения (станция Подгорная)

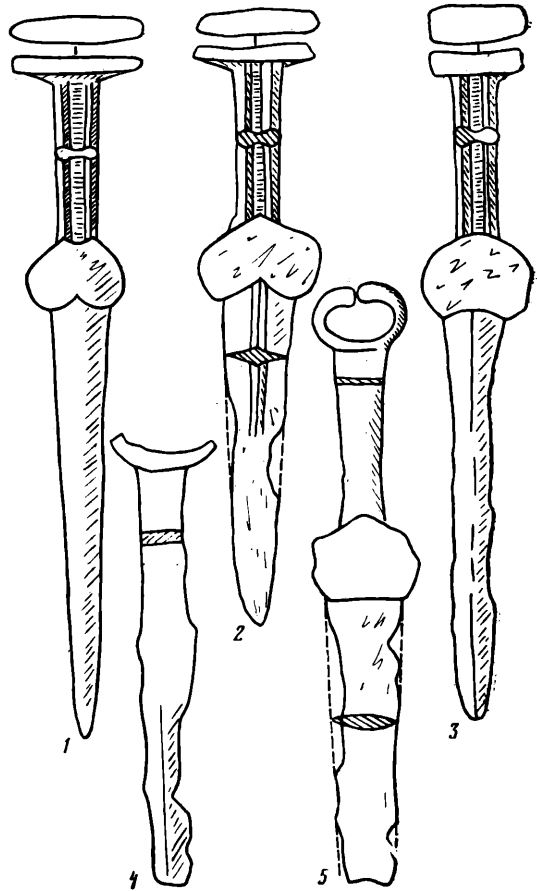

Рис. 2. Мечи из Отрадненского музея

Сопровождающие меч вещи — фибула, браслет и бусина — характерны для кобанской культуры VI—V вв. до н. э.⁹ По-видимому, меч входил в состав инвентаря разрушенного погребения кобанской культуры VI в. до н. э., распространенной и в бассейне Урупа¹⁰. Остальные кинжалы были переданы в Отрадненский народный музей из школьного музея ст. Удобной Отрадненского р-на. По сведениям школьников, оружие происходит из курганов, находившихся около станицы. Всего кинжалов пять (рис. 2). Один из них (рис. 2, 1) имеет равномерно сужающийся книзу, овальный в сечении клинок, узкое брусковидное навершие длиной 6,3 см, рукоять с валиками по краям и сердцевидное перекрестье, особенностью которого является выемка в средней части и два заострения, соответствующие вершинам боковых валиков рукояти. Подобная форма перекрестья не единична.

Аналогичные перекрестья встречены на кинжалах, один из которых случайно найден у совхоза Первомайский Мало-Карачаевского р-на, второй — в могиле 6 могильника Султан-Гора III, где он сопровождался наконечниками стрел второй половины VI в. до н. э.¹¹ Я. Б. Берзин датирует меч с брусковидным навершием и таким же перекрестьем VI в. до н. э. Этот меч происходит из случайно обнаруженного погребения около Лермонтовской скалы под Кисловодском. В его комплексе имеется бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с ромбической формой пера¹². По классификации А. И. Мелюковой, кинжал относится ко 2-му типу I отдела, вариант с сердцевидным перекрестьем¹³. Однако В. Б. Виноградов относит этот вариант к типу мечей с почковидным перекре-

сгьем¹⁴. Это объясняется нечеткостью существующих классификаций. Типологии В. Гинтерса, А. И. Мелюковой, К. Ф. Смирнова создавались на весьма ограниченном материале. Расширение объема источников требует вновь обратиться к классификации мечей, в которой будут учтены все виды наверший, перекрестий, рукояток и клинков, имеющихся на настоящий момент, и определена тенденция развития их форм. В этой связи нельзя согласиться с Е. В. Черненко, предлагающим называть тип меча по наиболее выдающейся находке, а не по формальным признакам¹⁵.

Второй кинжал (рис. 2, 2) — короткий (длина 28 см), относится ко 2-му типу I отдела по А. И. Мелюковой¹⁶. Он имеет широкое бабочковидное перекрестье, короткую рукоять (7,1 см) с валиками по краям и углублением в центре и узкое (0,9 см) брусковидное навершие длиной 6 см. Клинок кинжала равномерно сужается книзу, посередине его проходит овальное в плане высокое ребро. Время бытования кинжалов этого типа определяется в пределах конца VII—VI вв. до н. э.

Третий кинжал (рис. 2, 3) — с брусковидным, более массивным и менее длинным навершием (размеры навершия 1,1×1,8×4,8 см) имеет аналогичную первым двум рукоять, не совсем обычное почковидное перекрестье с подрезанными боковыми гранями и слабой дуговидной выемкой по всей ширине равномерно сужающегося книзу, ромбического в сечении клинка. Подобные перекрестья известны среди ранних скифских мечей как с территории Северного Причерноморья¹⁷, так и Северного Кавказа (Кисловодский музей, Султан-Гора I, погр. 10). Меч с совершенно аналогичным перекрестьем и брусковидным навершием хранится и в Краснодарском музее, что говорит о неслучайности данной формы. Аналогии из Северного Причерноморья (Старшая могила) датируют его VI в. до н. э.

Два меча из ст. Удобной относятся к отделу II, основным признаком является антенное навершие. У первого из них (рис. 2, 4) обломано навершие, утрачено перекрестье и обломан конец, поэтому отнести его к какому-либо типу и датировать невозможно. У второго меча (реконструируемая длина примерно равна 55 см) поврежден клинок и частично перекрестье (рис. 2, 5). Последнее, хотя и попорчено, скорее всего, должно относиться к производным от почковидных, а точнее его можно определить как сердцевидное с прямым основанием. Рукоять кинжала прямая, навершие антенновидное, несколько расширяющееся к плотно сведенным концам. Такая сведенность незагнутых концов не характерна для наверший скифских мечей Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Наиболее близкой аналогией является меч из Елизаветовского могильника, датированный по найденной вместе с ним в одном комплексе хиосской пухлогорлой амфоре серединой V в. до н. э.¹⁸ Но его отличают более узкое перекрестье и разомкнутые концы. Поэтому наш меч может датироваться в пределах общего диапазона для данного типа (1-й тип II отдел)¹⁹ VI — первой половиной V в. до н. э.

Итак, рассмотренные мечи и кинжалы из Отраденского р-на относятся к 1-му и 2-му типам I отдела и 1-му типу II отдела по А. И. Мелюковой и датируются в пределах конца VII — первой половины V в. до н. э. Интересно отметить также, что в рассматриваемом районе восточного Прикубанья встречены раннескифские каменные изваяния, с изображением кинжалов тех же форм, подвешенных к поясу по скифскому обычаю спереди наискось справа налево. На изваянии из ст. Бескорбной изображен меч с брусковидным навершием, рамчатой рукоятью и почковидным перекрестьем²⁰, а на изваянии из хутора Ковалевского — меч в ножнах келермесского типа, имеющий брусковидное навершие и бабочковидное перекрестье²¹.

Приведенная таблица показывает, что в конце VII — начале V в. до н. э. в Прикубанье, как и на всей территории Скифии, бытовали мечи с брусковидными и антенными навершиями, почко- и бабочковидными, а в единичных случаях с прямыми перекрестьями, при этом мечи с

**Распределение мечей и кинжалов из погребений и случайных находок Прикубанья
(классификация А. И. Мелюковой)**

Местонахождение	Отдел I				Отдел II		Подотдел II	
	тип 1	тип 2	тип 4	•	тип 1	тип 2	•	тип 2
Ст. Удобная (Отраденский музей)	2	1		1	1			
Ст. Старокорсунская, комплекс погребения Краснодарский музей	1							
Келермес, курган 1 (1903 г.)	2	2						
С. Ковалевское, на каменном изваянии	1	1						
Ст. Подгорная (Отраденский музей)		1						
Майкопский музей		1						
С. Первомайское (Анапский музей)		1						
Псекупский могильник (Майкопский музей)		1						
Окрестности Новороссийска Армавирский могильник			1		1			
Мостовой могильник погребение 30						1		
Краснодарский могильник Кубань (архив ЛОИА)							1	1
Уляпский могильник		6		1		2		3
Итого	7	14	1	2	2	3	1	4

Знак • обозначает: предметы не классифицированы.

Брусковидными навершиями заметно преобладали над остальными. Встречаются как наиболее ранние формы, в которых сочетается бронзовая рамчатая рукоять с железным клинком (Псекупс), или та же форма, но уже полностью выполненная из железа (ст. Удобная, Краснодарский музей), так и более поздние модификации (Уляпский могильник). На этом развитие формы скифского акинака в Прикубанье прекращается. Его сменяют мечи так называемого синдо-меотского типа, что отличает этот район от центрального и восточного Предкавказья, где и после V в. до н. э. продолжают бытовать мечи скифского типа, а синдо-меотского типа встречаются лишь спорадически. Представляется, что на всей территории Предкавказья в раннескифский период степные племена занимали господствующее положение, диктуя соседним оседлым обществам, которые могли обитать в тех же экологических зонах, что и кочевники, единые формы предметов производства, особенно предметов воинского обихода. После ухода основной массы скифов в степи Северного Причерноморья обстановка в Предкавказье меняется, происходит усиление роли местных племен, что нашло отражение в материальной культуре.

¹ Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи//Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 9. Рис. 3.

² Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху//СА. 1949. № 11. С. 258. Рис. 9.

³ Мелюкова А. И. Вооружение скифов//САИ. М., 1964. Вып. Д 1—4. С. 50—59.

⁴ Аптекарев А. З. Комплекс вещей V века до н. э. из станицы Старокорсунской//СА. 1986. № 4. С. 245. Рис. 1, 1.

⁵ Лесков А. М. Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. С. 74. Ил. 22, 23.

⁶ Мелюкова А. И. Вооружение... С. 50.

⁷ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. С. 10.

⁸ Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения//Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

⁹ Мунчаев Р. М. Луговой могильник//Древности Чечено-Ингушетии. М., 1969.

- ¹⁰ Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры//СА. 1981. № 3.
- ¹¹ Членова Н. Л. Могильник Султан-Гора III под Кисловодском//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 237, 238. Рис. 2, 1, 2.
- ¹² Березин Я. Б. Отчет о раскопках в окрестностях г. Кисловодска в 1982 г.// Архив ИА АН СССР.
- ¹³ Мелюкова А. И. Вооружение... С. 50.
- ¹⁴ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 102.
- ¹⁵ Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи. С. 11.
- ¹⁶ Мелюкова А. И. Вооружение... С. 53.
- ¹⁷ Там же. Табл. 15.
- ¹⁸ Копылов В. П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника//КСИА. 1980. Вып. 162. С. 25. Рис. 1, 2.
- ¹⁹ Мелюкова А. И. Вооружение... С. 53—54.
- ²⁰ Навротский Н. И. Каменное изваяние воина из ст. Бесскорбной//АО, 1970 г. М., 1971. С. 110.
- ²¹ Шульц П. Н. Скифские изваяния//Худо-жественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 222.

Т. М. КУЗНЕЦОВА, М. А. ХОМЧИК

ЗЕРКАЛО ИЗ КУРГАНА В УРОЧИЩЕ ХОЛОДНЫЙ ЯР

Зеркало, обнаруженное в западной могиле кургана 26 в урочище Холодный Яр¹, неоднократно рассматривалось исследователями² и определялось как привозное, греческое по происхождению, относящееся к «аргивско (аргосско)-коринфскому» типу. Описания этого зеркала несколько различаются в деталях, но все авторы рассматривают его как состоящее из диска с коротким отростком, к которому при помощи заклепок прикреплена бронзовая ручка-пластинка, сужающаяся книзу и заканчивающаяся «плоской петлей». Н. А. Онайко считала, что оно происходит из Средиземноморья, так как наличие прямоугольного, нередко рельефного выступа на диске в месте скрепления последнего с ручкой является особенностью «средиземноморских» зеркал³.

Зеркала такого типа датируются VI—V вв. до н. э.⁴ Экземпляр из Холодного Яра Н. А. Онайко отнесла к V—IV вв. до н. э. С. Ф. Покровская — к V в. до н. э.⁵ Однако могильник, где найдено рассматриваемое зеркало, датируется в целом IV в. до н. э.⁶ Очевидно, время бытования зеркал рассматриваемого типа в Северном Причерноморье было почти на 100 лет больше, чем в Греции.

Группа «плоских» или «относительно плоских» зеркал, у которых диск и ручка представляют собой единое целое, а последнее имеет квадратное основание (место прикрепления ручки к диску), удлинённый прямоугольный в средней части ствол и маленький «диск медальона» (плоский кружок) на конце, получила название «аргиво-коринфских» в силу того, что исследователи долго не могли прийти к единому мнению о месте их производства. В настоящее время удалось разделить эти зеркала на аргивские и коринфские⁷. Однако экземпляр Холодного Яра не попал в поле зрения исследователей, видимо, из-за того, что он отличается наличием крепления диска и ручки заклепками.

Сейчас рассматриваемое зеркало хранится в Киевском Государственном историческом музее (инв. № Б 1437), причем ручка отделена от диска. Диск его круглый, плоский, немного деформированный с небольшим отростком, к которому двумя бронзовыми заклепками крепилась плоская же бронзовая ручка, расширяющаяся вверху, сужающаяся книзу и переходящая в плоское кольцо, которое частично утрачено. На диске в месте перехода к ручке трещина, рядом с которой имеются два отверстия, свидетельствующие о починке зеркала в древности. Край отростка слегка загнуты с обеих сторон, на самом конце его, помимо двух бронзовых заклепок, расположенных по горизонтали, имеется полукруглое отверстие. На ручке также прослеживаются два отверстия с остатками заклепок, несколько ниже пробито третье отверстие, следов

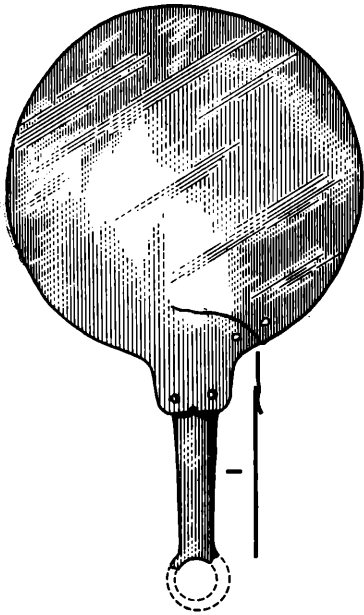

Рис. 1. Зеркало из кургана 26 могильника в урочище Холодный Яр

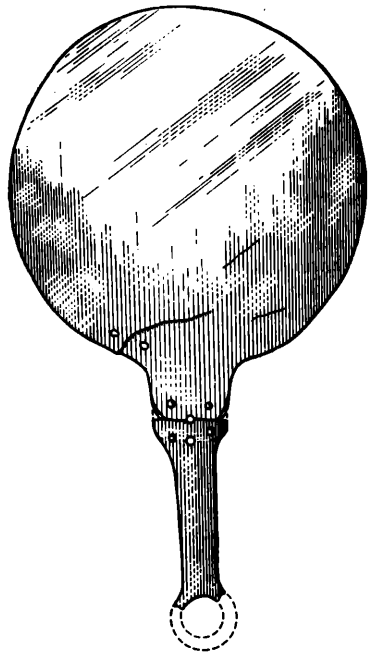

Рис. 2. Реконструкция первоначального вида зеркала из кургана 26 могильника в урочище Холодный Яр

заклепок в котором нет. Вероятно, исходя из различного количества отверстий, одни исследователи отмечали, что диск и ручка были скреплены тремя заклепками, другие — двумя. Правы, видимо, последние, так как к моменту положения в могилу ручка и диск рассматриваемого зеркала скреплялись двумя заклепками (рис. 1). Третье отверстие на ручке, очевидно, не предназначалось для соединения ручки с диском, так как при наложении ручки на диск так, чтобы заклепки совпадали, оно оказывается закрытым отростком и не совпадает с полукруглым отверстием на последнем.

Более внимательное исследование ручки, верх которой, так же как и отросток, имеет полукруглое отверстие, показывает следующее. Приложив диск и ручку друг к другу, мы обнаруживаем, что нижний край отростка и верхний край ручки совпадают. Видимо, зеркало в этом месте сломалось и древний мастер при его починке, перевернув и наложив отломившуюся часть ручки на ее оставшуюся часть, называемую нами отростком, скрепил их двумя заклепками. Для того чтобы ручка после починки держалась прочней, края отростка были слегка загнуты вовнутрь, причем с этой стороны не было сделано никаких попыток закрыть старое отверстие, а с противоположной стороны оно закрывалось отростком и не было видно. Эти детали могут свидетельствовать о том, что та сторона зеркала, на которой меньше всего были видны следы его починки, возможно, была полированной.

Указанные соображения позволяют реконструировать первоначальный вид зеркала (рис. 2). Оно представляло собой круглый плоский диск, отлитый или откованный вместе с ручкой, верх которой был оформлен в виде четырехугольника, ствол сужался к концу, имевшему форму кружка с отверстием в середине. Диаметр диска составлял 19,25 см, общая высота зеркала 33,85 см, длина ручки 14,6 см, диаметр кружка на конце 3,4 см, диаметр отверстия в этом кружке 2,1 см.

В таком виде зеркало можно отнести к группе зеркал, происхождение которых связывают с Коринфом⁸, на что указывает трехчастное деление ручки зеркала (четыреугольный верх, удлинненный ствол и кружок на конце). Коринфские зеркала отличаются также наличием накладных де-

талей на ручке, отсутствующих на рассматриваемом экземпляре в его настоящем виде. Однако на возможность существования накладных пластинок на зеркале из Холодного Яра могут указывать два отверстия, расположенные по вертикали, по одному из которых сломалась ручка. Известно, что накладные рельефы крепились к ручке зеркала не только посредством свинцовой основы, но и штифтиками. Если принять такую реконструкцию, то наиболее близкими рассматриваемому экземпляру будут зеркала из погр. 23 Ольвийского некрополя (раскопки 1910 г.), Мушовицкой могилы (Дуванлий) в Болгарии, Афинского музея (№ М 16508) и гробницы № 4 некрополя у с. Золотого в восточном Крыму⁹.

Интересующее нас зеркало, обнаружено в могильнике IV в. до н. э. и имеющее следы неоднократных починок, свидетельствует как о высокой ценности и длительном использовании импортных зеркал, так и о возможности ошибок в датировке инокультурных памятников по зеркалам.

В связи с изложенным следует остановиться еще на одном вопросе. В работе М. В. Скржинской, посвященной архаическим зеркалам Ольвии и Березани, приведена их классификация, основанная на характере крепления диска и ручки¹⁰. Первый из четырех выделенных автором типов включает зеркала со стержнем для насадки ручки, второй — зеркала с приклепанной ручкой. Однако у зеркал первого типа, как отмечает М. В. Скржинская, одни стержни отливались вместе с диском, другие приклепывались. Исходя из того что стержень для насадки ручки является одним из ее элементов, зеркала со «стержнем», крепившимся заклепками, при таком подходе нужно было бы выделять в отдельный тип, так как тут имеют место два способа крепления. Очевидно, способ крепления диска и ручки как основной признак при классификации зеркал недостаточен, о чем свидетельствует и зеркало из Холодного Яра. В данном случае (а он не единственный) мы сталкиваемся с цельнолитым или цельнокованым зеркалом, ручка которого украшалась накладными рельефами, а после поломки была прикреплена к диску заклепками. Какой способ крепления нужно брать за основу — первоначальный или вторичный, сказать трудно. Подобный принцип классификации был уже опробован и отвергнут одним из авторов данной статьи в силу изложенных соображений¹¹. Здесь можно говорить, вероятно, о сложносоставных зеркалах. Такой термин будет справедлив как для первоначального, так и для вторичного вида зеркала.

Утверждение М. В. Скржинской, что применяемый ею принцип классификации широко распространен, не верно. Подавляющее большинство исследователей классифицируют зеркала по расположению ручки относительно диска или ее форме.

¹ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. СПб., 1887. Т. 1. С. 72.

² Покровська С. Ф. Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яра поблизу м. Сміли//Археологія. Київ, 1973. Т. 10. С. 77—78; Онайко Н. А. Античный импорт в Приднпровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.//САИ. 1970. Вып. Д1—27. С. 62; Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднпровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1—4. С. 35.

³ Онайко Н. А. Античный импорт... С. 62.

⁴ Билимович Э. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания//ТГЭ. Л., 1976. Т. 17. С. 37—39.

⁵ Онайко Н. А. Античный импорт... С. 116 (№ 779); Покровська С. Ф. Курганы IV ст. до н. э. ... С. 77.

⁶ Покровська С. Ф. Курганы IV ст. до н. э. ... С. 77, 78.

⁷ Билимович Э. А. Греческие бронзовые зеркала ... С. 38, 39.

⁸ Там же.

⁹ Oberländer P. Griechische Hautspiegel. Hamburg, 1967. S. 10, 13; Масленников А. А. Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове//КСИА. 1980. Вып. 162. С. 89—90.

¹⁰ Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани//Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 111.

¹¹ Кузнецова Т. М. Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников//КСИА. 1982. Вып. 170. С. 13—19; Она же. Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э.: Классификация и хронологическое распределение//СА. 1987. № 1. С. 35.

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА С МЫСА ЗЮК*

Среди фрагментов чернолаковой посуды, найденных при раскопках городища на мысе Зюк¹, есть некоторое количество черно- и краснофигурной. Почти вся она происходит с берегового раскопа на юго-востоке мыса. Этот район долгое время служил местом сброса всевозможного мусора, главным образом золы. Находки отсюда многочисленны, что позволяет взаимно корректировать датировки разных групп вещей.

Показательно полное отсутствие расписной посуды восточногреческих центров и Коринфа, исключая простую «полосатую» керамику. Довольно мало аттической чернофигурной. Это обломки крышки леканы (80/110, 81/295, 83/93; рис. 1, 1—3)² с орнаментом в виде «корзины лучей» (около 480 г. до н. э.). Н. А. Сидорова датирует их второй половиной VI — началом V в. до н. э.³

Лекифы представлены тремя обломками (80/86, 82/3, 83/35). Первый — от верхней части тулова, где сохранилась лишь полоса простенького меандра и лучевой орнамент на плечах. По предполагаемым пропорциям и стилю росписи лекиф может быть отнесен к ряду подобных изделий круга мастера Хаймона — началу второй четверти V в. до н. э.⁴ Второй фрагмент со следами полосы «шашечного» орнамента, видимо, принадлежит к группе лекифов со светлой обмазкой. Третий (рис. 1, 5) с изображением высокой, сжатой пальметты, отделенной от других вертикальной полосой лака («лучами»), следами пурпура и подработкой контура рисунка резцом относится к распространенным в первой половине V в. до н. э. лекифам с орнаментальной росписью круга мастера Белдам⁵.

Очевидно, от сосуда типа *cup-skyrphos* происходит несколько обломков с остатками росписи из размашистых пальметок и почти несохранившимся прочим изображением (80/80; 81/255, 283/297; 82/20—21, 24—25; рис. 1, 6—12). Широкая полоса блестящего лака покрывает слегка профилированный венчик. Узкая проходит под рисунком. Приземистая ножка внутри и снаружи также покрыта лаком. На одном из фрагментов угадывается нижняя часть рисунка лошадиных ног, причём две передние подняты. На другом — очень грубое изображение фигуры с лирой. Сюжет находит прямые аналогии на двух целых чашах эрмитажного собрания: на колесницу, запряженную четверкой коней, всходит женщина. Две другие, в том числе одна с лирой, стоят рядом. У ручек пальметки⁶. Рисунок небрежный, детали переданы резцом. Есть и отличия. Лошади на эрмитажных чашах стоят спокойно, следы резца заметнее. Все эти сосуды относятся к группе мастера Хаймона и датируются концом первой четверти V в. до н. э.⁷ В основе сюжета, видимо, лежит мотив свадебного шествия Зевса и Геры на колеснице в сопровождении Аполлона и Гермеса либо, что менее вероятно, Ариадны, входящей на колесницу и Диониса. Первый сюжет мы видим на чернофигурной гидрии мастера Скифа (последняя четверть VI в. до н. э.) из коллекции Эрмитажа⁸.

На фрагментах другой чаши-скифоса (80/136; 81/268, 306—314; рис. 1, 1—6) лак блестящий, роспись довольно беглая, но силуэты четкие без проработки резцом. Представлены две одинаковые сцены (полностью уцелела одна): силен, преследующий менаду. Над ними виноградные лозы, по сторонам пальметки. Близкие аналогии: сосуд из собрания ГЭ и две чаши из некрополя Елизаветовского городища⁹ относятся к группе Ланкут и датируются концом первой четверти V в. до н. э. Лучшее качество росписи чаши с мыса Зюк позволяет считать ее более ранней. Фрагменты расписных киликов на низком поддоне группы Хай-

* При ссылках на фрагменты керамики в числителе указывается год раскопок (его последние цифры), в знаменателе — номер описи.

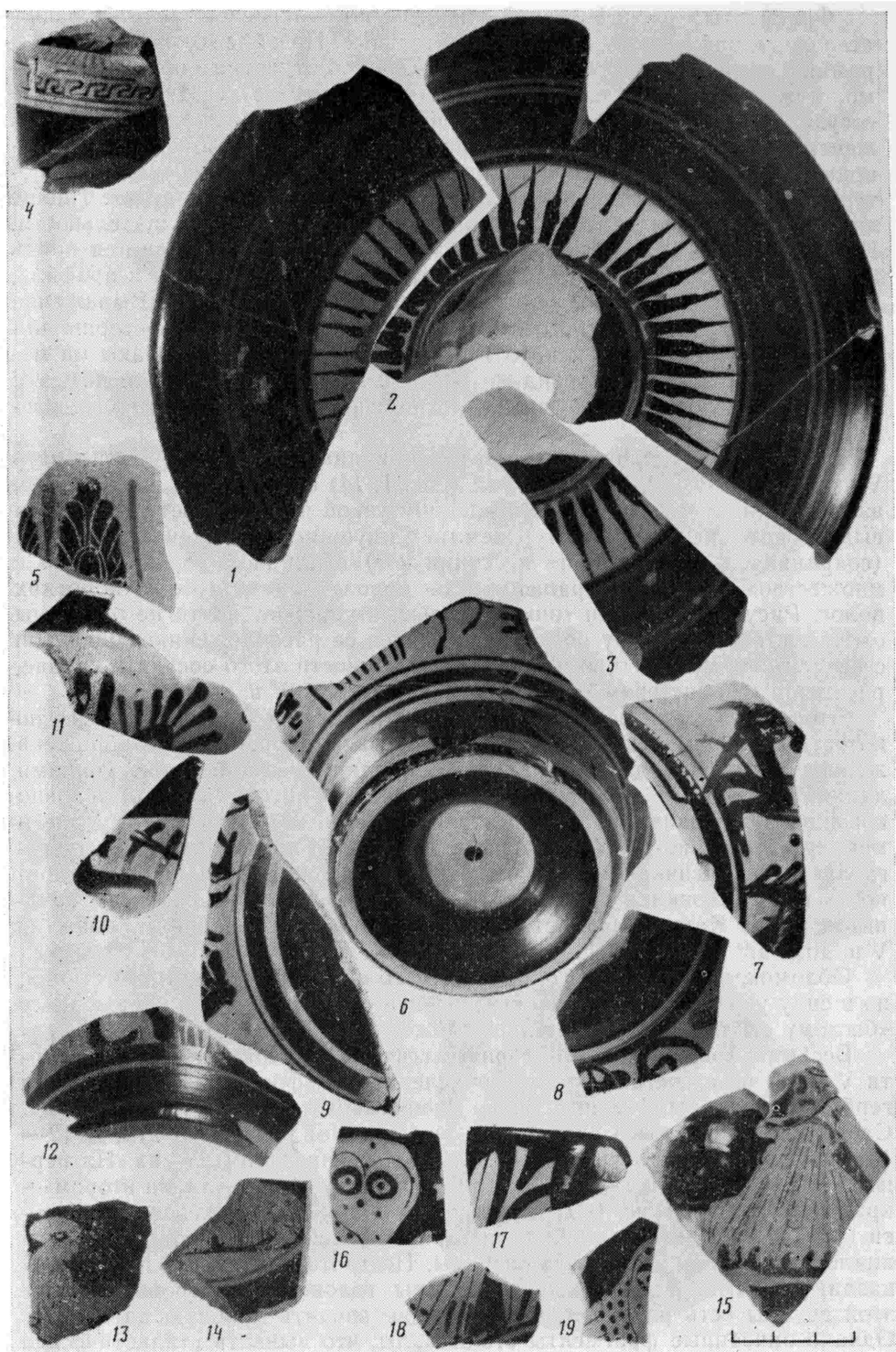

Рис. 1. Фрагменты расписной керамики с мыса Зюк (1—19)

мона и близкой к ней Ланкут не редкость при раскопках ранних слоев боспорских городов, например Пантикапея¹⁰. Встречены они несколько раз и на мысе Зюк (84/295—297), но столь малы, что судить об их росписях можно весьма приблизительно. К высокохудожественным их не отнесешь.

Фрагменты краснофигурной посуды многочисленнее, но в большинстве своем они мелкие и маловыразительные. Преобладает расписная керамика так называемого беглого стиля. Лишь отдельные обломки, видимо, можно отнести к предшествующим стилям. Не всегда ясна форма сосуда. На одном из них (стенка лекифа?) — изображение верхней части женской фигуры вправо в задрапированных одеждах. Левая рука приподнята на уровень груди (81/14; рис. 1, 13). Черепок основательно потерт, но все же можно судить, что роспись довольно аккуратная. Тонкие линии в проработке складок хитона не лишены известной тщательности. На голове чепец или повязка, но у виска из-под нее выбивается прядь волос, переданная черным лаком. Глаз и бровь изображены в профиль, линия носа продолжает линию лба, подбородок округлый. Выражение лица спокойное, но не строгое. Отмеченные особенности характерны для «свободного» стиля¹¹, а некоторые детали как будто указывают на манеру росписи мастера Провиданс — конца второй четверти V в. до н. э.¹² Впрочем, допустимы и другие аналогии¹³ приблизительно того же времени.

Еще два небольших фрагмента, по-видимому, следует датировать V в. до н. э. (81/160, 244). Первый (рис. 1, 14) от дна килика с остатком изображения в медальоне, обрамленном узкой полосой цвета глины. На выделенном сегменте (контур земли?) идущая влево женская фигура (сохранилась нижняя часть и ступни ног) в длинном до пят хитоне с множеством складок, украшенном по подолу орнаментом из коротких полос. Рисунок исполнен тонкой кистью, ступни ног почти не оторваны от земли. По характеру росписи, а главное ее расположению (медальон с сегментом) можно говорить о принадлежности этого сосуда к группе, расписанной «мастером Чаш», — вторая четверть V в. до н. э.¹⁴

Второй обломок, возможно от крышки леканы (рис. 1, 15), сильно потерт, лак во многих местах сбит, роспись небрежная. Изображена женская фигура в длинном хитоне. Складки его нарисованы тонкими линиями, но грубо, естественные их изгибы тракуются очень условно-короткими штрихами. Напуск хитона в талии, контуры груди, ворот и меандрообразный орнамент у подола переданы толстыми линиями густого лака. Аналогичная манера пышного украшения края одежд, условность их трактовки и грубоватость фигур свойственны росписям группы «мастера Кадма» и «мастера Хризис», оба — последние десятилетия V в. до н. э.¹⁵

Обломок, вероятнее всего, относится ко времени «роскошного стиля», но в силу указанной небрежности росписи он близок уже к следующему «беглому стилю» и, следовательно, может датироваться позднее.

Весьма характерную категорию аттического керамического экспорта V в. до н. э. составляют многочисленные скифосы с изображениями герба Афины-совы. Им посвящена специальная статья Ф. Джонсона¹⁶. Среди обломков с мыса Зюк три относятся к этой группе (81/212, 82/12—13), но полностью рисунок не сохранился ни на одном из них. На первом (рис. 1, 16) представлена верхняя правая часть головы, на втором — край левой части (рис. 1, 19), на третьем — перья края хвоста и крыльев (рис. 1, 18). Везде сова смотрит прямо, тельце повернуто вправо. По аналогии сбоку от нее ветви маслины. Пестрота оперения у головы показана точками. В изображении формы головы, глаз, бровей внутри этой группы есть различия, позволяющие вводить дробную датировку. Однако описанные фрагменты столь малы, что выявить стилистические особенности рисунков почти невозможно. Обычно принято относить такие скифосы к концу V — началу IV в. до н. э.¹⁷ По Ф. Джонсону, эти обломки датируются второй-третьей четвертью V в. до н. э.¹⁸

Имеются фрагменты чернолаковых канфаров группы St.-Valentin. Это аттические сосуды с полихромной росписью орнаментальных и растительных мотивов с использованием накладной белой краски и разбавленного лака. Хронология и классификация их разработаны С. Ховардом и Ф. Джонсоном¹⁹. На фрагменте, собранном из нескольких ку-

Рис. 2. Фрагменты расписной керамики с мыса Зюк (1–15)

сочков (81/102, 82/29; рис. 2, 9), в квадратном поле на фоне глины сверху вниз под венчиком сначала идут два ряда ромбов, затем белой густой краской стилизованное, горизонтальное изображение лавровой ветви, ниже полоса орнамента из частых вертикальных черточек лака. Белая краска, использованная и внутри ромбиков, делает весь рисунок рельеф-

нее и ярче. Датировка — третья четверть V в. до н. э.²⁰ На обломке второго канфара (81/32; рис. 2, 7) под венчиком узкая полоса из коротких вертикальных линий, ниже белой краской ветвь лавра и под ней снова аналогичная полоса. Он относится к группе VI — последняя четверть V в. до н. э.²¹

Остальные фрагменты относятся к IV в. до н. э. Это скифосы с широко распространенным сюжетом: обращенные друг к другу в профиль фигуры эфеба и педотриба. Слева обнаженный эфеб со стригилем (80/70; рис. 2, 10) или слегка наклонившийся перед прыжком (84/291; рис. 2, 12), справа — в длинном гиматии с посохом в правой руке — педотриб (81/296; рис. 2, 11). По бокам большие пальметки с узкими прямыми или широкими «листьями» в обрамлении волютообразных отростков, достигающих до фигур. На некоторых под венчиком полоса из орнамента в виде ов. Лак хорошего качества, роспись хотя и беглая, но пропорции тел переданы верно, на лицах обозначены глаза, брови маленьким черным пятном усы. Волосы показаны черной массой, мускулатура и пальцы рук намечены основными линиями. Сюжет восходит к росписям начала V в. до н. э.²² и постепенно упрощается. Находит в Аполонии и на нижнем Дону датируются второй четвертью IV в. до н. э.²³ Почти полную аналогию рисунку на скифосах с мыса Зюк дает скифос из Истрии первой четверти IV в. до н. э.²⁴ Обломки с мыса Зюк принадлежат сосудам с более стройными пропорциями, прямыми и высокими стенками, что является признаком скорее конца V — начала IV в. до н. э.²⁵ К самому позднему варианту скифосов этой группы относятся те, где сюжет вырождается в беглые, небрежные и приземистые изображения двух непарных фигур в длинных одеждах. Их обрамляют грубые пальметки с большими волютами. Прорисовка деталей лица минимальная: глаза даны росчерком кисти, усы — короткими мазками, руки как бы спрятаны под гиматием (81/72, 120; рис. 2, 13—14). Это уже третья четверть IV в. до н. э.²⁶

Довольно многочисленны фрагменты глубоких скифо-киликов на низкой ножке. Они появляются на рубеже V—IV вв. до н. э.²⁷ и очень распространены в Причерноморье в первой половине IV в. до н. э. У них профилированный венчик, слегка отогнутый наружу. Внутри нередко цвета глины и белой краской нанесен растительный орнамент.

Роспись на внешней стороне в течение времени становится более беглой, подчас примитивной. Сюжеты однообразны: силены, преследующие менад (80/129; рис. 2, 15), жанровые сценки — беседующие женщины (79/142, 81/53; рис. 3, 1), пляшущие мужчины (сцены комоса) (81/265; рис. 3, 2), эроты (80/69, 81/31; рис. 3, 7—8). Человеческие фигуры разделены большими пальметками, вписанными в овал (79/213, 221—222; 81/101; рис. 3, 3—5). Изредка используется белая краска. По мнению Н. М. Лосевой, эти изображения представляют повторения (добавим, грубые, ремесленные) росписей ваз круга Мидия²⁸. Учитывая предложенную А. А. Передольской типологию этих сосудов²⁹, рассматриваемые фрагменты можно отнести ко II—IV группам, причем с изображением эротов и комоса явно более ранние. Их роспись аккуратнее, детали проработаны тщательнее, пальметки уже. Фрагменты с эротами, вероятно, можно отнести к началу первой четверти IV в. до н. э. Передача усов в виде черной точки, по-видимому, присуща росписям второй четверти IV в. до н. э.³⁰

Среди обломков крышек лекан имеется край, где сохранилась часть рисунка женской головы в профиль в светлой косынке, украшенной узором из трех точек. По краю косынки условно показаны выбившиеся волосы. Над верхней губой темная точка. Перед лицом волюта пальметки и схематическое изображение поднятой к подбородку кисти руки, на закраине орнамент из ов (80/29; рис. 3, 9). Роспись схожа с головой амазонки (?) на аттическом лекифе 400 г. до н. э.³¹, но грубее и, видимо, позднее — вторая четверть IV в. до н. э. Аналогичная находка из Фанатории датирована Н. М. Лосевой второй четвертью IV в. до н. э.³²

Рис. 3. Фрагменты расписной керамики с мыса Зюк (1—23)

На другом фрагменте уцелела часть лица амазонки влево, обращенная в сторону крылатого грифона. Аккуратно нанесена прямая, классическая линия лба и носа, завитки волос под лентой, тонкая, длинная бровь и верхнее веко глаза. Между фигурами, вероятно, волутообразный орнамент (80/13; рис. 3, 11). Данный сюжет появляется на рубе-

же V—IV вв. до н. э.³³ Рассматриваемое изображение грифона может быть отнесено к рубежу первой-второй четверти IV в. до н. э.³⁴

На третьем фрагменте (79/149; рис. 2, 10) изображены лев и кабан навстречу друг другу. Голова льва с взъерошенной гривой, переданная тремя рядами коротких штрихов, прижатым ухом, широко открытым глазом и вытянутой мордой с оскалом пасти, почти касается слегка выставленной передней лапы. Голова кабана с торчащим большим клыком подчеркивает напряжение предстоящей схватки. Роспись беглая, проработка деталей небрежная. Рисунок, скорее всего, относится к середине или даже второй половине IV в. до н. э.

Следующие два фрагмента (79/224, 81/276; рис. 3, 12—13) принадлежат к группе миниатюрных сосудов с изображениями детских фигурок. Они, по-видимому, предназначались для каких-то обрядов или празднеств. На фрагменте № 267 представлена сидящая женская фигура. Аналогии относятся к концу V—второй четверти IV в. до н. э.³⁵

Столь же обычны в то время аски и лекифы с изображениями зверей и птиц. Особенно предпочитали лебедя и пантеру. На одном из обломков (82/93; рис. 3, 16) с мыса Зюк сохранилась роспись шеи и головы лебедя. Рисунок груб и условен. Другая роспись (81/173; рис. 3, 17) лучшего качества. Лебедь изображен вправо с наклоном головы. Клюв и глаз тщательно вырисованы, оперение шеи и грудки дано короткими штрихами и парами точек, а перья крыла — тонкими линиями. Датировка подобных сосудов: последняя четверть V—первая половина IV в. до н. э.³⁶ Думается, мы вправе поместить оба рассмотренных фрагмента на противоположных рубежах этого хронологического отрезка.

Два обломка с очень беглым рисунком верхней части мужских задропированных фигур (81/72, 131; рис. 3, 14—15) принадлежат позднебоспорским пеликам второй — третьей четверти IV в. до н. э.³⁷

Найдено несколько фрагментов пелик с обильным применением накладной белой краски — прием, характерный для ваз «керченского» стиля первой половины IV в. до н. э.³⁸ (рис. 3, 19—23).

Все описанные обломки принадлежат недорогой посуде обычных для того времени форм и стилей росписи. Аналогичный набор керамики найден на нижнем Дону³⁹. Не указывает ли это на то, что торговый путь (или один из путей) из района Боспора Киммерийского к низовьям Дона и в Западное Приазовье шел вдоль северного побережья Керченского п-ва? Здесь, у мыса Зюк, быть может, корабли делали первую остановку при каботажном плавании или переждали непогоду, снесенные сильными северо-восточными ветрами с прямого курса через Меотиду.

¹ Этой статьей мы продолжаем публикацию некоторых находок из раскопок Восточнокрымской экспедиции ИА АН СССР античного городища на мысе Зюк, отождествляемого с Зеноновым Херсонесом.

² Sparkes B. A., Talcott L. Black and plain pottery of the VI and IV centuries B. C. // The Athenian Agora. Princeton (N. J.), 1970. V. 12, № 1224. P. 233.

³ Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика из Пантикалея // Сообщ. ГМИИ. М., 1984. Вып. 7. С. 81—82. Рис. 7в.

⁴ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 156. Рис. 128.

⁵ Beazley J. D. Attic black-figured vase-painters. Oxford, 1956. P. 586—587; Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика... С. 87, рис. 10, е. М. Бернхард приводит дату 470—450 гг. до н. э.: Bernhard M. L. Greckie malarstwo wazowa. Wroclaw etc., 1966. Fig. 210. Дж. Боардман удревняет дату всей группы:

Boardman J. Athenian black-figur vase. L., 1974. P. 334. Fig. 277—280.

⁶ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы... С. 171—176. Рис. 147—149.

⁷ Там же. С. 149; Boardman J. Op. cit. P. 149, 334.

⁸ Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 28. Рис. 11.

⁹ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы... С. 182—183. Рис. 154; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на нижнем Дону. Л., 1980. С. 127. Табл. 13, № 155—156.

¹⁰ Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика... С. 103.

¹¹ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 202; Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера... С. 92; Villard F. Les vases Grecs. P., 1956. P. 74—76.

¹² Античная расписная керамика. М., 1985. № 43, 83; Передольская А. А. Красно-

- фигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. Табл. 110, 2; 111, 4.
- ¹³ *Передольская А. А.* Краснофигурные аттические вазы... Табл. 90, 3, № 124. Амфора с росписью мастера «Дрезденской амфоры». Фигура женщины на рис. Б. Около 470 г. до н. э.
- ¹⁴ Там же. Табл. 130, 1, № 149.
- ¹⁵ *Горбунова К. С., Передольская А. А.* Мастера... С. 108. Рис. 51.
- ¹⁶ *Johnson F. P.* A pote on Owl skyphoi// AJA. 1955. V. 59, № 2. P. 119—124. Pl. 35—38.
- ¹⁷ *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея//МИА. М., 1962. № 103. С. 178. Рис. 5, 3; *Bernhard M. L.* Op. cit. Fig. 42.
- ¹⁸ *Johnson F. P.* Op. cit. P. 123, pl. 35, 16—17 (тип А группы II—III).
- ¹⁹ *Howard S., Johnson F.* Saint-Valentin vases//AJA. 1954. V. 58, № 3. P. 191—207.
- ²⁰ Ibid. Группа IV, pl. 33, 10; *Горбунова К. С.* Аттические вазы группы St-Valentin//Тр. ГЭ. Л., 1972. Т. 13. С. 67. Рис. 4.
- ²¹ *Howard S., Johnson F.* Op. cit. Pl. 33, 11; *Горбунова К. С.* Аттические вазы... С. 68. Рис. 8а.
- ²² *Villard F.* Op. cit. Pl. 20, 3.
- ²³ *Иванов Т.* Антична керамика от некрополя на Аполония//Аполония: Разкопките в некрополя на Аполония през 1947—1949. С., 1963. С. 109, № 485. Табл. 107—108; *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт... С. 129—130. Табл. 15, № 175—177.
- ²⁴ *Alexandrescu P.* La céramique d' époque archaïque et classique VII—IV c.//Histria. Buc., 1978. V. 4. P. 106. Pl. 58, N 501.
- ²⁵ *Sparkes B. A., Talcott L.* Op. cit. Pl. 16, N 344—345, 348—349.
- ²⁶ *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт... С. 130. Табл. 15, № 178; Табл. 35, № 3—5.
- ²⁷ *Горбунова К. С.* Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I//ИКАМ. М., 1977. С. 41—45.
- ²⁸ *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея//Сообщ. ГМИИ. М., 1984. Вып. 7. С. 120.
- ²⁹ *Передольская А. А.* Мастер керченских фрагментов, найденных на Митридаде//Archeologia. 1963. V. 14. P. 41—48.
- ³⁰ *Alexandrescu P.* Le céramique ... P. 77, N 442.
- ³¹ *Bernhard M. L.* Op. cit. Fig. 49.
- ³² *Лосева Н. М.* Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938—1962 гг.//Сообщ. ГМИИ. М., 1968. Вып. 4. С. 91. Рис. 4, 5.
- ³³ *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики//МИА. 1951. № 19. С. 137.
- ³⁴ Там же. Почти полную аналогию грифону см.: *Иванов Т.* Антична керамика... С. 137. Табл. 62, № 227.
- ³⁵ CVA. Buc., 1965. V. 1. Табл. 35, N 21—24; *Villard F.* Op. cit. P. 109. Pl. 28, 1; *Иванов Т.* Антична керамика... С. 147. Табл. 75—76, № 264—269; *Alexandrescu P.* Le céramique: P. 79, N 479.
- ³⁶ *Иванов Т.* Антична керамика... С. 103—104. Табл. 48, № 62—65; *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика... С. 120—121, рис. 6д; *Alexandrescu P.* Le céramique... N 490.
- ³⁷ *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики. С. 148. Рис. 4, 2, 5, 2; *Иванов Т.* Антична керамика... С. 170. Табл. 95, № 363; *Cook R. M.* Greek painted pottery. L. 1966. P. 187. Fig. 34.
- ³⁸ *Villard F.* Op. cit.; *Цветаева Г. А.* К вопросу о торговых связях Пантикапея//МИА. М., 1957. № 56. С. 102—104. Рис. 5, 3—4; *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика... С. 178.
- ³⁹ *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт... С. 52 сл.

Т. В. МИРОШИНА, А. В. САЗАНОВ

ТЕРРАКОТЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ У ПОС. КУЧУГУРЫ

В 1985 г. Таманской экспедицией ИА АН СССР (начальник Ю. М. Десятчиков) было продолжено изучение могильника у пос. Кучугуры Темрюкского р-на Краснодарского края¹. Могильник расположен в 1,2 км к югу от юго-восточной окраины пос. Кучугуры и в 2,1 км южнее берега Азовского моря. Могильник состоял из курганов и грунтовых погребений, впущенных в естественные возвышенности и получивших нумерацию.

Возвышенность, условно названная «курган 7», была сильно распахана, имела высоту 0,69 м и диаметр 40 м. В ней обнаружено четыре погребения — одно сожжение и три земляных склепа III—II вв. до н. э.

В одном из земляных склепов (склеп 2) найдены останки пяти — семи человек, захороненных последовательно². Т-образный склеп был ориентирован по оси северо-восток—юго-запад. Входная яма отделялась от погребальной камеры каменным закладом. По дну камера имела размеры 2,3×1,75 м, глубина ее от нулевого репера 2,72—2,78 м. Камера

ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В юго-западном углу на дне обнаружено прямоугольное углубление размером 1,1 × 0,52 м — «тайник».

Сдвинутые человеческие кости были сосредоточены в восточной части камеры, среди них в основном и лежали находки. Вероятная ориентировка погребенных северо-восток-восток. В погребении были найдены три леканы с крышками и шесть пелик с «акварельным» рисунком сажевыми красками, кувшин, двуручный кубок, а также пять флаконов, один из них чернолаковый.

Среди находок куски соленов, фрагменты семи железных ножей, железные шилья и игла, один железный и два бронзовых перстня со щитками, пять бронзовых серег, 176 стеклянных, агатовых и сердоликовых бусин, фрагменты бронзовых с позолотой листков.

Этот склеп принадлежал греческой семье средней зажиточности. Склеп датируют 10 бронзовых монет пантикапейского чекана, относящиеся к середине III — середине II в. до н. э.³

Наиболее интересной находкой в склепе является комплекс из восьми терракот. По количеству статуэток этот склеп единственный в некрополе. Здесь были найдены следующие терракоты.

1. Стоящая женщина в длинном хитоне и гиматии (рис. 1, 1). Правой согнутой рукой она придерживает гиматий на груди, левой — на бедре. На спине у статуэтки прямоугольное отверстие. Высота 15,8 см.

2. Стоящая женщина в длинном хитоне и гиматии (рис. 1, 2).левой согнутой рукой придерживает гиматий на груди, левая нога согнута в колене. Прическа высокая. На спине прямоугольное отверстие. Высота 15,6 см.

3. Группа из стоящей женщины в длинном, высоко подпоясанном хитоне и гиматии и девочки, которую она прижимает к себе сбоку левой рукой (рис. 1, 3). Правой согнутой в локте рукой женщина держит маску бородатого Сатира. Прическа высокая, голова наклонена вниз, к девочке. Девочка в длинном хитоне, левой рукой держится за ворот женщины, правой — за гиматий на ее плече. На спине женщины прямоугольное отверстие. Высота 14,4 см.

4. Аналогичная предшествующей статуэтка, но на голову женщины возложен венок (рис. 1, 4). Высота 14,6 см.

5. Танцующая женщина, закутанная в хитон и гиматий (рис. 2, 1). Фигура наклонена вправо, руки, закрытые гиматием, вытянуты. На голове остроконечный головной убор. На спине прямоугольное отверстие. Высота 13,8 см.

6. Группа из двух стоящих женщин (рис. 2, 2). Одна из них в остроконечном головном уборе, в длинном хитоне и гиматии, поддерживает под руки другую женщину в длинном хитоне. Левая рука этой женщины безжизненно повисла, голова повернута влево. На спине первой женщины прямоугольное отверстие. Высота 14,4 см.

7. Сидящий гермафродит (?) (рис. 2, 3). Подчеркнут большой живот. Нижняя часть корпуса задрапирована в гиматий. На лице улыбка. Правая рука согнута, кисть лежит на бедре. На голове венок из листьев плюща. На спине прямоугольное отверстие. Высота 11,6 см.

8. Сидящий Эрот (рис. 2, 4). Эрот изображен сидящим на каком-то возвышении, скорее всего троне (статуэтка фрагментирована). В левой руке яблоко (?), в правой утка. Крылья сохранились только частично. На спине прямоугольное отверстие. Сохранившаяся высота 8 см.

Терракоты, как и почти весь инвентарь, были сосредоточены в восточной части камеры. Часть из них была найдена между человеческими костями (№ 1, 5, 6 и 8), остальные — на дне камеры. В северо-восточном углу находились статуэтки 1 и 6 (рядом друг с другом) и статуэтка 3. По центру восточной стенки — терракоты 2, 4, 7, а в юго-западном углу — 5 и 8. Все статуэтки, кроме 8, лежавшей на боку, и 7, надетой на головку бедренной кости, лежали лицом вниз. Голова терракоты 4 была отбита

Рис. 1. Терракоты из некрополя пос. Кучугуры

1—2 — стоящие женские фигуры в хитоне и гиматии; 3 — группа — женщина с маской Сатиры и девочка; 4 — то же, но женщина в венке

Рис. 2. Терракоты из некрополя у пос. Кучугуры

1 — танцовщица; 2 — группа — одна из задрапированных женщин поддерживает другую; 3 — сидящий гермафродит в венке; 4 — сидящий Эрот с уткой

и находилась у северной стенки, а статуэтка 2 была расколота на пять частей и разбросана по северо-восточной части камеры.

Иконография, стиль, сюжеты статуэток позволяют без сомнения отнести их к группе танагрских⁴. Не останавливаясь подробно на проблемах танагрской коропластики как художественного явления, отметим, что в свое время статуэтки, найденные в Танагре, были разделены Р. Хиггинсом на четыре хронологические группы, последняя из которых была отнесена к 330—200 гг. до н. э. и представляла собой изображения женских задрапированных фигур и эротов⁵. Именно за этой группой позже и закрепилось название «танагра».

Генезис танагрских статуэток дискуссионен, существующие точки зрения проанализированы в работах Б. Нойча, Р. Хиггинса и Д. Томпсон⁶.

Общеизвестно, что главными иконографическими типами танагрских статуэток эллинистического времени были фигурки задрапированных женщин и эротов⁷. Прямую аналогию имеет статуэтка танцовщицы из Кучугур (рис. 2, 1). Этот иконографический тип известен среди статуэток Мирини III в. до н. э.; он представлен среди терракот середины второй половины II в. до н. э. из Кеп⁸. Другая статуэтка задрапированной женщины (рис. 1, 1) по иконографическому типу относится к «малой геркуланянке», изображения которой датируются IV—III и III—II вв. до н. э.⁹

Изображение женщины с маской также типично танагрская традиция. В раннеэллинистической коропластике Танагры часто встречаются изображения муз комедии и трагедии с соответствующими театральными масками¹⁰. Но изображения женщины с девочкой (рис. 1, 3, 4) не имеют аналогий.

Приходится констатировать, что у исследователей античных терракот пока нет четко разработанной системы признаков, которые позволили бы датировать статуэтку вне комплекса. Обычно исследователи опираются на иконографические аналогии. Однако это может служить только относительным хронологическим репером, т. е. указать, с какого момента существует тот или иной иконографический тип в коропластике. Сами же иконографические типы существуют довольно длительное время, иногда столетиями в одной схеме. Это заставляет с большой осторожностью подходить к датировке по иконографическим аналогиям.

Второй момент, требующий учета при датировке терракот по аналогиям: во многих случаях терракоты копировали произведения монументальной скульптуры. Для танагрской коропластики хорошо известно влияние Праксителя и Лисиппа¹¹. Однако при привлечении в качестве аналогий монументальной скульптуры следует помнить, что соотношение закономерностей развития монументальной скульптуры и терракоты пока неясно. Разница здесь видится в индивидуальном творчестве скульптора и производстве массовой продукции рядового античного ремесленника.

Эти моменты заставляют с крайней осторожностью подходить к поиску датирующих аналогий и отказаться от датировки терракоты при помощи сопоставления с монументальной скульптурой.

Относительно закономерностей развития танагрских статуэток существует точка зрения Дж. Честермана о том, что раннеэллинистические терракоты делались фронтальными, а терракоты периода 200—100 г. н. э. предназначались для кругового обзора¹². Такое утверждение вряд ли бесспорно. Здесь необходимо учитывать различия в характере локальных школ. В нашей находке все статуэтки рассчитаны только на фронтальный обзор, а обнаружены они в комплексе середины III — середины II в. до н. э.

Рассмотрим технологический аспект производства терракот, обычно остающийся за рамками исследований. Корпус статуэток полый до уровня груди, сделан с помощью двух форм, соединительные швы заглажены стеклой. Головы сплошные, оттиснуты в одной форме. На некоторых статуэтках (рис. 1, 3, 4) сохранились следы красной и черной красок, нанесенных по ангобу.

Как известно, изготовление статуэтки проходило несколько этапов: приготовление глины, формовка, окончательное оформление статуэтки, подготовка к обжигу, непосредственно обжиг и раскраска¹³.

Приготовление глины заключалось в ее отмучивании, отстаивании и уминании. Однако характер глины рассматриваемых статуэток — включения карбонатов, слюды, песка — позволяет говорить, что отмучивания здесь не было.

Процесс формовки и проблемы, связанные с поколениями статуэток, рассмотрены в работах Р. Николса¹⁴. В данных статуэтках во всех случаях корпус делался в двух формах, голова — в отдельной, т. е. статуэтка изготавливалась с помощью трех форм, и если корпус делался полым, то голова — сплошной. Такая комбинированная техника с применением более чем двух форм характерна для эллинистической коропластики. Ранние танагрские статуэтки могли изготавливаться с использованием более десятка форм¹⁵. Позже, в римское время, коропласты вернулись к практике формовки с помощью двух форм¹⁶. После формовки статуэтка подсушивалась, а затем на нее наклепливались детали от руки: головной убор, атрибуты¹⁷. У статуэток из могильника наклепными являются венки и крылья у Эрота.

Одной из особенностей статуэтки 8 является неравномерный обжиг — глина с характерным серым закалом. На спине у всех статуэток прямоугольное отверстие размером 1,8×3,7; 1,8×5,5; 2,5×5,5; 2×5 см. Прямоугольные отверстия характерны для эллинистической и позднээллинистической коропластики, позже в римское время доминируют овальные.

В литературе существуют две точки зрения о назначении этого отверстия. Одни исследователи считают, что отверстие на спине предназначалось для подвешивания статуэтки, другие полагают, что оно нужно было для выхода пара, чтобы при обжиге он не разрывал статуэтку¹⁸. Скорее всего, ближе к истине вторая точка зрения, такое отверстие было необходимо для ее более полного обжига.

На статуэтках сохранились следы раскраски по ангобу темно-красной и черной красками. Особый интерес представляет красный пигмент и как наиболее употребляемый — красная охра. Химический анализ красок, снятых с терракот Афинской агоры III—II вв. до н. э., показал, что в ее состав входила окись кремния, глинозем, окись железа, окись гипса, окись магния. Красная охра была природным минеральным продуктом и использовалась или в естественном состоянии или после механической переработки¹⁹. Залежи охры известны на о-ве Кеос, который, согласно Феофрасту, был источником лучшей красной охры. Знаменита охрой была и Каппадокия²⁰.

Решающим при анализе терракот как массовой продукции является соотношение штампов. Здесь можно говорить о поколениях статуэток и копировании.

Две статуэтки, изображающие парные женские фигуры, совпадают по штампам, хотя и различаются по лепным деталям (рис. 1, 3, 4). Ясно, что они сделаны в одной мастерской с двух поколений одной формы.

Как известно, формы снимались с образца — патрицы, которой могли быть бронзовые изделия, скульптуры, а также и сами терракоты²¹. С патрицы снималось несколько форм — матриц, которые хранились отдельно, чтобы после износа одной из них ее могла бы заменить другая²². После изнашивания первого поколения матриц с одной из статуэток этого поколения изготавливалось второе поколение матриц. Таким образом, получалось несколько поколений статуэток, последовательно уменьшавшихся в размерах, т. е., как показал Р. Николс, более ранними в серии являются большие по размерам статуэтки²³. В нашем случае более четкий штамп и большие размеры имеет статуэтка на рис. 1, 3, что и позволяет говорить, что она принадлежит к более раннему поколению, чем вторая.

Остальные статуэтки отличаются одинаковым характером обработки стенок, чего, однако, недостаточно для их отнесения к одной мастерской.

Подводя итог, остановимся на круге тех проблем, которые поднимает находка из Кучугур. Статуэтки относятся к заключительному этапу танагрской коропластики — середине III — середине II в. до н. э., две из них изготовлены в одной мастерской, судя по глине, боспорской. Общность форм со статуэтками Средиземноморья позволяет предположить, что формы для их производства могли быть завезены на Боспор, где возникает местное производство таких статуэток. Интересен тот факт, что расцвет боспорских мастерских, изготавливавших эти статуэтки, представлявшие собой локальную школу танагрских, приходится на середину III—II в. до н. э.²⁴, т. е. на то время, когда в метрополии эти сюжеты давно потеряли свою популярность. Возникает проблема локальных вариантов танагрских статуэток уже после прекращения собственно танагрского производства терракот с этими иконографическими типами, которую условно можно назвать проблемой «пост-Танагры».

И наконец, последнее. Общепринято характеризовать танагрские статуэтки как жанровые или бытовые, не связанные непосредственно с культом. Сами по себе они действительно не несли религиозной нагрузки. Однако требуют объяснения их частые находки в погребальных комплексах с повторяющимся набором сюжетов терракот. Может быть, будучи включенными в определенный контекст, они могли изображать сцены из мифологии?

Все высказанные здесь проблемы пока не имеют однозначного решения, и цель данной статьи — обратить на них внимание исследователей.

- ¹ *Мирошина Т. В.* Раскопки некрополя у пос. Кучугуры//АО 1985 г. М., 1987.
- ² Удалось определить только нижнюю часть мужского скелета неопределенного возраста и череп ребенка до 7 лет. Определение Г. П. Романовой.
- ³ Определение монет В. К. Голенко.
- ⁴ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. М., 1969. С. 104. Рис. 105—106; *Kleiner G.* Tanagrafiguren: Untersuchungen zur hellenistischen Kunst und Geschichte. В., 1942. S. 99, Taf. 8; S. 94, Taf. 43 a.
- ⁵ Античная коропластика. Л., 1976. С. 12; *Higgins R. A.* The discovery of Tanagra statuettes//Apollo. Salerno, 1962. V. 76, N 8. P. 588; *Kleiner G.* Tanagrafiguren... S. 170—171.
- ⁶ *Neutsch B.* Studien zur vortanagraisch-attischen Koroplastik//JDI. 1952. H. 17; *Thompson D. B.* The origin of Tanagras//AJA. 1966. V. 70. P. 51, 63; *Higgins R.* Greek terracottas. L., 1967. P. 99, 100.
- ⁷ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. С. 101—110; *Kleiner G.* Tanagrafiguren... S. 170.
- ⁸ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. Рис. 105, 106; *Усачева О. Н.* Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп //КСИА. 1983. Вып. 174; *Kleiner G.* Tanagrafiguren... Taf. 43a.
- ⁹ Терракотовые статуэтки//САИ. 1974. Вып. Г1—11, ч. 3. Табл. 18, 1; Терракоты Северного Причерноморья//САИ. 1970. Вып. Г1—11, ч. 1. Табл. 25, 2; *Winter F.* Die Typen der figurlichen Terrakotten. В.; Stuttgart, 1903. Bd. 2. Fig. 38, 1; *Kleiner G.* Tanagrafiguren... S. 99, Taf. 8.
- ¹⁰ *Белов Г. Д.* Терракоты Танагры. Л., 1968. Рис. 13, 33.
- ¹¹ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. С. 103, 104; *Белов Г. Д.* Терракоты Танагры. С. 6, 7.
- ¹² *Chesterman J.* Classical terracotta figures. L., 1974. P. 62.
- ¹³ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. С. 121; *Русьева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 8; *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 9.
- ¹⁴ *Nicholls R. V.* Type, group and series: a reconsideration of some coroplastic fundamentals//BSA. 1952. N 47. P. 217—226.
- ¹⁵ *Бритова Н. Н.* Греческая терракота. С. 124.
- ¹⁶ *Grandjouan C.* Terracottas and plastic lamps of the roman period//The Athenian Agora. Princeton (N. J.), 1961. V. 6. P. 3, 4.
- ¹⁷ *Higgins R. A.* Catalogue of the terracottas in the Department of Greek and Roman antiquities//Brit. Mus. L., 1954. P. 5.
- ¹⁸ *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Leipzig, 1879. Bd. 2. S. 127; *Higgins R. A.* Op. cit. P. 5.
- ¹⁹ *Caley E. R.* Ancient greek pigments from the Agora//Hesperia. Baltimore, 1945. V. 14, N 2. P. 154. Tab. III.
- ²⁰ Ibid. P. 155.
- ²¹ *Русьева А. С.* Античные терракоты... С. 8, 9; *Kühler R.* Zum Formwandel in der spatantiken Tonplastik//JDA. 1952. Bd. 67. S. 139.
- ²² *Nicholls R. V.* Op. cit.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Усачева О. Н.* Указ. соч. С. 82.

КОРИНФСКАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗ ГОРГИППИИ. (РИМСКИЕ И МАЛОАЗИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ)

Исследуемая коринфская капитель (рис. 1, б) найдена в окрестностях г. Анапы — в Супсехе — в 1982 г. Капитель выполнена из белого мрамора и сохранилась почти полностью, за исключением волюты и завершений листьев. Она имеет квадратное основание со стороной опорного квадрата в 31,0 см, в центре которого выбит паз для крепления — $2,5 \times 4,0$ см. Высота капители — 40,0 см, почти в центре абаки сделано прямоугольное отверстие $3,0 \times 6,0$ см.

С двух противоположных сторон капители на всю ее высоту высечены вертикальные пазы шириной 7,0 см и глубиной 2,5—5,0 см, которые указывают на то, что капитель венчала двухстороннюю пилястру (рис. 2). Справа и слева от паза на ширину 3—5 см все выступающие части капители стесаны и создана вертикальная плоскость для примыкания стены толщиной около 12—15 см. Эти полосы примыкания замаркированы индексами N и p, гравированными у нижнего края капители (для правильной ориентации при монтаже?).

Композиционно капитель расчленена на три яруса. Первые два образованы рядами листьев аканта (если бы капитель была обработана по всему периметру, в каждом ряду было бы 8 листьев). Третий ярус составляют волюты и обратные завитки, поддерживаемые листьями, из которых они как бы вырастают. Между завитками на лицевых сторонах проходит вертикальный стебель, оканчивающийся на середине абаки цветком (не сохранились). Все это в целом соответствует каноническому римскому варианту коринфского ордера.

Однако в пропорциональных отношениях и прорисовке деталей можно заметить ряд специфических особенностей и отступлений от канона.

Капитель кажется более массивной и монументальной, чем каноническая. Отчасти это объясняется квадратной формой плана, отчасти, очевидно, художественным вкусом мастеров. Тело капители (без абаки) имеет форму, близкую к кубической; абака тяжелая и большого выноса, вследствие чего волюты расходятся полого, под углом в 30° . Листья нижнего ряда сильно увеличены и занимают почти половину высоты капители (против канонической одной трети).

Основная сложность интерпретации пропорциональных отношений капители заключается в том, что нам неизвестны габариты основания пилястры (т. е. модуль ордера). Исходя из размеров опорной площадки колокола капители, который должен был располагаться на отвесе dna каннелюр, можно определить ширину по верху ствола пилястры в 34,5—35,0 см. Вероятно, пилястра была прямоствольной, но, может быть, она расширялась книзу, приближаясь к 40 см.

В таблице приведены обмерные данные капители в сравнении с каноническими размерами в модульных единицах и сантиметрах (рассматривается два возможных варианта модуля — 34,5 и 40 см)*.

Из таблицы видно, что высота капители кажется построенной на модуле 34,5 см, ширина же ее и параметры абаки совпадают или близки к построенным на модуле 40,0 см. Что же касается промежуточных членений капители, то они кажутся произвольными. Правда, необходимо учитывать, что модульные отношения, которые рекомендует Витрувий и вслед за ним Палладио, рассчитаны на пропорционирование круглой колонны. При переходе к квадратному основанию неизбежны определенные коррективы. В частности, квадратная форма плана со стороной,

* Канонические пропорции взяты по Палладио, так как его система более разработана, уточняет некоторые неясности у Витрувия на основании собственных обмеров Палладио классических памятников античного Рима¹.

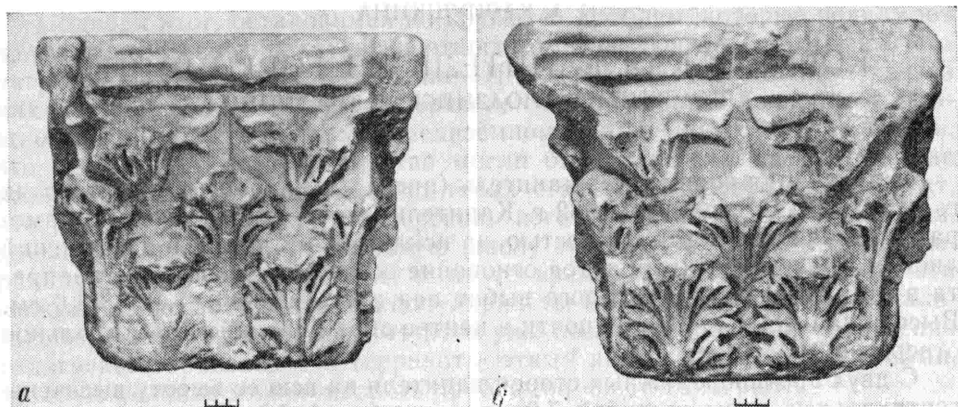

Рис. 1. Мраморная капитель из Горгиппии

а, б — фас

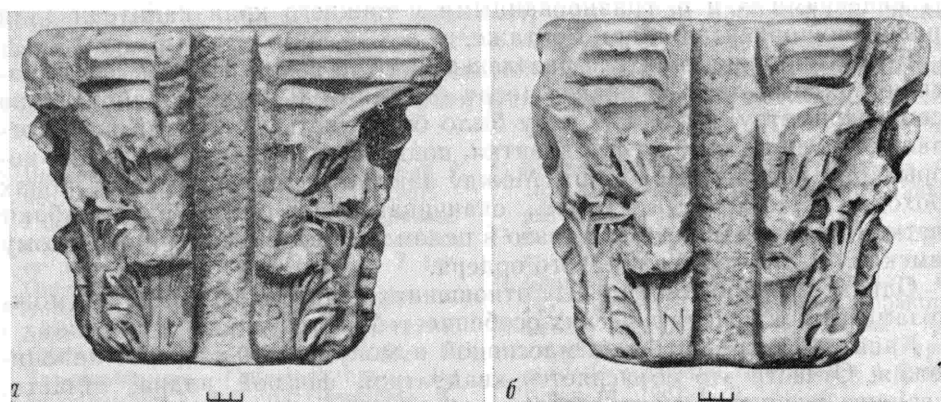

Рис. 2. Мраморная капитель из Горгиппии

а, б — торцовые стороны

равной диаметру круга (т. е. с тем же модулем), обуславливает увеличение периметра капители и соответственно ширины каждого листа. Чтобы сохранить пропорции листа, приходится увеличивать и его высоту. Увеличенная таким образом высота листа при модуле 40,0 см почти полностью (16,7 против 16,5 см) совпадает с зафиксированной в натуре.

Можно сделать вывод, что большинство членений капители подчинено модулю 40,0 см. Говорит ли это о наличии у пилястры энтазиса или о некотором утолщении всего ствола? Во всяком случае, остальные элементы ордера (база, антаблемент), построенные на модуле 35 см, были бы легковесными для такой капители. Что же касается полной высоты пилястры, то при столь сплюсненной капители она вряд ли достигала канонической и находилась в пределах девяти модулей, т. е. не превышала 3,5 м.

Незначительная толщина примыкающей стены дает основание предположить, что пилястра стояла в интерьере и исполняла функцию несущей опоры.

Наиболее ярко своеобразие капители проявляется в прорисовке деталей, в первую очередь акантов (рис. 3, а). Композиция аканта сильно отличается от распространенной в римской архитектуре (и канонизированной), которую Палладио называет «оливковым листом» (рис. 3, б). Оливковый лист в целом и каждая его доля в отдельности имеют округлые контуры, самое широкое место листа у основания. Отсюда почти

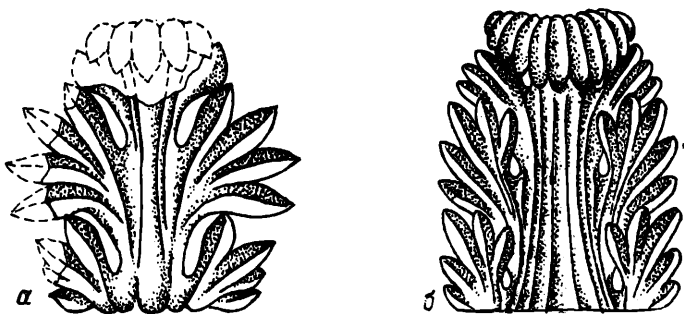
Обмерные данные капители

Габариты отдельных элементов ордера	Канонический размер			Обмер капители, см
	М	М 34,5 см	М 40,0 см	
Высота колокола капители (без абаки)	М	34,5	40,0	33,5
Высота абаки	$\frac{1}{6} М$	5,7	6,5	6,5
Высота первого яруса листьев	$\frac{1}{3} М$	11,5	13,3	16,5
Высота второго яруса листьев	$\frac{1}{3} М$	11,5	13,3	8,0
Высота третьего яруса	$\frac{1}{3} М$	11,5	13,3	9,0
Ширина абаки	$М \frac{1}{2} М$	51,7	60,0	58,0—60,0
Ширина капители по первому ярусу	М—8	30,0	35,0	35,0
Ширина опорной площадки колокола капители	М—14	27,9	31,0	31,0
Высота колонны с базой и капителью	$9М \frac{1}{2} М$	327,8	380,0	
Полная высота ордера	$11М \frac{2}{5} М$	393,4	456,0	

вертикально уходят вверх направляющие всех окончаний. Низ листа как бы срезан астрагалом колонны. Такой акант употреблен в храмах Юпитера Статора, Марса Ультера, в Пантеоне и других выдающихся постройках Рима.

Акант горгиппийской капители сохраняет ярко выраженную перистость и остроту очертаний, свойственную греческим образцам (например, капитель памятника Лисикрату в Афинах). Направляющие долей и перьев резко расходятся в стороны от центрального стержня и

Рис. 3. Лист аканта
 а — лист аканта мраморной капители из Горгиппии;
 б — канонизированный римский лист аканта

подчеркнуты интенсивным жестковатым рельефом. Вторые снизу доли аканта сильно увеличены, так что наибольшая ширина приходится на середину высоты листа. Это придает аканту некоторое сходство с кленовым листом, которое усиливается благодаря длинным и глубоким просечкам между долями.

Римский лист расчленен на семь долей, а горгиппийский — на пять. Если последние расчленения и были (листья сверху сбиты), то они носили рудиментарный характер.

Художественное совершенство и композиционная завершенность не позволяют считать капитель неумелым подражанием римским образцам. Очевидно, сказались греческие, точнее, малоазийские традиции. Кроме характера аканта, это подтверждается и некоторыми другими художествен-

венными особенностями. Так, соседние листья в ряду соприкасаются в одной точке (на уровне средней доли), просвет между ними, изобилующий резкими изломами, играет активную роль в общей композиции капители. Такое обостренное чувство интервала — отличительная черта греческого искусства.

На территории Северного Причерноморья неизвестны капители подобной конструкции.

На территории черноморских колоний прямые аналогии такой манеры исполнения аканта встречены в Томах — милетской колонии, долгое время сохранявшей тесные связи с метрополией и греческие традиции в искусстве, даже после того как город попал в начале нашей эры под римское влияние². В самом Милете подобный акант встречается в Термах Фаустины (II в. н. э.) и в «инкрустационных» капителях из Зала Муз³. Достаточно похоже изображены листья аканта и на капителях Большой колоннады лагеря Диоклетиана в Пальмире (II в. н. э.)⁴.

Капители II в. н. э., найденные в Томах в XIX в., близки к горгиппийской и по общей композиционной структуре. В плане они также квадратные, обработаны с трех сторон и венчали пилястры, обрамлявшие проход.

Хотя примеры устройства перегородок между несущими опорами встречаются в эллинских храмах начиная с VII в. до н. э. (храмы Аполлона в Ферме в Этолии, Зевса в Олимпии, Афины Паллады в Приене, Артемиды Левкофриены в Магнесии на Меандре)⁵, но появление ордерных пилястр связано с развитием римской архитектуры. Квадратные в плане пилястры, расчленяющие и обогащающие поверхность стены, становятся излюбленным элементом римской архитектуры со II в. н. э. и получают распространение на периферии империи.

Официальная архитектура первых веков нашей эры в городах Северного Причерноморья по эстетическим и архитектурным нормам приближалась к уровню провинциальных средиземноморских, понтийских и малоазийских стандартов⁶.

Последний период расцвета в Северном Причерноморье приходится на II в. н. э. В равной мере это относится и к Горгиппии — самому восточному городу Боспорского царства, который во II в. н. э. переживал подъем экономической и культурной жизни⁷. И. Т. Кругликова, впервые детально изучившая район Горгиппии, считает, что общественные здания, находившиеся на агоре, по своей архитектуре напоминают постройки в современных Горгиппии городах Средиземноморья⁸. Особенно интересным в этой связи представляется мнение И. Р. Пичикяна, выделяющего мраморные фрагменты из Горгиппий в особую группу архитектурных деталей Азиатского Боспора⁹.

В Горгиппии в то время строились храмы Афродиты Навархиды, Посейдона¹⁰. И. Т. Кругликова предполагает, что существовал храм Деметры¹¹. Вполне вероятно также существование храма, посвященного «Богу высочайшему»¹².

С территории Анапского р-на происходят еще 6 крупных фрагментов коринфских капителей. По пропорциям и характеру сырья их можно отнести к разным постройкам, возведенным практически одновременно. На это указывает единообразная манера изображения листьев аканта на всех найденных фрагментах. (Не исключено, что находки из Горгиппии и Том¹³ имеют общее происхождение.)

Можно предполагать, что коринфская капитель из Горгиппии относилась к одному из монументальных общественных зданий, построенных во II в. н. э. на территории города и сохранивших, несмотря на римское влияние, устойчивые малоазийские традиции. По мнению И. Р. Пичикяна, римское влияние не было непосредственным, а являлось результатом взаимовлияния римской и малоазийской архитектуры того времени и осуществлялось через Малую Азию¹⁴.

- ¹ *Галладио А.* Четыре книги об архитектуре. М., 1936; *Витрувий.* Десять книг по архитектуре. М., 1936.
- ² *Канараке В.* Археологический музей в Констанце. Бухарест, 1967. С. 35; *Bordenache G.* Attività edilezia a Tomi nel ii secolo dell E. N.//Dacia. N. S. 1960. V. 4. P. 270. Fig. 7; *Idem.* Sculpture greche e romane del Museo nazionale di antichità di Bucarest. Buc., 1969.
- ³ *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965; *Wiegand Th.* Milet: Die Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. B. 1906. S. 51, Abb. 64; S. 62, Abb. 77.
- ⁴ *Michalowski K.* Palmyre. W-wa, 1959. S. 64—65; 1960. S. 95. Fig. 97; 1961. S. 93. Fig. 94.
- ⁵ *Kawerau G., Soteriadis G.* Der Apollo-Tempel zu Themenos//Antike Denkmäler. V. 1908. Bd. 2; *Durm J.* Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910; *Dörpfeld W.* Alt-Olimpia. B., 1935. Bd. 1—2; *Dinsmore W. B.* The architecture of ancient Greece. L., 1950; *Wiegand T., Schrader H.* Priene. B., 1904; *Lawrence A. W.* Greek architecture. L., 1957; *Humann C.* Magnesia am Mäander. B., 1904.
- ⁶ *Сорокина Н. П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья//ВИА. М., 1973. Т. 2; *Быков В. Е.* Архитектура эпохи эллинизма//Там же; Архитектура античного мира. М., 1940; Античный город. М., 1963; Античные государства Северного Причерноморья. М.; Л., 1955; *Татаркевич В.* Античная эстетика. М., 1977; *Пичикян И. Р.* Боспорские антаблемнты первых веков нашей эры//СА. 1975. № 1; *Он же.* Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.//ВДИ. 1975. № 1; *Он же.* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков нашей эры//ВДИ. 1976. № 4; *Он же.* К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам//КСИА. 1978. Вып. 152; *Он же.* Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984.
- ⁷ *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- ⁸ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань, Горгияппия, Анапа. М., 1975. С. 28.
- ⁹ *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. С. 243.
- ¹⁰ КБН № 1115, 1134.
- ¹¹ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань... С. 52.
- ¹² *Савостина Е. А.* Об архитектурных фрагментах из Горгияппии//Горгияппия I: (Материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар, 1980. С. 51.
- ¹³ *Канараке В.* Археологический музей... С. 35; *Bordenache G.* Attività edilezia...; *Idem.* Sculpture greche...; *Canarache V.* Tezaurul de sculpturi de la Tomis. Buc., 1963.
- ¹⁴ *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. С. 255—256.

В. М. ЗУБАРЬ, Т. И. КОСТРОМИЧЕВА

НОВЫЙ АУРЕУС ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРСОНЕСА

В январе 1986 г. Херсонесским историко-археологическим заповедником была приобретена золотая монета, обнаруженная вместе с большим количеством керамики во время обработки садового участка на территории современной Балаклавы¹.

Л. С. Изображение головы императора Нерона в венке вправо. Надпись: NEROCAESAR AVGUSTUS

Об. с. Юпитер с молнией и скипетром, сидящий на троне влево. Надпись: IUPPITER CUSTOS

Вес монеты 7,09 г, проба 958° (рис. 1).

Описанный ауреус не датирован и относится ко времени правления императора Нерона (54—68 гг.)². Однако, исходя из веса монеты, время ее чеканки все же можно уточнить. В период правления Августа ауреус весил 8,19 г, а в начальный период правления Нерона (54—63 гг.) — в среднем 7,64 г³. Дальнейшее уменьшение веса золотых монет произошло во второй период правления Нерона (64—68 гг.), когда император порвал с сенатом и стал на путь всяческих злоупотреблений⁴. Вес ауреуса был снижен до 7,04—7,31 г⁵. Исходя из веса публикуемого ауреуса, а также надписи IUPPITER CUSTOS на оборотной стороне, которая появляется на монетах Нерона только с 65 г.⁶, ауреус из Балаклавы может быть отнесен к 65—68 гг.

Подобных ауреусов в коллекции Херсонесского историко-археологического заповедника до сих пор не было. Что же касается вообще римс-

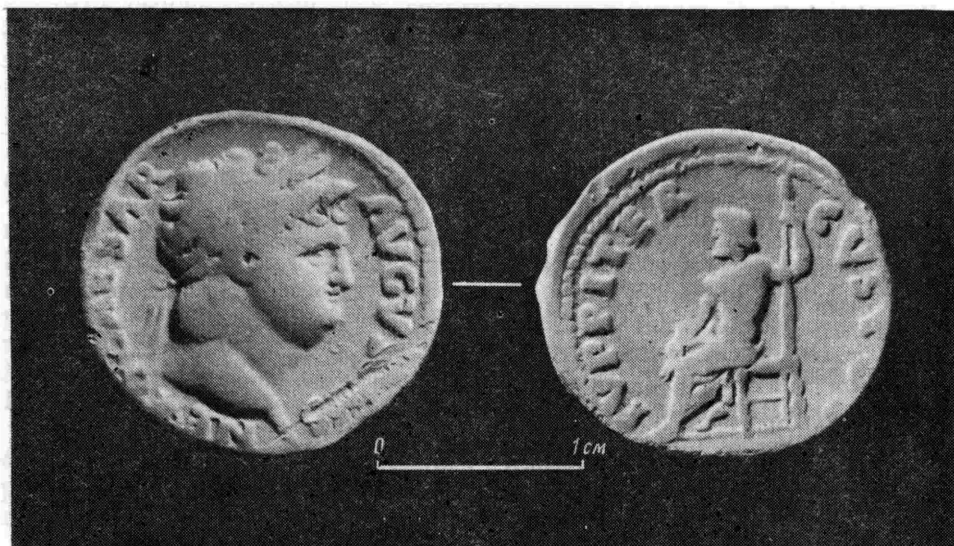

Рис. 1. Ауреус времени правления императора Нерона из Балаклавы

ких золотых монет, обнаруженных на территории Херсонеса, то такие находки ограничиваются единичными экземплярами. Это ауреус Тиберия (14—37 гг.), найденный в районе южной линии оборонительных стен города, и солид времени императора Гонория (395—423 гг.)⁷. К золотым монетам, найденным на территории Херсонеса, А. М. Гилевич относит и субэратный ауреус Филиппа Араба (244—249 гг.)⁸. Несмотря на то что внутри монета была медной, в древности она обращалась наравне с золотой⁹.

То обстоятельство, что новый ауреус найден на территории Балаклавы, позволяет предположить, что уже во время похода Плавтия Сильвана в Крым, который состоялся в середине 60-х годов I в.¹⁰, район современной Балаклавы был включен в орбиту действий римских войск. Такое предположение хорошо согласуется с тем, что в ходе военных действий в Крыму римские войска предприняли ряд сухопутных операций, основной задачей которых было ослабление скифов и тавров, а также защита территории Херсонесского государства от посягательств извне¹¹. Очевидно, именно в то время на мысе Ай-Тодор возникает римский опорный пункт Харакс¹². В то же время в огне пожаров гибнет ряд позднескифских городищ и укреплений¹³.

Впоследствии, когда с середины II в. н. э. в Херсонесе и Хараксе вновь были размещены римские войска, через нынешнюю Балаклаву проходила сухопутная дорога, которая связывала между собой эти два важных в стратегическом отношении опорных пункта¹⁴. Такой вывод подтверждается рядом данных. В 1928 г. в с. Кадыковка (бывш. Кадыккой), недалеко от современной Балаклавы, был найден фрагмент мраморной плиты с надписью II в., в которой дважды упоминается Л. Аррий Алквиад, военный трибун и командир римских войск, известный по переписке населения Херсонеса с римской администрацией по поводу про-ституционной подати¹⁵. По мнению Э. И. Соломоник, этот фрагмент надписи мог быть копией какого-то решения или приказа Л. Аррия Алквиада, которая была выставлена на месте дислокации римского военного отряда¹⁶. В 1980 г. в том же с. Кадыковка была обнаружена прямоугольная надгробная стела, в верхней части которой был изображен всадник, а ниже вырезана эпитафия Юлия Валеса из алы Атекторегиана, датирующаяся по шрифту не позднее II в.¹⁷

Помимо этого, на территории Балаклавы и в ее окрестностях был открыт ряд археологических памятников, свидетельствующих о наличии

в этом районе следов поселений и могильников первых веков нашей эры. В 1855 г. подполковник английской армии Монро на Балаклавской скале зафиксировал следы городища римского времени¹⁸. В 1890 г. в районе Балаклавы В. Н. Юргевичем был открыт могильник Кефало-Вреси¹⁹, который Н. И. Репников на основании найденных в погребениях светильников и краснолаковой посуды датировал римской эпохой²⁰. В 1891 г. на винограднике Д. С. Генкеля была обнаружена бронзовая статуэтка Гермеса²¹, которую на основании аналогий можно отнести ко II—III вв. и предположительно связать с дислокацией здесь римского военного отряда²². В 1955 г. во время строительных работ в Балаклаве был найден красноглиняный кузшин и светильник III—IV вв., которые поступили на хранение в Херсонесский музей²³, а в 1974 г. были обнаружены золотая серьга со щитком в виде Гераклова узла, два светильника III—IV вв. и бронзовая монета херсонесской чеканки²⁴.

Таким образом, есть все основания предполагать, что в середине I, а затем с середины II в. и вплоть до вывода римских войск из Херсонеса и Харакса в районе современной Балаклавы размещался римский гарнизон, а возможно, пост бенефициариев, контролировавший сухопутную дорогу из Херсонеса в Харакс²⁵. Справедливость этого предположения может быть подтверждена или опровергнута только новыми археологическими исследованиями в районе Балаклавы, но уже сейчас есть ряд вполне надежных данных, говорящих в его пользу, а публикуемый aureus времени заключительного этапа правления императора Нерона является важным тому подтверждением.

- ¹ Монета куплена у Ю. И. Лаптева (г. Балаклава).
- ² *Cohn A. E. Numismatische Bücher. Frankfurt a. M., 1929. N 65; Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. L., 1976. V. 1. P. 208—211. Pl. 39, 16—23.*
- ³ *Зограф А. Н. Античные монеты//МИА. 1951. № 16. С. 52; Mattingly H. Op. cit. P. 21.*
- ⁴ *Suet. Nero, 32; Tac. Ann. XV, 45; XVI, 3.*
- ⁵ *Mattingly H. Op. cit. P. 21.*
- ⁶ *Ibid. P. 124.*
- ⁷ *Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.//ИАК. 1902. Вып. 4. С. 119; ОАК за 1891 г. 1893. С. 10. Обе монеты в свое время были отправлены в Археологическую комиссию.*
- ⁸ *Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса//НС. 1968. Вып. 3. С. 32, 56, № 34.*
- ⁹ Римская императорская чеканка I в. в коллекции Херсонесского заповедника представлена 13 серебряными (время императоров Тита, Домициана, Веспасиана) и 11 медными монетами. Регулярное поступление римских монет в город А. М. Гилевич относит к середине I в. и связывает с укреплением именно в то время связей Херсонеса с Римом. См.: *Гилевич А. М. Указ. соч. С. 31.*
- ¹⁰ *Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков, 1981. С. 20, 21; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 90—92.*
- ¹¹ *Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э.//ВДИ. 1941. № 1. С. 92; Кадеев В. И. Указ. соч. С. 21.*
- ¹² *Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость//ЖМНП. 190. Март. С. 158; Блаватский В. Д. Харакс//МИА. 1951. № 19. С. 288.*
- ¹³ *Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг.//КСОАМ. Одесса, 1964. С. 54; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг.//КСИА. 1967. Вып. 109. С. 65; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг.//КСИА. 1972. Вып. 130. С. 62; Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника//СА. 1980. № 3. С. 211; Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории//КСИА. 1970. Вып. 124. С. 36; Яценко И. В., Попова Е. А. Исследование западных кварталов скифского поселения в Евпатории//АО 1975 г. М., 1976. С. 413; Высотская Т. Н., Лобода И. И. Работы Альминского отряда//АО 1975 г. М., 1976. С. 31; Они же. Раскопки Усть-Альминского городища и некрополя//АО 1977 г. М., 1978. С. 309.*
- ¹⁴ *Соломоник Э. И. Алтарь Немезиды из Херсонеса//ВДИ. 1960. № 2. С. 133—139; Она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 127.*
- ¹⁵ *IRE. 1². № 404.*
- ¹⁶ *Соломоник Э. И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи//НЭ. 1974. Т. 11. С. 34—36.*
- ¹⁷ *Кадеев В. И. Херсонес ... С. 27, 28.*
- ¹⁸ *Репников Н. И. О характере римской оккупации Южного берега Крыма//СА. 1941. № 7. С. 125.*
- ¹⁹ *Юргевич В. Н. Донесение о поездке в Крым в 1861 г.//ЗОИИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 980, 981.*
- ²⁰ *Репников Н. И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и Байдарской долине в 1907 г.//ИАК. 1909. Вып. 30. С. 126.*

- ²¹ ОАК за 1891 г. 1893. СПб. С. 131. Рис. 138; Белов Г. Д. Бронзовые статуэтки из Херсонеса//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 28. Рис. 4.
- ²² Величковий М. Римска ситка бронзина пластика у Народном музеју. Београд, 1972. С. 22—36, № 15—49; *Ogdenova-Marinova*. Statuettes en bronze du Musée National Archeologique à Sofia. Sofia, 1975. P. 100—112, N 95—125.
- ²³ Маликов В. М. Отчет о поездке в Балаклаву в августе 1958 г. в связи с обнаружением там случайных находок//Арх. ГХЗ. 1959. Д. 786. Л. 1—4.
- ²⁴ Вещи куплены Херсонесским музеем у Д. Я. Указникова (г. Балаклава).
- ²⁵ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники... С. 121—132; Она же. Несколько неизданных надписей... С. 36.

В. И. ВИШНЕВСКИЙ

РАСКОПКИ КИКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Кикинское городище находится на высоком левом берегу р. Вели (левый приток р. Дубны) в 1 км выше с. Кикино Дмитровского р-на Московской обл., занимает вытянутый мыс при устье небольшого ручья, отделенный от коренного берега глубоким оврагом. Площадь городища около 5600 кв. м (рис. 1), рельеф ровный, склоны, обращенные к реке, имеют крутизну до 40°. Здесь имеется осыпь. Высота площадки городища от уровня реки 20—25 м. С напольной ее стороны прослежены остатки вала высотой 4 м, шириной по вершине 6 м и длиной 20 м.

Урочище «городище» у с. Кикино упоминалось еще З. Д. Ходаковским¹. Памятник был открыт в 1973 г. Н. А. Кренке, обследован нами в 1984 г. На площадке городища заложены три шурфа, один из которых (№ 2) развернут в раскоп площадью 182 кв. м.

Культурный слой на всей площадке городища однороден, в южной части имеет мощность 0,15—0,20 м и лежит непосредственно на материке. В центре площадки и на северном ее краю культурные отложения лежат на предматериковом слое и месте с ним имеют толщину 0,4—0,7 м. Этот слой представляет собой светло-коричневую супесь, образован, очевидно, инфильтрацией культурного слоя (темно-коричневой супеси) в материк, представленный здесь желтым моренным песком с галькой. Четкая граница между ними отсутствует.

Почти в центре раскопа обнаружено подпрямоугольное в плане углубление в материке размером 3×1,3 м, глубиной от уровня материка 0,5—0,6 м. В обоих концах углубления круглые в плане ямы диаметром 0,4—0,5 м и глубиной от уровня материка 0,8—0,9 м с крутыми краями. Заполнение ям представляет собой супесь интенсивно черного цвета, в которой встречались крупные камни, фрагменты керамики, обломки костяного наконечника стрелы и какого-то изделия из глины. В южном и северном углах раскопа выявлены скопления крупных камней, часто обгорелых и колотых, насыщенные углистыми прослойками. Диаметр этих скоплений составляет 1,5—2,5 м. В северном скоплении обращают внимание находки лячек, кусков железных шлаков, а в южном — многочисленной сильно ошлакованной керамики и большого зольного пятна. Возможно, здесь были постройки, связанные с металлургией. Размещение вблизи вала производственных построек отмечено на Троицком² и Кубринском³ городищах.

Зафиксированы небольшие хозяйственные ямы диаметром около 1 м и глубиной 0,5 м.

Траншея шириной 2 м протянулась от раскопа и прорезала вал под углом 75°. Мощность культурного слоя здесь увеличивается и у подножия вала достигает 0,9 м. На отрезке между валом и раскопом обнаружены следы, по-видимому, оборонительных сооружений в виде ровика шириной около 0,5 м и глубиной 0,8—1 м от уровня материка, идущего параллельно насыпи вала к краю площадки. Скорее всего, это остатки:

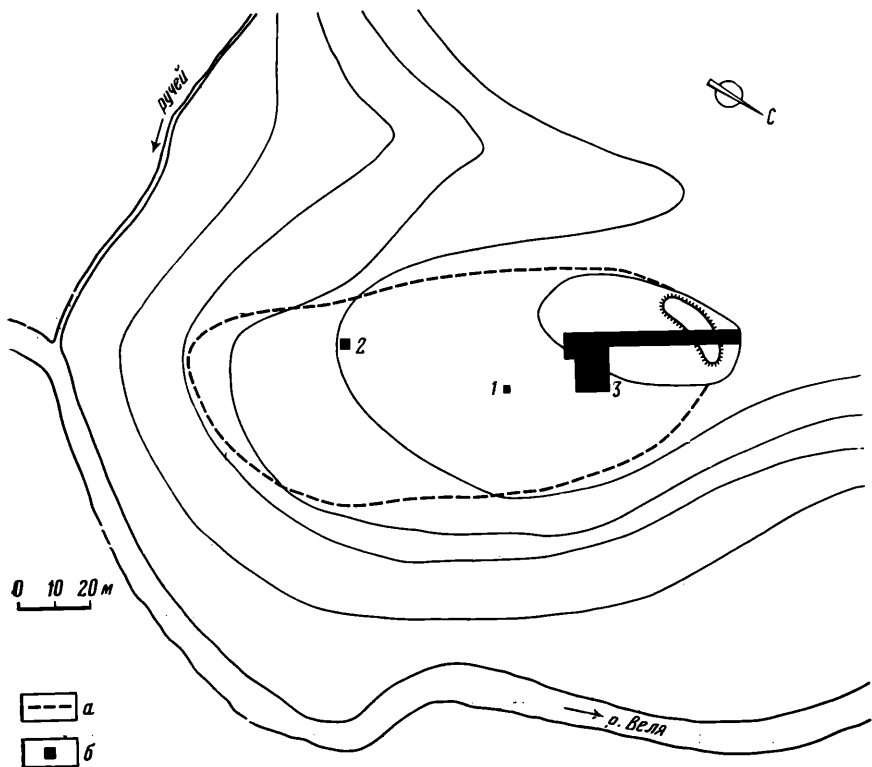

Рис. 1. План Кикинского городища
 а — граница площадки; б — шурфы и раскоп

частокола, окружавшего поселение на раннем этапе его существования. В заполнении ровика интенсивно черный углистый слой. Между ровиком и краем оползших слоев вала в материке отмечены следы сгоревших круглых кольев, также расположенных вдоль края площади в два или три ряда. Их можно трактовать как остатки оборонительной стены плетневой конструкции.

Стратиграфия вала сложная. Толщина напластований здесь составляет 4 м, причем слагающие вал слои по большей части представляют собой рыхлую супесь, насыщенную галькой и крупными камнями. Из такой же породы сложен край напольной части мыса.

История оборонительных сооружений городища представляется в следующем виде. Первоначально на краю мыса была сделана подсыпка из культурного слоя и материковой галечной супеси и на ней поставлены деревянные укрепления, о гибели которых свидетельствуют прослойки сгоревшего дерева и обожженной супеси. Позднее на том же месте насыпь из культурного слоя была увеличена. При раскопках в ней найдены костяная трубка и фрагмент гладкостенного сосуда с насечкой по венчику и ямочным сквозным отверстием на шейке (рис. 2, 7; 4, 1). Сооружения, стоявшие на этой подсыпке, были сожжены. Их следами являются обугленные бревна диаметром 15—20 см, лежащие вдоль насыпи, и полукруглые в сечении плахи, положенные поперек ее.

Еще позднее оборонительные сооружения были расположены несколько дальше от края мыса. Их остатки представляют собой крупные обугленные плахи, лежащие как вдоль, так и поперек насыпи бревна диаметром до 20 см, лежащие вдоль насыпи, а также слои обожженной супеси оранжевого цвета. Плахи, возможно, были остатками сгоревших перекрытий каких-то сооружений. В насыпи, подстилавшей описанные конструкции, найдены фрагменты лепной керамики, в том числе с сетчатой поверхностью, и кости.

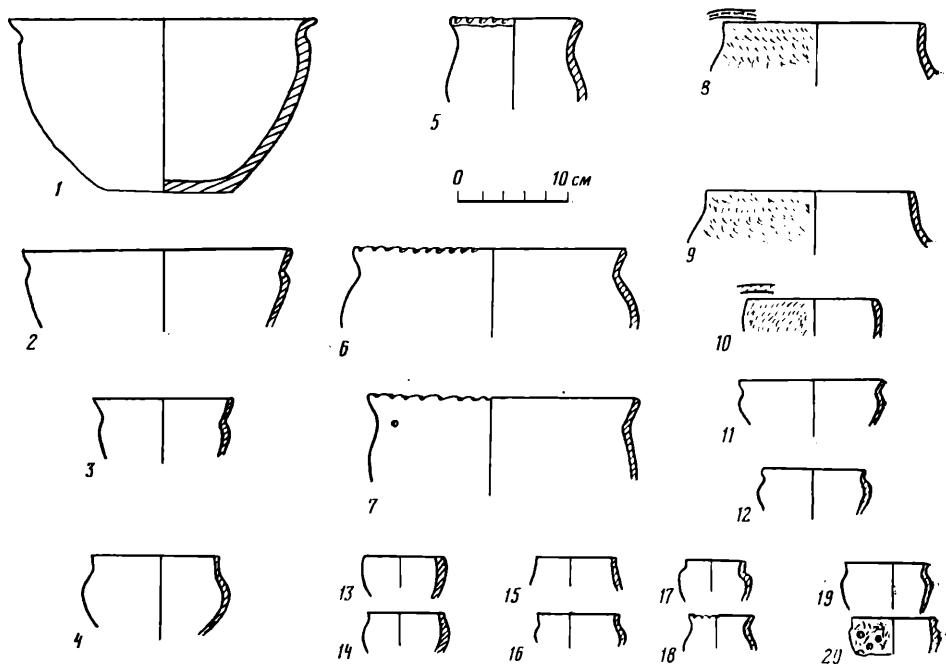

Рис. 2. Образцы сосудов Кикинского городища

1—7, 13—19 — гладкостенная керамика; 8—10, 20 — сетчатая керамика; 11—12 — лощеная керамика

Последний этап развития оборонительной системы представлен перекрывшей все предшествующие сооружения насыпью, образовавшей ныне наблюдаемый вал шириной по основанию 15 м и высотой 4 м. Толщина насыпи последнего периода равна по мощности всем предшествующим наслоениям и составляет 2 м. Состоит она почти полностью из материковой галечной супеси, в которой обнаружены главным образом фрагменты гончарной керамики. Судя по формам этих сосудов, последние оборонительные сооружения возводились на Кикинском городище в период позднего средневековья.

Керамический комплекс из раскопок составляет более 4 тыс. фрагментов сосудов, из которых 3775 лепных. Обнаруженная здесь круговая керамика не относится к основному комплексу культурного слоя, так как найдена либо в верхнем его пласте, либо в верхней части насыпи вала. Лепная керамика делится на три группы: гладкостенную, сетчатую и лощеную.

Гладкостенная посуда составляет подавляющую часть комплекса (98, 25%) и представлена горшками, миниатюрными сосудами и фрагментами крышки. Горшки в основном профилированные, округлобокие, развитых форм, с отогнутым наружу венчиком, коротким или удлиненным. Диаметр их горла колеблется от 12 до 35 см. Встречаются горшки с отогнутым под углом удлиненным прямым венчиком (рис. 2, 2—3), с вертикальным венчиком, (рис. 2, 4), высокие горшки с узким дном и плавно отогнутым венчиком, край которого орнаментирован насечкой (рис. 2, 5). Целых или почти целых горшков немного. Сохранившиеся венчики имеют главным образом прямоугольный профиль, переход от венчика к плечу сосуда большей частью резко выделен, но иногда отогнутый небольшой венчик плавно переходит в округлое плечико и тулово (рис. 2, 6—7). Почти половина найденных дниц с закраиной.

Обнаружены семь миниатюрных сосудов диаметром 6—8 см. Два из них изготовлены из грубого теста, толстостенные усеченно-конической и округлой форм (рис. 2, 13, 14), пять округло-бокие развитых форм (рис. 2, 15—19), один из них имеет насечку по краю. На фрагменте крышки,

А

1	Ямчатый	4	Штамповый	7	Тычковый
2		5		8	
3		6		9	
10	Гребенчатый	13	Ногтевой	16	
11	Веревочный	14	Прочерченный	17	
12	Защипной	15		18	

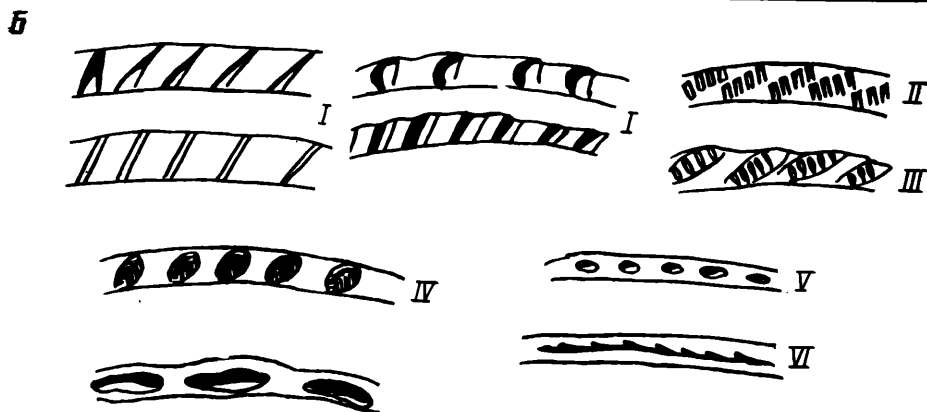

Рис. 3. Элементы и композиции орнамента на керамике Кикинского городища
 А — по стенкам; Б — по краю венчиков: I — насечка; II — гребенчатый; III — веревочный; IV —
 штамповый; V — ямчатый; VI — линейный

которая в целом виде имела 15 см в диаметре, прочерченный орнамент по краю.

Орнаментация отмечена всего на 56 фрагментах сосудов (1,5% комплекса гладкостенной керамики). В 25 случаях ямочный, веревочный, штамповый, ногтевой и защитный, гребенчатый и прочерченный орнамент расположен на стенках (рис. 3, А). На 31 фрагменте орнамент расположен по краю венчика. В большинстве случаев это насечки (рис. 3, Б, I), но есть и гребенчатые, веревочные, ямочные отпечатки, а также прочерченные линии (рис. 3, Б, II—VI). Из 202 фрагментов венчиков орнаментация имеют 31, т. е. 15%. Как известно, керамика с орнаментацией по краю венчика (насечка, веревочный, ногтевой) появляется в первых веках нашей эры, но наибольшего распространения достигает в III—VI вв. н. э. Прочерченный орнамент по краю венчиков, встреченный на двух фрагментах с Кикинского городища, И. Г. Розенфельд относит к V—VII вв. н. э.⁴

Сложных орнаментальных композиций на посуде кикинского городища не встречено. Имеется лишь сочетание ямчатого орнамента с веревочным и гребенчатым (рис. 3, А, 16—18), размещение оттисков одного штампа в два-три ряда (рис. 3, А, 7, 11, 13).

Сетчатая керамика представлена 56 фрагментами. Это сосуды баночной и усеченно-конической форм, венчики их прямые, с также прямым, слегка округленным обрезом, донца с закраиной. Сетчатые отпечатки грубые. Только один миниатюрный сосуд имеет орнаментацию в виде неглубоких ямок с плоским дном (рис. 2, 20). На краях венчиков встречается веревочный орнамент (рис. 2, 8, 10).

Лощеная и подлощенная посуда представлена 10 фрагментами. Два венчика чернолощенных тонкостенных сосудов принадлежат, по-видимому, к округлобким приземистым горшкам или мискам (рис. 2, 11, 12).

На городище найдены два фрагмента костяных наконечников стрел. Один из них скорее заготовка, у которой тулово и конец черешка имеют подпрямоугольное сечение. Другой принадлежит наконечнику с прямоугольным сечением и заполированной поверхностью. Полированную поверхность имеет и фрагмент костяной трубки с двумя перехватами (рис. 4, 1). Обнаружены также головка иглы с круглым отверстием (рис. 4, 2) и рукоятка какого-то предмета, проколки или ложила.

Из шести железных ножей два можно отнести к типу I по классификации К. А. Смирнова, т. е. к серповидным (рис. 4, 3, 4), три — к типу V, т. е. прямым с выступом при переходе от полосы к черешку⁵ (рис. 4, 5, 6). Оба типа датируются весьма широко. Один нож имеет узкое прямое закругленное лезвие и тонкий черешок и близок к типу IV по классификации К. А. Смирнова. На черешках двух ножей отчетливо видны волокна древесины — остатки рукоятей. Два шила имеют прямоугольное сечение по всей длине (рис. 4, 9, 10). Обнаружено пластинчатое кресало, расширяющееся в рабочей части, со свернутым в крюк концом (рис. 4, 8), которое исследователи относят преимущественно ко второй половине I тысячелетия н. э.⁶

Бронзовая колокольчатая привеска с тремя треугольными прорезями и петелькой (рис. 4, 12), по мнению И. Г. Розенфельдт, датируется первой половиной VII в. н. э.⁷ Бронзовая булавка со спиральной головкой «в умбон» (рис. 4, 11) имеет аналоги на обширной территории и, вероятно, весьма широкую датировку. Спиральный перстень в два с половиной оборота (рис. 4, 13) из проволоки полукруглого сечения, И. Г. Розенфельдт относит к VI—IX вв. н. э.⁸ Аналогии ему известны на городищах Троицком и Кунцевском, в могильниках Прибалтики. Красные стеклянные бусы — «кирпичики», найденные во фрагментах на Кикинском городище, бытовали в период I—VII вв. н. э.⁹

Из керамических вещей отметим три фрагмента льячек. Две из них имели, очевидно, овальные ковши и круглые в сечении ручки, третья (рис. 4, 15) — рукоятку в виде усеченной пирамиды с круглым каналом и ковш подпрямоугольных очертаний. Найдены шесть целых и один

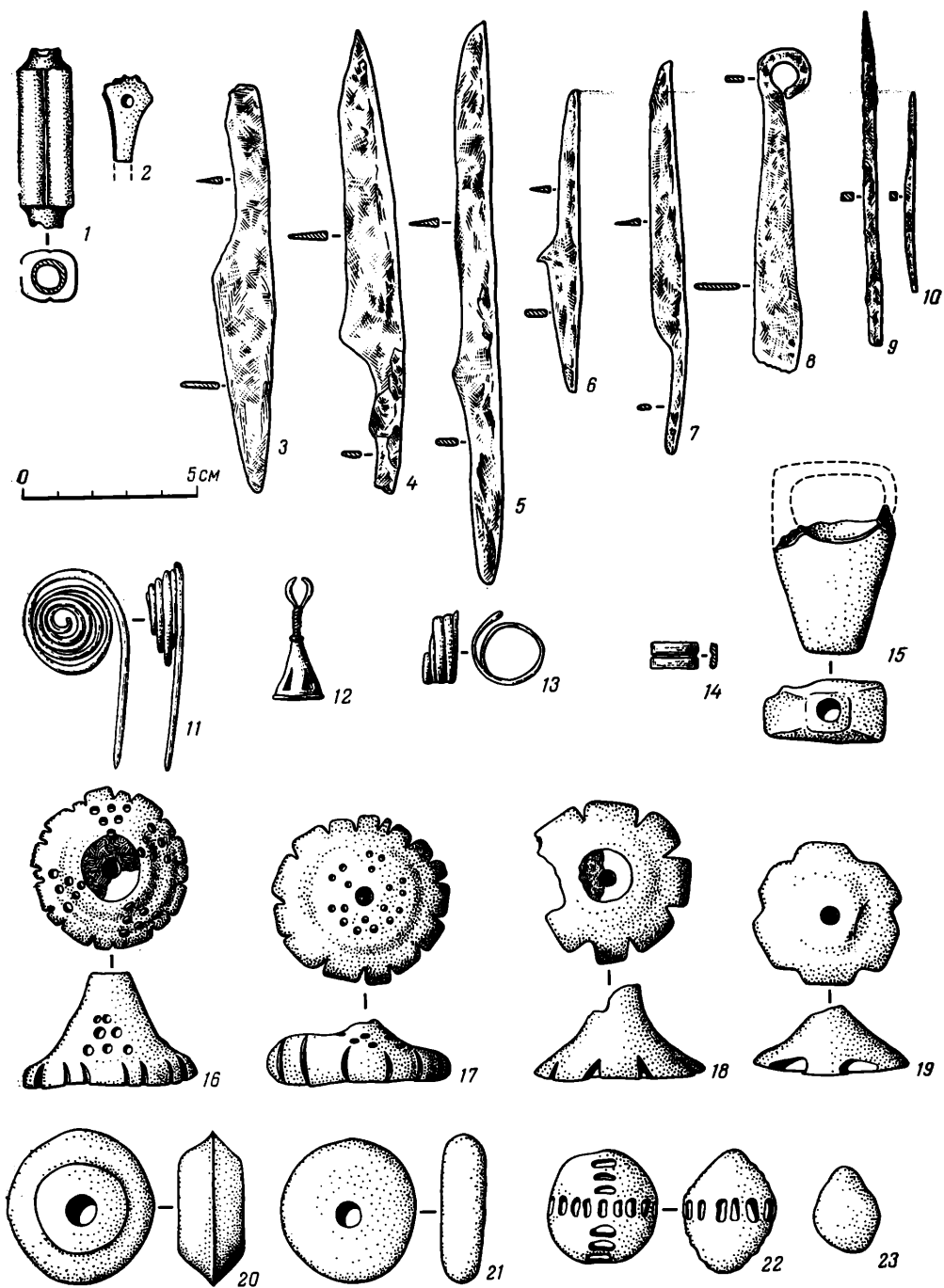

Рис. 4. Находки с Кикинского городища

1—2 — кость; 3—10 — железо; 11—13 — бронза; 14 — стекло; 15—23 — керамика

фрагмент пряслиц, которые относятся к двум типам: прямоугольно-подовального и усеченно-биконического сечения (рис. 4, 20, 21). Диаметр их 3—4 см, диаметр канала 7—10 мм. Одно биконическое пряслице имеет, возможно, расточенные нитями канал.

В коллекции из раскопок имеется пять целых и фрагментированных грузиков дьякова типа. Три из них относятся к типу «конические» по классификации К. А. Смирнова (рис. 4, 16, 18), два имеют уплощенный профиль (рис. 4, 17, 19). Боковые поверхности двух грузиков орнаменти-

рованы. Уплощенный грузик украшен пятью треугольниками из трех точек каждый, конусообразный — четырьмя треугольниками из шести точек: Отметим две керамические игрушки: грушевидную (рис. 4, 23) и шаровидную уплощенную с двумя пересекающимися в перпендикулярных плоскостях поясами крупных зубцов (рис. 4, 22).

Помимо этого, обнаружены часть керамического цилиндрика диаметром 3 см и длиной 1,5 см, фрагменты плоского диска (диаметром 2,5 см) и грубо слепленной лепешки из глины с отпечатками пальцев.

Одно из рыболовных грузил изготовлено из глины с примесями дресвы и травы, имеет цилиндрическую форму, толщину 4 см и диаметр 16 см, диаметр отверстия 2,5 см. Другое грузило — круглое, с линзовидным сечением — вырезано из известняка. Поверхность гладко обточена. Его диаметр 11 см, толщина 2,5 см, диаметр отверстия 1 см.

При промывке культурного слоя, а также среди отпечатков на керамике обнаружены остатки зерен ячменя, проса и пшеницы¹⁰. Среди остеологических находок кости лошади, мелкого рогатого скота, бобра.

Датировать начало жизни на городище можно временем около рубежа нашей эры. Об этом свидетельствуют находки булавки со спиральной головкой, ножей типов I и V, бусины-«кирпичика», кресала с крючком. Судя по находкам спирального перстня и колокольчатой привески, оно могло функционировать до конца I тысячелетия н. э. Очень малое количество сетчатой и лощеной керамики — первая исчезает в III в. н. э. вторая появляется около IV в. н. э.¹¹, распространение орнамента почти исключительно на венчиках сосудов, что имеет место в III—VI вв., появление прочерченного орнамента по краю сосудов, преобладание поздних видов орнамента (плоскодонная ямка, защитной, ногтевой, веревочный) и отсутствие ранних его видов (розетка, крупная гребенка и др.) — заставляет определить приблизительное время существования Кикинского городища в рамках I—III—VII вв. н. э. О сравнительно коротком времени жизни на городище свидетельствует и небольшая мощность культурного слоя.

¹ *Ходаковский Э. Д.* Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории//Сын отечества. 1820. № 39.

² *Дубынин А. Ф., Розенфельдт И. Г.* Постройки Троицкого городища//Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. С. 109.

³ *Станкевич И. Л.* Городище дьяковской культуры Кубринское I//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 52.

⁴ *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М., 1974. С. 147.

⁵ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура// Там же. С. 37, 38.

⁶ Там же. С. 60, 61; *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 145.

⁷ *Розенфельдт И. Г.* Древности... С. 22.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура. С. 58; 59; *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище//Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. С. 46; *Розенфельдт И. Г.* Древности ... С. 62.

¹⁰ Зерна определены в карпологической лаборатории ИА АН СССР Н. А. Кирьяновой.

¹¹ *Розенфельдт И. Г.* Керамика ... С. 177.

ХРОНИКА

Э. Я. НИКОЛАЕВА, О. Н. УСАЧЕВА

РАБОТА ОТДЕЛА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1986—1987 гг.

Основным направлением работы отдела в указанный период являлось исследование античных государств Северного и Восточного Причерноморья и Средиземноморья от архаики до раннего средневековья. Широко стал круг работ по исследованию Закавказья и Средней Азии, продолжает изучаться восточная тематика (работы в Йемене, связи с Индией и Северной Африкой). В 1986 г. начата работа над двухтомником «История Боспора», в написании которой участвуют большинство сотрудников отдела. Ее целью является — обобщение всего археологического материала, полученного за последние 20 лет, пересмотр на базе этого основных проблем истории Боспора (колонизации, экономики, проблем связей с метрополией и варварским миром, этнического состава населения и т. д.), датировка позднеантичных памятников и в этой связи время окончательной его гибели. Сотрудниками разрабатываются темы, посвященные исследованию и интерпретации отдельных памятников (В. С. Долгоруков «Фанагория», Е. М. Алексеева «Горгиппия», Т. М. Арсеньева «Танаис II—III вв. н. э.», А. М. Акопян «Города и поселения Хадрамаута», А. А. Зедгенидзе «Ранний Херсонес»). Общих вопросов истории Боспора непосредственно касаются работы Ю. М. Десятчикова «Греко-иранские контакты (Сираки и Боспор)», Б. Г. Петерса «Военное дело в античных государствах Северного Причерноморья», Э. Я. Николаевой «Боспор IV—VII вв. н. э.», О. Н. Усачевой «Этнический состав населения Боспора в VI—V вв. до н. э.».

Завершен ряд работ: Э. Я. Николаева «Стеклоделие на Боспоре», Ю. М. Десятчиков «Тохары на Боспоре», В. Д. Кузнецов «Греческая колонизация Боспора», А. А. Масленников «Сельские поселения. (Типология)». В. К. Голенко работает над темой «Денежное обращение и монетное дело раннеселевкидского государства», А. В. Сазанов (сотрудник отдела с 1987 г.) — «Краснолаковая и амфорная керамика Боспора II—III вв. н. э.».

За период 1986—1987 гг. вышли в свет сборник «Проблемы античной культуры» (М., 1986), в котором содержатся статьи 15 членов отдела, коллег из разных учреждений и городов, а также зарубежных ученых, монографии И. Т. Кругликовой «Дильберджин, Храм Диоскуров» (М., 1986), Б. Г. Петерса «Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1986), «Сборник КСИА» (М., 1987. Вып. 191) и свыше 60 статей и заметок как в периодических изданиях института (КСИА, СА, АО), так и в зарубежных изданиях. Так, на арабском языке опубликована статья А. М. Акопяна «Городище Рейбун» в сборнике «Результаты работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) за пять лет (1983—1987 гг.)» (Сейюн, 1987), на французском языке статья Г. А. Кошеленко в советско-французском издании «Археология древней Бактрии» (Париж, 1985).

За отчетный период проведено 50 заседаний отдела, на которых заслушано 69 докладов сотрудников отдела, археологов из различных го-

родов и учреждений страны (Москвы, Ленинграда, Еревана, Керчи, Владимира, Бахчисарая, Рязани и т. д.), аспирантов.

Постоянно поддерживаются связи с истфаком МГУ, МГПИ им. В. И. Ленина, а также с ГМИИ им. А. С. Пушкина (рецензирование, редактирование, оппонирование, совместные плановые темы и заседания).

Сотрудники отдела принимают участие в работе научных конференций и симпозиумов: Чтения памяти П. Н. Шульца (Л., 1986) — Ю. М. Десятчиков, А. А. Масленников; 3-я конференция молодых ученых «Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ» (М., 1986) — В. К. Голенко, О. Н. Усачева; конференция «Новейшие методы истории» (Ростов, 1986) — Ю. М. Десятчиков; конференция «Балканы и проблема реконструкции языка и культуры» (М., 1986) — Ю. М. Десятчиков; конференция, посвященная 165-летию Керченского музея (Керчь, 1986) — Ю. М. Десятчиков, А. А. Масленников, Э. Я. Николаева; Всесоюзная конференция «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС» (Суздаль, 1987) — А. М. Акопян, Т. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, Э. Я. Николаева, А. В. Сазанов; Чтения памяти Н. В. Пигулевой (Л., 1987) — Ю. М. Десятчиков, А. В. Сазанов; 5-й Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья (Вани, 1987) — А. М. Акопян, И. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов, О. Н. Усачева; конференция «30 лет Таманской экспедиции» (Тамань, 1987) — Ю. М. Десятчиков, В. С. Долгоруков, Э. Я. Николаева, Б. Г. Петерс; конференция «Культура Востока» (М., 1987) — А. В. Сазанов; 10-я авторско-читательская конференция «Вестник древней истории» (М., 1987) — А. М. Акопян, Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов, А. В. Сазанов; 2-я Всесоюзная нумизматическая конференция (Л., Звенигород, 1987) — В. К. Голенко, А. А. Масленников; конференция по идеологии древних обществ (М., 1987) — А. В. Сазанов; конференция молодых ученых «Актуальные проблемы в современной археологии» (Киев, 1987) — А. В. Сазанов; студенческая конференция по археологическим раскопкам (Владимир, 1986—1987) — Т. М. Арсеньева; советско-французский коллоквиум по проблемам археологии Бактрии и Согда (М., 1986) — Г. А. Кошеленко; XI Международный конгресс союза про- и протоисториков (Майнц, 1987) — Г. А. Кошеленко.

На Чтениях памяти В. Д. Блаватского, состоявшихся в Москве, в феврале 1987 г., помимо сотрудников отдела, выступили с докладами ученые Ленинграда, Одессы, Ялты, Керчи, Харькова, Владимира, Еревана, Баку, Ташкента, Ашхабада. В ежегодных конференциях по результатам работ СОЙКЭ участвовали А. М. Акопян и В. Д. Кузнецов.

Сотрудники отдела продолжают полевые исследования.

Нижне-Донская экспедиция (начальник Т. М. Арсеньева). Исследования велись на территории основного четырехугольника городища. На юго-западном раскопе доследовался подвал, разрушенный в сер. III в. н. э. В центре города расчищали улицу конца III в. до н. э. — сер. III в. н. э. Исследовались усадьбы II—III вв.

Ильичевская экспедиция (начальник Э. Я. Николаева). Доследована мастерская стеклодува VI в. н. э. Открыты новое (пятое) помещение мастерской, внутренний двор и обводной коридор. Открыта винодельня III в. н. э. оригинальной конструкции, в ней имеются давяльные площадки, ванны для приема винограда.

Херсонесская экспедиция (начальник И. Т. Кругликова). Раскапывался VII квартал в г. Херсонесе и усадьба IV в. до н. э. — I в. н. э. на Моячном п-ве.

Патрейская экспедиция (начальник Б. Г. Петерс). Работы проводились вдоль береговой полосы в западной части городища. Открыты остатки оборонительных сооружений IV в. до н. э., исследовались жилые и производственные комплексы с IV в. до н. э. до средневековья. На городище «Саратовское» открыты остатки святилища с большим количеством терракотовых статуэток, бус, монет, глиняных многоярусных светильников.

Фанагорийская экспедиция (начальник А. С. Долгоруков). Продолжены раскопки городища по трассе строительства напорного коллектора очистных сооружений. В юго-восточной части города обнаружены остатки глиноплетневых домов первой половины V в. до н. э. и сырцовых зданий второй половины V в. до н. э. Под ними найдены могилы конца VI в. до н. э. На юго-западном участке открыты две канавы для отвода сточных вод, остатки сырцового дома конца V в. до н. э.

Восточнокрымская экспедиция (начальник А. А. Масленников). Раскапывались античные памятники Крымского Приазовья: поселения «Полянка» (I в. до н. э.), «Зеленый мыс» (III—VI вв. н. э.), «Крутой берег» (III—II вв. до н. э.), «Генеральское-западное» и «Чопракский мыс» (IV—III вв. до н. э.), могильник и селище Золотое (IV—III вв. до н. э.). Проводились разведки на Керченском п-ве.

Анапская экспедиция (начальник Е. М. Алексеева). Продолжалось исследование территории, выделенной для создания археологического заповедника «Горгиппия», вскрыто около 1000 кв. м античного города, открыта новая улица шириной 8 м IV—III вв. до н. э., кварталы жилых домов IV в. до н. э. — III в. н. э., винодельня — II—III вв. н. э.

Кепская экспедиция (начальник В. Д. Кузнецов). Вскрыто 350 кв. м площади, зафиксировано два культурных слоя: VI в. до н. э. (в ямах, заглубленных в материк) и II—III вв. н. э.

Мервская экспедиция (начальник Г. А. Кошеленко). Проводились раскопки двух памятников. На городище Старая Ниса раскапывался комплекс «Круглого храма» II—I вв. до н. э. Вскрыт ряд помещений, получен большой вещественный материал, особенно важны многочисленные фрагменты настенной живописи. На городище Мансур-депескывались помещения «Главного комплекса» и «Северо-западного храма». Интересны фрагменты керамики с рисунками II в. до н. э. — I в. н. э.

Арташатская экспедиция (начальник отряда А. М. Акопян). Проводились разведки и раскопки на крепостях: Базмаберд I, Базмаберд II и Катнахпур. Составлена археологическая карта этого района.

Сотрудники отдела принимали участие в работе археологического отряда Советско-Йеменской комплексной экспедиции: А. М. Акопян, В. Д. Кузнецов. В центре городища Рейбун раскопано монументальное здание и исследованы два участка рядовой застройки. Полностью раскопано здание типа усадьбы на прибрежном участке городища Кана.

Пропаганда научных знаний ведется по нескольким направлениям: 1) написание научно-популярных работ; 2) выступления в газетах, по радио и телевидению; 3) написание учебных пособий; 4) участие в создании выставок и музеев; 5) экскурсии по раскопкам и лекции в Домах культуры, пионерских лагерях, школах и т. д.; 6) руководство археологическими кружками и т. д. Е. М. Алексеева написала в 1986 г. статьи для АПН, информации для зарубежных издательств об античном городе Горгиппия и для выставки «Сокровища Кубани», которая состоялась в музее Искусств народов Востока (Москва), подготовила научно-популярную книгу «Горгиппия — город Боспорского царства»; Т. М. Арсеньева выпустила комплект открыток «Сокровища Танаиса»; Г. А. Кошеленко написал статьи в журналы «Огонек» (1987. № 25) и «Наука и жизнь» (1986. № 4) и разделы в книге «История Древней Греции» (М., 1986).

Ю. М. Десятчиков читал лекции по линии общества «Знание», Т. М. Арсеньева — для студентов в Ростове и Владимире, Ю. М. Десятчиков — в Туапсе (цикл лекций и методические занятия для участников слета юных археологов и этнографов), А. А. Масленников руководил работой молодежного семинара, Е. М. Алексеева консультировала фильм.

В 1986—1987 гг. обсуждены диссертации аспирантов отдела и соискателей: Ю. В. Горлова, С. М. Крыкина, А. Ю. Согомонова, И. М. Безрученко, В. А. Гайбова, Е. Ю. Лебедевой (рук. Г. А. Кошеленко), С. В. Мокроусова (рук. Р. М. Мунчаев).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955
- Бюл. МОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
- ГХЗ — Государственный историко-археологический Херсонесский заповедник
- ДГТ СССР — Древнейшие государства на территории СССР
- ДСППВГК — Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всеююзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИААСП — Исследования по античной археологии Сев. Причерноморья
- ИАК — Известия Археологической комиссии
- Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества
- ИКАМ — История и культура античного мира
- ИНМВ — Известия на народния музей в Варна
- ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
- Керчь — Керченский археологический музей
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- КСОАМ — Краткие сообщения Одесского археологического музея
- МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
- НС — Нумизматика и сфрагистика
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии
- ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
- Судак — Судакский клад монет 1968 г. Фролова Н. А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н. э.//НС ГИМ. М., 1983. С. 3,8 сл.
- ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976
- AA — Archäologischer Anzeiger
- AJA — American Journal of Archaeology
- BAR — British Archaeological Reports
- Ber. RGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
- BCH — Bulletin de correspondance Hellenique. Paris
- BSA — The Annual of British School at Athens
- CAH — The Cambridge Ancient History
- CVA — Corpus vasorum antiquorum
- DS — *Daramberg G., Saglio E.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
- IPE — *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. 2 ed. Petropoli, 1916. V. 1.
- Ist. Mitt — Istanbuler Mitteilungen
- JDA — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
- JRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
- PdP — La Parola del Passato
- RA — Revue archéologique
- RAG — Recherches sur les amphores Greques
- SE — Studi Etruschi

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Краснов Ю. А.</i> Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа	3
<i>Рубан В. В.</i> О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII—V вв. до н. э.	12
<i>Алексеева Е. М.</i> Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н. э.)	19
<i>Долгоруков В. С.</i> Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанатории	30
<i>Трейстер М. Ю.</i> Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея	37
<i>Абрамова М. П.</i> Западные районы Центрального Предкавказья во II—III вв. н. э.	44
<i>Даньшин Д. И.</i> Танаиты и танаисцы во II—III вв. н. э.	51

Публикации

<i>Грандмезон Н. Н.</i> Первые монеты Херсонеса	57
<i>Петренко В. Г.</i> Скифские мечи и кинжалы из Прикубанья	59
<i>Кузнецова Т. М., Хомчик М. А.</i> Зеркало из кургана в урочище Холодный Яр	63
<i>Масленников А. А., Розов В. Н.</i> Расписная керамика с мыса Зюк	66
<i>Мирошина Т. В., Сазанов А. В.</i> Терракоты из некрополя у поселка Кучугуры	73
<i>Карпушкина И. А.</i> Коринфская капитель из Горгиппии (Римские и малоазийские традиции)	79
<i>Зубарь В. М., Костромичева Т. И.</i> Новый ауреус из окрестностей Херсонеса	83
<i>Вишневецкий В. И.</i> Раскопки Кикинского городища	86

Хроника

<i>Николаева Э. Я., Усачева О. Н.</i> Работа отдела античной археологии в 1986—1987 гг.	93
---	----

Список сокращений